Сяргей

ДАВІДОВІЧ

ЗБОР ТВОРАЎ

Сяргей ДАВІДОВІЧ

Вершы
Паэмы

Том 12

Мінск
Выдавец Зміцер Колас
2020

УДК 821.161.3-821
ББК 84(4Беи)
Д13

Рэдагаванне і малюнкі аўтара

Давідовіч, С. Ф.
Д13 Збор твораў. Т. 12. Вершы. Паэмы. / Сяргей Давідовіч. — Мінск : Зміцер Колас, 2020.— 416 с., іл.

ISBN 978-985-23-0097-1.

У дванаццаты том збору твораў вядомага паэта і празаіка Сяргея Давідовіча ўвайшлі вершы і паэмы напісаныя ў 2019–2020 гадах.

Творы цікавыя сваёй вобразнасцю і шчырасцю.

УДК 821.161.3-821
ББК 84(4Беи)

ISBN 978-985-23-0097-1

Вершы
2019–2020

Сніцца мне

Сніцца мне утульная драўляная,
Вёсачка далёкая мая.
І вяскоўцаў шчырасць саматканая,
На якой прарос калісьці я.

Сніцца мне, на жаль, ужо нязбыўнае,
Тое ўсё, што сёння толькі ў снах,
Тая чысціня пачуццяў дзіўная,
Нібы мары казачнай узмах.

Сніцца побыт хаткі невыстрэнчаны,
Ціхі гоман лыжак за сталом,
Нізкастольны родны храм бярвенчаты,
Сэрца пад матуліным крылом.

Сніцца тое, што навекі страчана,
Тое, ў чым з маленства вера ў цуд.
Ўзняўшая на крылы мова матчына
І адзіны ў свеце родны кут.

Жыві

Ні часоў няма, ні меж
Для акрыленага слова.
Я пішу цябе, мой верш,
І прашу адначасова:

Я пакіну родны край,
Дзе нуду і радасць зведаў.
Толькі ты не памірай,
Не знікай за мною следам.

Што ні год, вышэй сваю
Уздымай над светам долю.
Я табе жыццё даю
І наказ: — Ляці на волю!

У табе, як і ўва мне,
Ісціна высокай пробы.
Не заўжды яна ў цане,
Шмат каму недаспадобы.

Ісціна, яна ў крыві,
Ісціна, яна у слове.
Вось чаму, мой верш, жыві
Пільна і напагатове.

Смуткуе зямля

Звяртаюцца хата да хаты
На мове нямой цішыні,
На мове бязмоўем распятай,
На мове нуды-гарчыні.

А калісь, даўно… Ды не надта,
Гадоў нейкіх сорак адкінь,
Гукалася кожная хата
На мове сваіх гаспадынь.

На мове жывёльных падворкаў,
На мове даёнак, сякер.
О як жа тут ціха і горка
Заезджаму сэрцу цяпер.

І хмурыцца неба і долы,
Балюча смуткуе зямля.
І будучы дзень невясёлы,
Бязгучны брыдзе спакваля.

О вёсачка! Што ж ты знямела?
Дзе мары бацькоў нашых? Дзе?
Хутчэй за мяне састарэла —
І хто маё стылае цела
У вечны нябыт правядзе?

З першага крока

«Хто́ мы?» — заўсёды у тэме.
Час, як вада праз пясок.
Хто, тое даўняе семя,
З якога і мой каласок?

Плынь старадаўніх паводак
Змыла стагоддзяў сляды.
Быў ён, далёкі мой продак,
«Быў» — для мяне назаўжды.

Быў — і праз тысячагоддзі
«Ёсць» і маё прарасло.
Час і знішчае, і родзіць,
Плодзіць дабро ён і зло.

Мой каласок і калоссе
Продкаў — рэальнасць ці сны?
Як мне дапяць удалося
Ў сёння з сівой даўніны?

Час той — далёка-далёка,
Там і жыцця першы ўзмах.
З самага першага крока
Распачынаецца шлях.

Мова

Ты з народзін маіх
Неадступна са мною,
Ты — жыцця гаспадыня,
А я толькі госць.
Ты зямною была для мяне
Й незямною.
Для мяне па жыцці
Ты такою і ёсць.

Ты ўладарыш душой,
Нараджаючы творы,
То уздымеш мяне,
То абрынеш ізноў.
То вядзеш у тупік,
То размежыш прасторы,
То запаліш натхненнем,
То выстудзіш кроў.

Ўсё, што ў сэрцы нашу,
Аддаю без астатку
Я табе
І душы мілагучнай тваёй
Каб валодаць табой,
Неабходна спачатку
Падыйсці да цябе,
Як да веры святой.

Незямной і зямной
Ты была безумоўна,
Для мяне назаўжды
Ты такая і ёсць.

І калі я да іншых
Звяртаюся мovaў,
Для таго, каб падкрэсліць
Тваю прыгажосць.

Твой алтар для мяне —
Твае літары й словы,
Неад’емны мой крыж,
Неад’емны мой лёс.
Я нясу яго свята
І несці гатовы
Да апошняга дня,
Як дагэтуль і нёс.

Гімн аб'яднаных нацый

Эх, дасягнуць бы
Піку творчай працы,
Не пахне дзе
Эгаістычным культам!
Стварыць бы мне
Гімн аб'яднаных нацый
І потым стаць
За дырыжорскім пультам.

Перада мною —
Шар зямны наш, зала,
І поўны гледачоў —
Ўсё чалавецтва.
І вось пачатак —
Музыка зайграла,
І пачалі знікаць,
Як раны, бедствы.

І пачала душа з душой —
О Божа! —
Нягледзячы
На расу,
Веру,
Сытасць,
Яднацца —
І сышла ў нябыт варожасць,
І атуляла усіх —
Спагада, літасць.

А я, галоўны аб’яднання аўтар,
Аркестрам дзіўным
На ўвесь свет кірую.
Хоць я зусім не профі,
А аматар,
Я з чалавецтва шчырасцю
Шчырую.

О, колькі ў гімне
Розных варыяцый!
О колькі нашых душ
Дагэтуль спала!
І мілагучнасць
Аб’яднаных нацый,
Разрозненых усіх нас,
Аб’яднала.

Адным днём

Мы, пакуль маладыя,
Шчыруем і мала бядуем.
Ды аб чым бедаваць?
Мы пакуль што пасевы не жнём.
Мы жывём адным днём,
Хоць і планы надоўга будуем,
Хоць сто год пражываем,
А ўсё-ткі жывём адным днём.

Мы жывём з вамі сёння,
А заўтра збіраемся толькі.
Мы жывём адным днём,
А «ўчора» — яно ўжо было.
І гады, што прайшлі —
Нібы тыя далёкія зоркі,
Ад якіх нам «у сёння»,
Ні цёпла, ні ззяе святло…

Як мой брат паміраў,
Ён цішком уздыхнуў развітальна,
І апошнія словы,
На дзіва, без болю былі.
Ці мяне супакойваў.
Ці проста сказаў памінальна:
— Не такое й малое
Пражыў я жыццё на зямлі…

Эх, Кастусь дарагі,
Мы жывём адным днём — унікальна,
Ты жывеш… дажываеш…
У гэ́ту хвіліну, цяпер.

А ў мінулым — нішто,
Успамінаў тваіх віртуальнасць,
А наперадзе… хутка…
Рэальнасць — магілы ашчэр…

Я жыву адным днём,
Што зраблю, тое й зроблена будзе,
Не жыву я «ва ўчора»,
А заўтра ці буду — мо й не.
Я жыву ў гэты дзень —
Ў гэтай радасці, тлуме і гудзе,
А закончыцца дзень —
І жыццё з ім, магчыма, міне.

З Новым Годам!

Як мне абрыдлі
Думкі-зачухонцы,
Я прайграю ім —
З імі ў барацьбе.
Здаецца мне,
Што пахаваў я сонца
І заблудзіўся ў цемры —
У сабе.

Я бачу —
Сам сабе я перашкода,
І я сабе жадаю
Ў гэты дзень —
Апошні дзень
Мінаючага года,
Каб тут, у сёння,
Мой застаўся цень.

Каб без яго
Я ў новы год пракрочыў
Праз думак
Расцярэблены гушчар.
Каб жыць пачаў —
Ад навагодняй ночы
Да вечнай ночы
Ў сонечнасці мар.

Мне мала засталося
Й мала трэба —
Хачу я
Напярэдадні зімы,

Каб хлеб надзённы быў,
А ўжо да хлеба,
Каб вершаў
Нараджаліся тамы.

Каб танчылі
Ля елкі карагодам
Любоў,
Надзея,
Вера ў лепшы час.
Я шчыра ўсіх віншую
З Новым Годам
І зычу шчасця
Для сябе і вас!

31.XII.2019

Ген

Раздвоенасць душы жыве ўва мне,
Бязгрэшнік і спакуснік падкалодны.
Я з даўніны прыйшоў, я ў даўніне,
Я і сучасны, я і старамодны.

Ва ўсе часы жыве час перамен,
Для свайго часу ён заўсёды новы.
Ўва мне ж не спіць часоў мінулых ген.
Напомніць пра сябе заўжды гатовы.

Які б я не прымерваў капялюш,
Які б я гальштук не чапляў на шыю,
Я чую покліч тых сялянскіх душ,
Жылі стагоддзі да мяне якія.

І пакідаю я сталічны тлум,
І астаўляю свецкую тусоўку,
І ў вёсцы скіну модны свой касцюм,
Абую боты, апрану ватоўку.

І так мне лёгка, так прыемна мне
На ганак выйсці ранкам сінявокім.
І ген душу кране пяшчотна мне,
І нагадае пра мае вытокі.

Усё, што засталося

Па вёсачцы іду,
Якой амаль не стала,
Па памяці сваёй,
Якая ў сэрцы ёсць.
Па роднае зямлі,
Якая ўзгадавала,
І трапяткой душы
Дала святое штось.

І памятаю я
Жыцця світанак ранні,
Як хлапчучком ішоў
Па гэтай жа зямлі.
Ўсе радасці мае
І ўсіх трагедый раны —
У будучым маім,
Наперадзе былі.

Ідзі, мой хлапчучок,
Насустрач мне, Сяргейка,
Сны раскажы свае,
А я табе свае.
І нашага жыцця
Прачулая жалейка
Бальзам надзей і мар
Нам у душу ўліе.

Ідзеш ты па зямлі,
Па роднай вёсцы босы,
Павер, што гэта лепш
Сучаснасці штыблет.

Спяшацца патрывай
У тлумны свет дарослы,
З галоднага жыцця,
Няхай і ў сыты свет.

Ды што б я ні казаў
Ты будзеш жыць па-свойму,
І правільна, дружок,
Па-свойму ўсё рашы.
І святаў, і нягод,
Вялізную абойму
Па лёсе панясеш
У сэрцы, у душы.

Эх, вёсачка мая,
Усё, што засталося,
Ад тых гадоў і дзён
Шумлівай табалы.
Эх, светлае жыццё,
Ці ты мне падалося —
Ссівеласць, маладосць,
І хлапчучок малы?

Парк Пісьменнікаў

У «парку пісьменнікаў»,
парку адзіным у свеце,
Тут творчасці дух
і духоўнасці водар жыве,
Збіраецца моладзь
гуляюць дарослыя, дзеці,
У небе блакітным
задумлівы бусел плыве.

Паэты, празаікі,
творцы сучасных рэалій,
Высаджвалі дрэвы,
паказвалі працы узор.
Аддана, натхнёна
і дружна свой парк закладалі,
Нібыта пісалі
свой лепшы, прачулены твор.

І парк атрымаўся
утульны і вельмі удалы.
У ім Багдановічу з Коласам —
наша любоў.
У ім і душа
бессмяротнага Янкі Купалы,
Душа папярэднікаў творчых
мінулых часоў.

Улетку й зімою
сюды запрашаюць алеі,
Падораць гасцінна
сваю прахалоду і цень.

Тут чуюцца вершы
спраўляе жыццё юбілеі,
Тут кожны прыгожы
сваёй непаўторнасцю дзень.

І вольна тут марыцца,
пішацца светла і плённа,
І парк вас прытуліць
у радасці, і у журбе.
«Пісьменнікаў Парк»
прапануе сяброўства штодзённа,
У ім адчуваеш
часціцай Радзімы сябе.

Іншае знайшоў

Гадзіны дзве ці тры
Пятляю, як «касы».
Дык дзе ж вашы дары,
Гасцінныя лясы?

Бязгрыб'е — не бяда,
Відаць, я не ў пару.
Кабыл вунь чарада,
Ды іх я не бяру.

І мухамор не ў лік,
«Куцця» ў яго свая.
А-а, вось і баравік,
Такі ж стары, як я.

Грыбоў амаль няма,
Хоць «караул!» крычы.
Лісічка вось, кума,
Табе не уцячы.

У лесе й без грыбоў
Даволі розных дзіў.
Я іншае знайшоў —
Падыхаў, пахадзіў.

Толькі ў сне

Гармонік мой, даўно як сціх,
І ад яго адвыклі рукі.
Ў душы мелодый дзіўных тых
Ўспамінам ажываюць гукі.

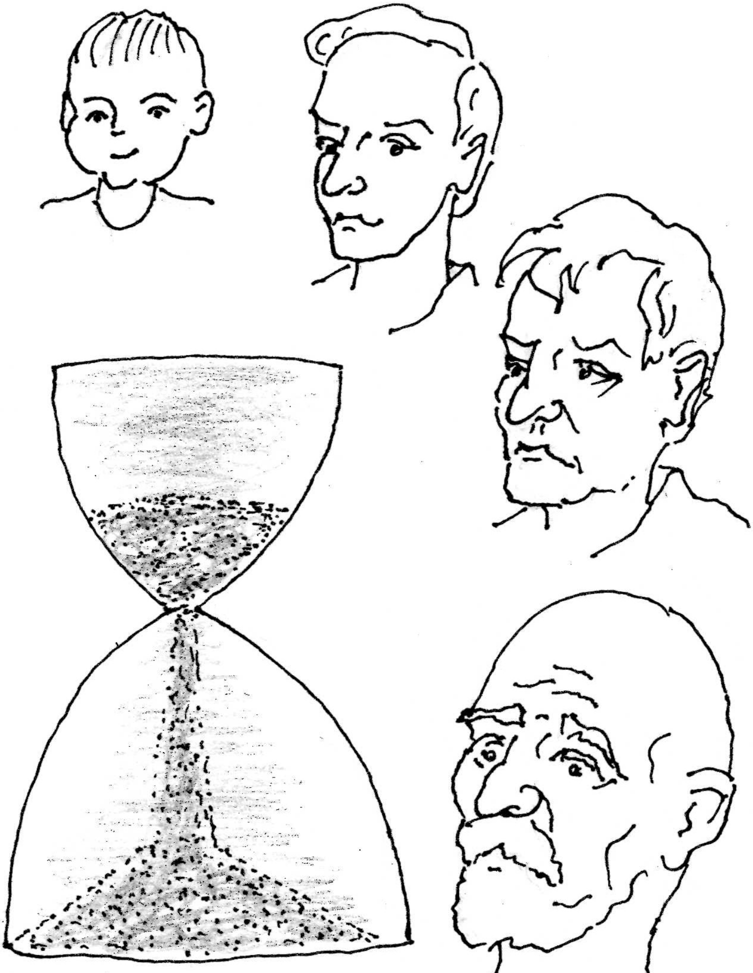
Праз тоўшчу год у нашы дні,
Ўліваюцца, валтузяць памяць.
Яны гучаць з далечыні,
І лечаць мне душу, і раняць.

Пасляваенныя гады,
Час рэчаіснасці суровай.
Гармонік ратаваў тады
Ад безвыходнасці жыццёвай.

Бывала, разгарну мяхі,
Узрушу галасы з басамі,
І хоць падцягнуты духі,
А душы падпяваюць самі.

Эх, скінуць бы шэсцьдзесят год,
На танцах сесці б у куточку.
Я б рэзнуў «Полечку» й «Факстрот»
І «Рэчаньку», і вальс, і «Ночку».

Абняцца б з тым мінулым мне,
Убачыць хоць хвілінку б тую…
Ўсё гэта бачу толькі ў сне
І толькі ў сне ўсё тое чую.

Пясочны гадзіннік

Мы назіраем відавочна
Адклаўшы справы ў бок,
Як у гадзінніку пясочным
Струменіцца пясок.

Трэба прыдумаць так! Цікава!
І гэта вабіць нас.
Але гадзіннік — не забава,
А наш бясцэнны час.

«Жыве» гадзіннік двухбакова,
Яшчэ і зноў яшчэ —
Перавярні — і ён нанова
Пясочна пацячэ.

І час працуе без упынку,
Адсейвае гады.
І кожны год, нібы пясчынка,
Цячэ у нікуды.

Вось так жывём пад вокам Божым
Да фінішу свайго.
Крутнуць жыццё, на жаль, не можам,
Каб зноў пачаць яго.

«Паралельны свет»

Свет, поўны казачных падзей,
Надзей і мараў каляровых,
Свет, поўны родных мне людзей,
Свет, што ні дзень, пачуццяў новых.

Свет, уздымаўшы на крыло
Душу сваім святлом няспынным.
Жыцця пачатак…
Так было…
А сёння? Свет здаецца клінам.

Жыцця пачатак…
Так было…
Канца пачатак — гэта сёння.
Адно зламалася вясло,
Мой човен — лёс паціху тоне.

Усё было.
Усё міне.
Я не апошні і не першы.
Як паратунак для мяне —
Свет, што ст募араю я у вершах.

Ён зразумелы!
Блізкі!
Мой!
Ён для мяне, як човен Ноеў.
Я прыхінаюся душой
Да мной жа створаных герояў.

Ствараю свет з уласных слоў,
З задумкі незвычайнай самай.
У ім магу абняць братоў,
З сястрой сустрэцца, з татам, мамай.

Ён — абярэг мой, не сакрэт,
Алтар душы адзінакроўны.
І гэты «паралельны свет»,
Цяпер за ўсё і ўся —
Галоўны.

Мая тэма

Как скуден мой запас
Красноречивых слов,
И мыслей незатейливых бессилие.
Но всё, что дал мне Бог,
Я посвятить готов,
Чтобы воспеть тебя, деревня милая.

Адно ўжо тое, штó
Народжаны я тут,
Ў тваім прыполе, пад крылом матулiным,
Я сэрцам, я душой,
Урос у гэты цуд,
Я вёсачкай мiнулых год атулены.

Мне могут возразить —
Всех деревень не счесть,
Отмеченных своею самобытностью.
Изюминка своя
В деревне каждой есть,
Граничащая с местной знаменитостью.

О, каб хоць хтосьцi з вас,
Ну хоць бы на паўдня,
Папаў сюды, дзе даў мне Божа вырасцi,
Здзiвiўся б моцна той —
Якая чысцiня
Людзей, прыроды, чалавечай шчырасцi!

Вы спросите, зачем
Я дал зеленый свет
Двум языкам? Вот здесь непонимание.
На сложный ваш вопрос,
Вполне простой ответ:
Чтоб больше этой теме дать внимания.

Я ў гэту тэму ўклаў
Не раз сваю душу,
Так цёпла тэму не кранаў ніводную.
Мне цяжка не пісаць,
Таму ізноў пішу
Пра маму, пра Радзіму й вёску родную.

І я

Загрузіўся пад завязку
Я, жыццё, табой.
Лёс, пафарбаваны ў казку,
Толькі ў марах мой.

Я адчуў даўно, не сёння,
Халадок зімы
У рэальнасці ў палоне,
А не ў казцы мы.

Што ні год — жыццё ніцее,
Спадчына мая.
Хто там думкай багацее?
Дурань… з ім і я.

Сустрэчы – расставанні

А мы й не думалі, дарэчы,
Ў шчаслівы той апошні час,
Што расставанні, не сустрэчы,
Мы ладзілі за разам раз.

Наш час агульны згорбіў плечы,
Сціскаўся да знікнення ён.
І да апошняе сустрэчы
Было ўсё менш і год, і дзён.

Ніводзін з нас не быў гатовы
Расстацца назаўжды — ніхто!
Ў застоллі мы вялі размовы
Пра ўсё на свеце й ні пра што.

І шчасцем поўніліся сэрцы,
Благое адлятала прэч.
Мы — кроў адна, адзінаверцы,
Мы верылі ў працяг сустрэч.

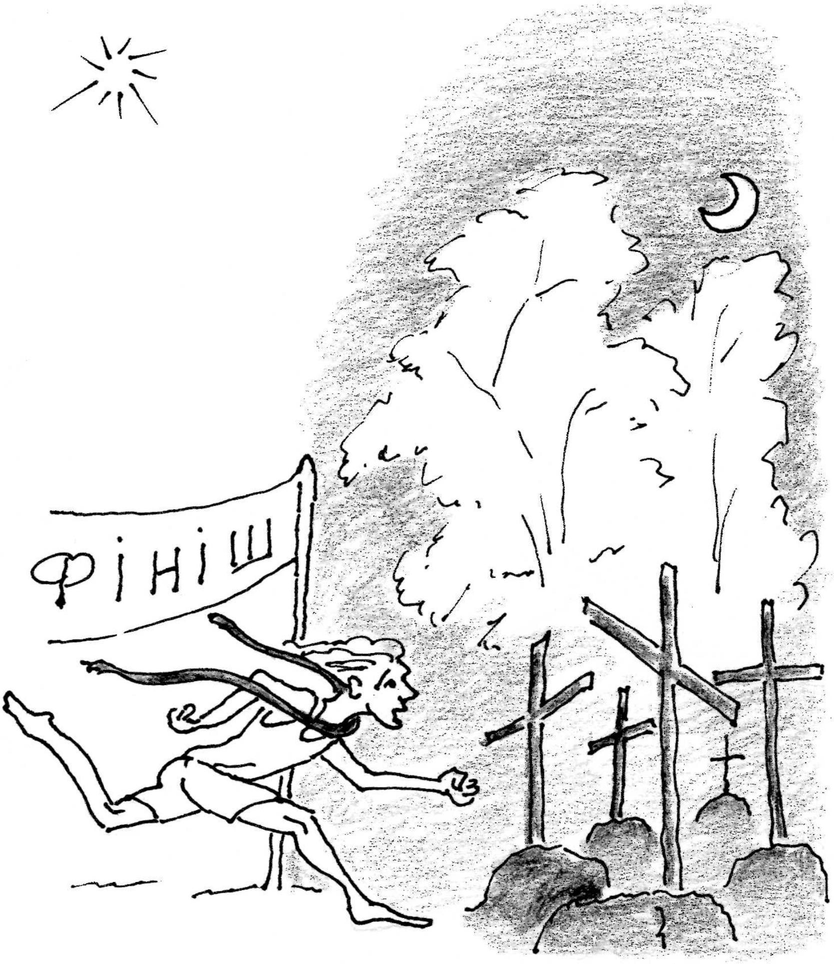
Жыццё, яно, як поле брані,
Непрадказальнае, на жаль,
Сустрэчы — гэта й расставанні,
Нярэдка — і апошні баль.

А што яшчэ?

А што яшчэ мне засталося?
Ўплятаць у сумныя радкі
Рэха былога шматгалосся,
Бязгучнасць кропель са шчакі.

А што мне засталося болей,
Прыціснутаму ды мяжы?
Маўчаць — і зноў маўчаць ад болю,
А кожнаму радку даць волю
Крычаць распятым на крыжы.

А што мне засталося сёння?
Пісаць!
Пісаць!
А што яшчэ?
Пра плыні крыўд і слёз бяздонне,
Якое праз душу цячэ.

Фініш

Фініш

Ва ўсім быць пераможцам — лейтматыў,
Ні пройгрыш (не дай Бог), ні нічыя.
Чым ні займаўся я, што б ні рабіў,
На фінішы быць першым марыў я.

Не ведае амбіцыёзнасць меж,
«Пусціце павалюся» — мала тых.
І кожны з нас на фінішны рубеж
Імкнецца з усіх сіл раней за ўсіх.

Усё жыццё — наперад! На нагах!
Да мэтаў! Да вяршынь! На абардаж!
І раптам разумеем: фініш — жах,
Наперадзе апошні фініш наш.

У шторм маліўся кожны: — З намі Бог!
Я ж разумею — хутка фініш мой.
Хоць хвалі лёсу я адолець змог,
Дзявяты вал накрые з галавой.

Разуюць вочы

Калі падводжу вынік спраў,
Заўжды разгублена дзіўлюся —
Я менш пасеяў, чым сабраў,
І менш ты лашчыў, чым караў,
Такі загадкавы Ісусе.

Ў канцы — які ж гэта аванс?
Багата — творчай нівы збожжа.
Больш зжаў, чым сеяў — дысбаланс,
За што такая шчодрасць, Божа?

І ўсё ж — я працаваў на знос,
Я не лічыў ні дні, ні ночы.
Заўважыў толькі ты, Хрыстос,
Я адыду — «разуй ім вочы».

Факультэты

Прыйшоўшы ў свет недасканалы гэты,
Недасканалы сам і непісьменны,
Амаль усе я скончыў факультэты
Свайго жыцця, набыўшы скарб бясцэнны.

Я вывучаў маленства залатое,
Я грыз навуку — спасцігаў юнацтва.
У сталасці заўжды шукаў героя,
З якім ва ўсім я марыў параўнацца.

Давалася ўсё весела, з імпэтам —
Знаёмствы, прэзентацыі, здзяйсненні,
Тварыў з вясенні́м, летнім факультэтам,
Не мала спраў адолена з асеннім.

Жыццё ўсё кліча й кліча: — Калі ласка!
Ды ўсё далей, далей світанак ранні.
Апошні факультэт даецца цяжка,
Ён крэсліць і жыццё, і намаганні.

Паляўнічы сезон

Сезон паляўнічы адкрыты.
О гэта, уцех адкрыццё!
І будзе штодзённа забіта
Братоў нашых меншых жыццё.

І стрэлы пакоцяцца ліха,
Ад рэхаў аглухне зіма.
І будзе шукаць лось ласіху,
А заяц сяброўку зайчыху,
Й ліса будзе, плачучы ціха,
Гукаць тых, каго ўжо няма.

А потым ад доз алкаголю,
Ля вогнішча здзейсненых мар,
Дадуць паляўнічыя волю
Эмоцыям палкім, як жар.

І смачна (даруй гэта, Божа)
Гучаў над забітымі смех:
— О як той кульнуўся прыгожа!
— А гэты дык пысай у снег!..

Па лесе рог трубіць і кліча
Сабак, незаменных сяброў.
І стыне ад куль паляўнічых
На снезе бязвінная кроў.

Здзіўленне

Шмат перадумаў я,
Зноў думаю аб гэтым,
І зноў здзіўляцца не перастаю.
Карпілаўка мая
Была мне цэлым светам,
Крынічанькай, з якой я сэрцам п’ю.

У вёсачцы малой,
Ледзь-ледзь адукаванай,
Я спасцігаў прамудрасці жыцця.
Якою сілай быў
Я, Божа, ўзгадаваны,
Бязвыйсця найбяднейшага дзіця?

З любоўю помню я
Маленства-залацінку
Я сэрцам там,
У думках сёння з ім.
Так дзівіцца ўвесь свет
На кволую травінку,
Прабіўшую асфальт жыццём сваім.

Уладальнік скарбаў

Зямляне мы, ў нас пад нагамі глеба,
Мы — ад зямлі спрадвек, яе мы дзеці.
Чаму ж нас так чаруе зорнасць неба?
Ці ж мала цудаў на сваёй планеце?

Хто нас ці што нас вабіць — невядома,
Няўжо ён ёсць, касмічны ген так званы?
І я, свае гады пакінуў дома,
Нырнуў у ноч, стаю зачараваны.

Забыўшыся аб марах і аб мэтах,
Здаецца мне пад казачнасцю зорнай:
Смяротны я — ўладальнік скарбаў гэтых,
Бязмежных, бессмяротных, непаўторных.

Вася

Як супярэчыць Бог —
Ён ажывіў твой лёс.
Тады,
Калі жыццё з цябе збягала.
Душою ты ўскрыяў,
І ты у шчасці рос,
І ты ажыў,
Пражыўшы вельмі мала.

Чамусьці ад цябе
Бог адвярнуўся ў бок,
Хаця душа твая —
Чысцей самоты.
Ты — сонейка душы —
Пражыў адзін гадок,
Ўсяго гадок
Сардэчнасці, пяшчоты.

І вось ты — у зямлі.
Дарую табе, Бог,
А калі шчыра мовіць —
Не дарую.
Ён крылцы разгарнуў,
Ён жыць і жыць бы мог…
Ён ува мне жыве —
Я сэрцам чую.

Хоць ты над намі, Бог,
Васі́лькі выстыў след,
А ён жыццё
Сабою упрыгожваў.

Такой душы няма
На ўвесь твой Божы свет —
Ці ты аслеп?
Аглух?
Ці абязбожыў?

Вядома мне, на жаль,
Па кім жалобны звон,
Ён дорыць Васількý
Жалобу тую.
Чым больш у свеце іх,
Пакрыўджаных, як ён,
Тым меней, Бог,
Цябе ў сабе я чую.

4 жніўня 2019 г.
Загінуў Васілёк

Не і не!

Нам бы жыць усё ды жыць —
Дні, гады, вакол шмалюддзе…
Немагчыма уявіць,
Што й без нас усё так будзе.

Што адшчодрыцца вясна,
А за ёй надыдзе лета.
Але ўжо не будзе нас,
Не убачым усё гэта.

Што ні дзень, і што ні год,
Як дарунак Бога слынны,
Будзе сонейка усход,
Будзе вечар салаўіны.

І наш час жніва міне
І збяруць другія збожжа.
Так не хочам. Не і не!
Не выкрэслівай нас, Божа!

Свая луста

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды…
А. Блок

Мы бачымся не так ужо і густа,
Калегі? Так. Па сутнасці — сям’я.
Ў кожнага адрэзаная луста
Ад пірага агульнага — свая.

Праз час сустрэча — рэдкая удача.
Калега слоўмі холадна пячэ,
Ўсклікне: — Як даўно цябе не бачыў!
А ў поглядзе: — Дык ты жывы яшчэ…

А ў думках цешыцца: «Я лусту ма́ю
Пабольш тваёй, пабольш усіх — ага!»
І ўпотай ад сваіх калег жадае
З агульнага урваць бы пірага.

Варожасць тайная? Не, гэта ўжо занадта.
Чужыя мы? Не. Божа барані.
А зайздрасць, як быльнёг, расла выдатна
Ва ўсе часы, на жаль, і ў нашы дні.

У творчую, адну мы селі лодку,
А грэбаем, у розныя бакі.
Нятворчы дух у творчым асяродку,
Як той туман, у ім мы — слепакі.

Кропка невяртання

Цывілізацыі, да нас былі якія,
Напэўна клалі «быць-не быць» на шалі.
І знесла іх ў нябыт «не быць» стыхія.
Якую замест «быць» яны абралі.

Яны, так, як і мы, ішлі з пячоры
Да самых скрытых тайнаў навуковых.
Былі свае ў іх радасці і горы,
Была ў іх прага да адкрыццяў новых.

І ўсё ж не размінуліся з бядою,
Трагічна памыліліся ў дадатак —
Стварылі раптам атамную зброю,
І гэта быў для іх канца пачатак.

Іх, пэўна, знішчыў атам гэты кляты,
Антаганізм палітыка-ідэйны.
А ў іх былі тады свае Сакраты,
Свае да-Вінчы і свае Эйнштэйны.

Быў Байран свой і Пушкін, і Купала
Быў Мендзялееў свой і Магамаеў,
І дзеячоў духоўнасці не мала,
І быў свой Македонскі і Чапаеў.

Й амбіцыі касмічныя таксама,
І цяга у глыбіні акіяна.
Былі, напэўна, й велічныя Храмы,
Служылі Богу ў іх самааддана.

Ўсё тое, што мы маем, а, магчыма,
Мы — рэха іх, мы ўсе — адно насенне.
Не можа чалавецтва без экстрыма,
Які прыводзіць да самазнішчэння.

Няўжо для ўсіх, усіх цывілізацый
Жыццё — на час, пустая акалічнасць,
І Бог, на жаль, заняты марнай працай,
Стварaючы часовасць і цыклічнасць?

Няўжо пачатак цыклу — час для ўзлёту,
Яго канец — з палётам развітанне?
І кожная з цывілізацый потым
Сваю праходзіць кропку невяртання.

Ці ж для таго з нуля стваралі кроўна
Праз намаганні свет свой пакаленні,
Каб скарб матэрыяльны і духоўны
Канцом зрабіўся цыклу ў імгненне?

Сярод катоў Эзоп

Мой кот… Разумны кот… Які высокі лоб!
Цеш нас, сябе, крычы вясной, дурэй.
Сколь розуму ў вачах — сярод катоў Эзоп,
Той, кажуць, мудры быў,
А ты яшчэ мудрэй.

Я слухаю цябе...
Эх, каб сказаць ты мог,
Хто плакаў бы, хто ўголас заіржаў.
Не выключаю, што
І пабаяўся Бог,
Што ты пад хвост запхнеш
Кіраўнікоў дзяржаў.

Маўчыш? Ну што ж, маўчы.
Я памаўчу ў адказ
Маўчанне — гэта мова моў, лічу.
Маўчанне тое, што і аб'яднала нас,
Я шмат сказаць бы мог,
Ды лепей памаўчу.

Машына часу

Мне б у падушку з галавой накрыцца,
Яна — цяпер мая машына часу,
Яна мяне і ўсё, што ноччу сніцца,
Нясе да родных, дзе жыцця крыніца,
Да неўміручага іканастасу.

Я ўсіх іх бачу, галасы іх чую,
Хачу ў спатканне ўсю душу укласці.
Трапляючы у сне у казку тую,
Днём разумею, што такое шчасце.

Яно было — і ўжо не будзе спасу
Ад думкі, што не вернецца ніколі.
Надыдзе ноч — і зноў машына часу
Імчыць мяне да родных, шчасця, болю.

Прыму!

Не таму іду з жыцця пануры,
Што без біркі творчы мой партрэт —
Не заслужаны дзеяч культуры,
Ні мастак народны, ні паэт.

Не! Па званнях тых душа не ўзные,
Хоць на званні, што ні год — няўрод,
Бо дае ці не нам званні тыя
Усяго чыноўнік — не народ.

І жыццё, і творчую ўсю працу
Прысвяціў я толькі аднаму —
Быць з народам, чалавекам звацца,
Гэта званне з радасцю прыму.

Складаны чалавек

Сказаў — адрэзаў,
Напісаў — адсек,
І чорнае не называю белым.
Для многіх я — складаны чалавек,
Для «нескладаных» я — незразумелы.

І што рабіць?
Сам па сабе жыву,
Душы каноны — для душы законы.
Жыву і не схіляю галаву
Пад ціскам штучна створанай іконы.

Мой верш вышэй за ўсіх гаспадароў,
Якім паўсюдна марыцца быць першым.
Ці не таму так мала ёсць сяброў,
Якія стануць побач з гэтым вершам?

Абразок

Нашу я ў сэрцы абразок
Святы — сваёй матулі
Вярнуцца мне б хаця разок
Ў дні, што даўно мінулі.

І папрасіць бы у яе
Святое прабачэнне —
Даруй памылкі ўсе мае,
Дай мне ад іх збавенне.

Я заплачу цаной любой,
Жыццём, здароўем, воляй
Я вінаваты прад табой —
Любіў цябе…
Мог болей.

Я грэўся ад вачэй тваіх,
Ўдыхаў любоў жывую.
Табе ж я не сказаў услых,
Як сам цябе люблю я.

Запознены наш самасуд —
Нярэдка й сёння драма.
Любоў матуль — вялікі цуд,
А наша ім?
Таксама.

Не далюбілі калісь мы,
Хаця любілі шчыра.
І вось гняце нас боль нямы
Хоць маці нашы ў свет зімы
І адляцелі ў вырай.

Так, я рабіў усё, што мог,
А ўсё, здаецца, мала.
Я, мама, вобраз твой збярог
Жывым у сэрцы — бачыць Бог,
Калі цябе не стала…

Нашу я ў сэрцы абразок
Сваёй матулі свята.
І чую раптам:
— Ты, сынок,
Ні ў чым не вінаваты.

27 студзеня 2020 г.
34 гады як не стала мамы

Няўжо толькі кан’як?

Я расцвярэзнік быў, цяпер паціху п’ю,
Кахаў адну, цяпер хачу «налева».
Прайдошныя гады, вы нерушасць маю
Збасячылі наскрозь, як шашаль дрэва.

Трагедыя жыцця — раблюся як і ўсе,
Замест мазгоў, агульная ідэя.
І хоць мільёны сонц на ранішняй расе,
Іх шмат, але ніводнае не грэе.

Ад вуліц, ад жыцця, уратавацца як?
Няўжо да пекла толькі крок ад рая?
Падобна, што ў жыцці адзін толькі кан’як
З гадамі моц і якасць набірае.

Запазычанасць

Як шмат людзя́м даў Бог —
Зямлю-планету.
На ёй, на густ любы,
Пары чатыры года.
Зіму і восень,
І вясну, і лета,
Яны — адным экстрым,
Камусьці — асалода.

Якая прыгажосць!
І ўсё для нас — прыміце!
Бярыце!
Карыстайцеся навечна!
Не будзьце толькі,
Як быльнёг у жыце,
Жывіце,
Але не бесчалавечна.

І так зрабіў
Наш чалавечы род,
Як Бог хацеў,
Ды ўсё наадварот.

Крыніцы,
Краскі,
Зёлкі,
Матылькі —
Усё, з нашай нялёгкае рукі,
Прыроды першароднасць,
Як на ліха,
Усё ідзе назвод —
І не паціху.

І кожны новы
На зямлі нашчадак,
Па-новаму
Знішчае ўсё ў дадатак
Штогод расце
Радыяцыйны фон
І ставіцца само жыццё
На кон.

Мы маем
Запазычанасць па вушы
Перад жыццём, прад Госпадам,
На жаль —
Узаемна мы знішчаем
Нашы душы,
Самасвядомасць знішчылі амаль.

Заспакойвае адно

Усе мы пішам аб адным і тым,
У штампаў і канонаў мы ў няволі —
Аб сумным, смешным, грэшным і святым,
Ды ўсё-ткі пішам пра сябе найболей.

Частуемся духоўным пакрысе,
Пісаць глыбей, хоць хочацца, не можам,
Бо смешныя і грэшныя мы ўсе,
Таму й не прарастаем зернем Божым.

Што ж, хто мы ёсць, вядома нам даўно,
Яшчэ далёка да мяжы фінальнай.
І ўсё ж нас заспакойвае адно,
Што кожны з нас, над кожным, геніяльны.

«Кар’ерыст»

Ў кар’еры, на БелАЗе я,
Уверх — уніз, прывычна.
І гэта не фантазія,
А факт біяграфічны.

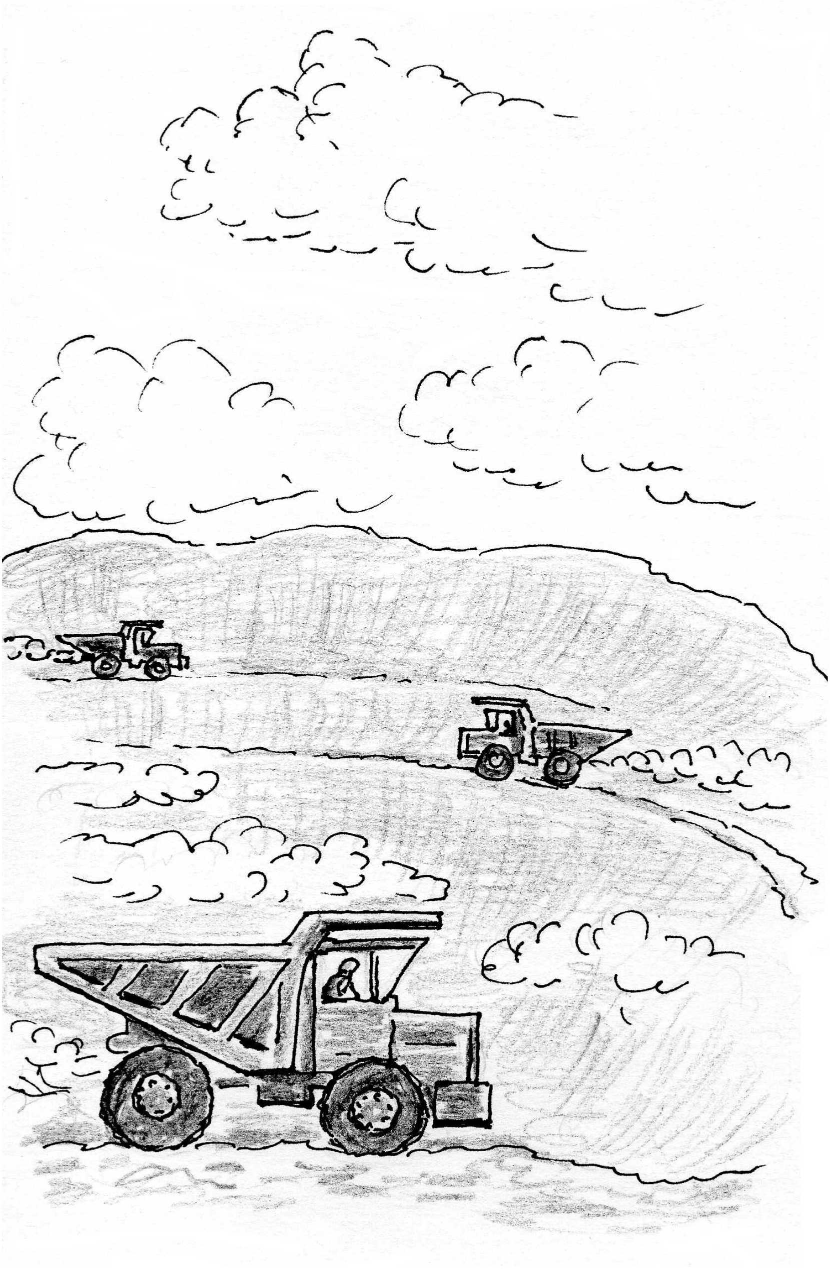
Ў кар’еры за БелАЗамі
Цягнуўся дым нязменна.
Я выхлапнымі газамі
Надыхваўся за змену.

Губляў неспадзявана я
Кар’ерныя маршруты,
Бо чаша катлаванная,
Як возера атруты.

Ён меў крутых дарог сюрпрыз,
Круты кар’ер бяздонны.
Імгненна мог кульнуцца ўніз
БелАз саракатонны.

Аднойчы мог і я «нырнуць»,
Ды спахапіўся жыва —
Цягнула за рулём заснуць,
Начамі асабліва.

Начная змена — час бяды,
Ў напрузе нас трымала.
Куляўся хтосьці, і тады
Усякае бывала.

Што ж, быў я «кар’ерыстам»… Вось…
Дзень-ноч. Ноч-дзень. Запарка.
Ў дадатак, я прапах наскрозь
Мазутам і саляркай…

Я сёння зазірну туды,
Ў мінулы час вірлівы.
Туды, дзе быў я малады,
Больш бедны, ды шчаслівы.

Я не лайдачыў на зямлі,
Ішоў праз час да мэты.
І ў працы крылы набылі
Мае «ўніверсітэты».

Зляціце з неба

Зляціце з неба на зямлю, анёлы,
Там сонца шмат,
Тут змроку значна болей.
Там атуляе вас блакіт вясёлы,
Тут вельмі шмат атуленых нядоляй.

У вышыні, ў бязмежнасці нябеснай,
Гармонія палёту і прасторы.
Тут ад амбіцый палітычных цесна,
Тут эгаізм, з драпежнасцю сумесна,
Выключнасць тчэ сваю на нечым горы.

Свет патанае сёння ў раўнадушшы,
Забыўшыся, што ўсе мы сонца дзеці.
Анёлы, асвятліце нашы душы —
О як жа страшна жыць у змрочным свеце.

«Калгас»

Мы прагнем ранак адгарнуць,
Нібыта новую старонку,
І ў будучыню зазірнуць,
Імчаць за часам наўздагонку.

Каб толькі не праспаць чаго,
Не размінуцца, не спазніцца,
Не бразнуцца з жыцця свайго,
Якое, быццам бліскавіца.

Як вы падобны, сонца ўсход,
Дзень, вечар, на жыцця прастору.
Як хутка кожны дзень і год
Ад нас спяшаюцца ва ўчора.

І мы аднойчы станем ім.
Хоць круцім, круцім дзён педалі,
Як продкі ў часе маладым
Імкнуліся — наўздым, наўздым,
Уперад — і мінулым сталі.

О, гэты жах — мінулы час,
Здаецца. з ім мы не хаўрусім,
Мы ж у сучасным. Усё-ткі нас
Ён забярэ у свой «калгас»,
І мы у ім застацца мусім.

Адно мне...

О як я не зайздрошчу таўстасумам,
На залаты прысеўшым унітаз,
Тусовачным, карпаратыўным тлумам
Узнесеным на хліпкі свой Парнас.

Яны жывуць, але жыцця не бачаць,
«Царуюць», ды ў бяздушшы царства іх.
Іх вычвурным, шматпавярхоўным дачам
Далёка да заможнасцей маіх.

Мне так утульна ў хатцы нізкастольнай,
Дзе нос казыча печы курадым,
Дзе сняцца казкі, дыхаецца вольна,
Дзе мару з успамінамі ў абдым.

На ганак выйду — тут каток прыблудны,
Ён ласунка́ чакае на двары
А ў хаце, за спіной маёй — «шматлюдна»,
Прытуленых бяздомнікаў — аж тры.

Ўжо прыжыліся — Плюшка, Пуфік, Вася,
Не мала дзён са мною і начэй.
Чатыры будуць у маім «калгасе»,
Не праганяць жа гэтага з вачэй.

А вунь жа, верабейчыкаў сямейка.
Сямейка? Іх тут больш за пяцьдзясят.
А воддаль вунь, сарока, як зладзейка,
Здаля цікуе, прыляцела ў сад.

Прадзім’е… Ўсім ім хочацца паесці,
Ужо і дождж занудзісты імжыць.
Ды і зіма не за гарамі — дзесьці,
Без дапамогі як бяздомным жыць?

Ды горш за ўсё сабакам-небаракам,
Прагнаным з хат і прадзімовых дач.
Скарынка хлеба будзе ім прысмакам —
Такі вось боль душы вакол, хоць плач.

Іх ад сябе не адпіхнуў ні разу,
Мне іх карміць прыемна, бачыць, чуць.
Яны са мной шкадуюць, пэўна, разам,
Што раз на месяц пенсію даюць.

Дзялюся з імі я, мяне не ўбудзе,
Адно мне — каб усе яны жылі…
Ці ведаюць багаценькія людзі,
Што столькі ёсць гаротных на зямлі?

Ці ўспомнілі хоць раз аб іх, нябогах,
Наеўшыся ад пуза за сталом?
О як жыццё іх абдзяліла многіх,
Не, не грашамі, а душы цяплом.

Самае святое

Блаславі, Гасподзь, паэта —
Ўсе б імгненні — у натхненні.
Вершам — восень,
Вершам — лета,
Вершам — дзіўны час вясенні.

А зіма?
Над ёю тое,
Што вясной, улетку, ўвосень,
Ўзнікла, назаўжды жывое,
Вершы — самае святое.

Фінішны спурт

Ля фініша жыцця
Я перайшоў на спурт —
Не здзейсніў шмат, паспець бы,
Не згубіць напрамак.
Але я выглядаў між сонных, як абсурд,
Як белая на чорным фоне пляма.

Я й сам сябе лаўлю на думцы: «Супыні
Душы імклівай лёт —
Гады жыцця, як гіры.
За часам не паспець на стомленым кані,
А ў сутках усяго гадзін дваццаць чатыры».

Я сам сабе суддзя.
Я сам сабе — узор,
Бязлітасна сваю знямогу дакараю.
Дзень без радка, страфы —
Лічыце, я памёр,
І нават, калі не —
То цьмяна дагараю.

Круглы стол

У час сучасны, як і ў час былы
І людзі, і дзяржавы ў свеце цэлым,
З надзеяй ладзяць круглыя сталы,
Каб быць пачутым,
Быць больш зразумелым..

Для перамоў ён самы неблагі
Стол круглы, ад благіх намераў чысты.
Усё-ткі і з яго тырчаць рагі,
Калі за ім сядзяць антаганісты.

Еднасць душ

Да выступлення на рэспубліканскім
святе паэзіі, у г. Маладзечна

Я ў палоне мары быў адвечнай,
Мары патаемнай увесь час:
Эх, папасці б мне ў Маладзечна
І звярнуцца ад душы да вас.

Дні лічыў я, кожнае імгненне,
Верыла у цуд душа мая.
Бог пачуў — і я стаю на сцэне,
Вочы ў вочы, толькі вы і я.

Еднасць душ — галоўнае багацце
У жыцці — вядома нам даўно.
Як я рады быць на гэтым святе,
Разам услаўляць Радзіму-маці,
Быць духоўна з вамі заадно.

2019

Спускайцеся сюды

Я тут, унізе, ля падэшв Парнасу,
Я ледзьве бачны тут,
Тым больш, адтуль.
Для нашага, душой сляпога часу,
Я нават для яго — звычайнасць, нуль.

Вунь, колькі тых,
Хто сёння вершы піша,
Хто з рыфмаў для сябе будуе трон.
А я збіраўся пакарыць узвышша —
Парнас, што нават сонца слепіць ён,
Дзе геніяльных не злічыць імён.

Хоць на Парнас я марыў падзівіцца,
Ды ад яго скіроўваю сляды.
Парнас мой тут, у вёсачцы-сястрыцы,
Хто хоча, лепш спускайцеся сюды.

Не знайду

Хто не шукае, той не блудзе,
Я ж заблудзіўся, як у сне.
Блукаю паміж вамі, людзі,
Я вас не бачу, вы — мяне.

Радню, сяброў, сустрэчы, святы,
Жывых пачуццяў чараду,
Усё згубіў, чым быў багаты,
І ўжо ніколі не знайду.

Туляюся нябачным ценем,
Балючых думак повен рот.
Жыву не днём — адным імгненнем,
Якое цягнецца, як год.

Слаўлю жыццё!

Слаўлю жыццё,
Хоць я сам і бясслаўны,
Так, як бы славіў няўрод жыта жнец,
Так, як бы славіў пінжак безрукаўны,
Бо не хапіла тканіны — сам швец.

Слаўлю жыццё,
Хоць і мне не хапала
Хлеба, адзення, абутку — ўсяго.
Хоць дасталося пакутаў не мала,
Хоць хтосьці здзекваўся з лёсу майго.

Слаўлю жыццё —
Па душы хрысцьяніна,
Дробязі-крыўды адсоўваю ў кут.
Наша жыццё — гэта Бога даніна,
Непараўнальны, намолены цуд.

Слаўлю жыццё!

Чацвераногія сябры

Падзяка вам, што вы былі са мной,
Сябрамі, ўпрыгажэннем майго лёсу.
Цяпер няўмольны час між нас сцяной
І боль душы няспынны, безгалосы.

Усё прыходзіць да сваёй пары,
І вы прыйшлі і адыйшлі, нябогі,
Мае чацвернаногія сябры,
Далёка ім да вас, сябрам двухногім.

Вас не псаваў ні хуткаплынны час,
Ні зайздрасць чалавечая сляпая.
Адданасці вучыўся я у вас
І шчырасці, якой нам не хапае.

Два колеры

Эх белая пара!
Чароўная зіма!
Прыбраўся лес прыціхлы, заінелы.
Здаецца, быццам іншых колераў няма —
І толькі два святкуюць — чорны й белы.

Ці сонейка святло над зімкаю без хмар,
Ці завіруха загудзе нястомна,
І хоць зімой «наскрозь» забелены абшар.
А у вачах ад іх бывае цёмна.

І вось настала ноч,
Прагнала дзённы тлум,
Час надыйшоў загадкава-знямелы.
А ціхі снегапад. нібыта ціхі сум,
Вось толькі сум душы, на жаль, не белы.

Ад калыскі да...

Ад калыскі да «драўлянага адзення»
Шмат ці мала?
Усяго жыццё-імгненне,
У якім нам жыць пашчасціла аднойчы,
Перад тым, як стаць часцінкай вечнай ночы.

Ад калыскі да «драўлянага убора»,
Сёння й заўтра наша хутка стане «ўчора»,
Сёння, заўтра і учора — Святы Ойча,
Мы адно жыццё жывём, нібыта тройчы.

Як складана скласці іх у цыкл адзіны,
Непаўторнага жыцця тры палавіны.
Варта хоць адной не ўдасца ў нашым лёсе,
Падсумоўваем — жыццё не удалося.

Ад калыскі да драўлянае «калыскі»,
Шлях жыццёвы і упэўнены, і слізкі,
Небяспечны шлях, цікавы і складаны —
Эх, яшчэ б прайсці па ім… асэнсавана.

Душой малады

Я жыў уахвоту, да сёмага поту,
Ды так, што з-пад ног курэў дым.
Хоць дрэва надзеі губляе лістоту,
Не страшна душой маладым.

Эх, ёлкі зялёныя! Вецер у грудзі!
Едрыт ваша дышла, гады!
Мяне на калені? Такога не будзе!
Я й сёння душой малады.

Я й сёння не веру ў сляпую удачу,
А толькі ў сябе, як заўжды.
Ды сэнсу вялікага ў гэтым не бачу,
Бо хутка апошнюю дату адзначу,
Хоць я і душой малады.

Не толькі вачыма

У лёсе маім адгалоскі былога
І геннасці вашай, бацькі і дзяды,
І штосьці ад часу, і нешта ад Бога,
Ад святаў агульных,
Агульнай бяды.

І я ад сучаснасці ў многім залежны,
Ад свету ўсяго мне не дзецца нідзе.
Штодзённа свет стогне ад смерці драпежнай
І рэха бяды ў маім сэрцы гудзе.

Шмат сэрцам я бачу, не толькі вачыма,
Не сцежкай шыбую, а па бальшаку.
Жыццё зразумець і адчуць немагчыма,
Штодня жывучы ад жыцця у баку.

Шруб

Прадзім'я холад адчуваю на спіне.
Жыццё — на ім жа ўшчэнт падсечаным суку.
Ніхто мне ў вочы з цеплынёй не зазірне
І не працягне ратавальную руку.

Я толькі ў снах сваіх —
Дзяцюк, юнак, дзіця,
Вышэй жыцця магу узняцца на крыло.
Прачнуся — і адразу прывіднасць жыцця
Халодным ценем наплывае на святло.

Трава — не тое, што над ёй магутны дуб,
Але ж праз час і дуб ляжыць вунь на траве.
Жыццё — складаны механізм,
А я ў ім — шруб,
Ды механізм, лічы, аджыў, а шруб жыве.

Сорак дзён

Як не стала цябе, родны наш —
сорак дзён,
Сорак дзён у самоце, жалобе, журбе.
Ах, туманнасць мінулага,
прывіднасць, сон,
Ні спаткацца з табой,
Ні пакратаць цябе.

Сорак дзён, як між намі паўстала сцяна,
Як з бясхмарнасці лёсу твайго
грымнуў гром.
Што ж ты, Бог, утварыў,
лепей знікла б яна,
А не той, хто ледзь толькі спаткаўся з жыццём.

У душы, у жыцці, у мазгах — кавардак,
Ды раптоўнай бяды з-завугольны ашчэр.
Застаецца адно —
сціснуць сэрца ў камяк —
На каго спадзявацца?
Хоць вер хоць не вер.

13.IX.2019

Адзнакі

Не ведаю — і цяжка ад таго,
(А раптам хвост адкіну зпераляку)
Якую час, пасля жыцця майго,
Паставіць мітусні маёй адзнаку?

Паставіць «добра» — будзе самы раз,
А «блага» — не баюся і благога.
Сказаўшы «блага», нехлуслівы час
Мяне заўважыць ўсё-ткі хоць такога.

І гэтым час не сапсуе мне «сон»,
Зусім другое будзе пакараннем:
Калі нічога не заўважыць ён —
І ні мяне, ні творчых намаганняў.

Рэдкі госць

Была вясна, было святло,
Было шмат тлуму ў маладосці.
А шчасце… Шчасце ці было?
Яно, як прывіднае штосьці.

Сярод падзей мільгалі дні —
Уздым душы. ўзмацненне духу,
Надзей агні ў далечыні
І ўперад арытмія руху.

То ў тлуме радасць мільгане,
То дзень сустрэнецца з удачай,
А шчасце гэта альбо не,
Ці нешта, што завуць іначай?

Надзея сёння — рэдкі госць.
І духу, й радасці упадак.
А шчасце ўвогуле, ці ёсць?
Губляюся сярод загадак.

Помнікі

Я ні малым і ні старым
Не труціў сваё жы́ццё —
Ніколі не зайздросціў тым,
Хто ў бронзе ці граніце.

Здаецца, што для іх, як здзек,
Стаяць «з вадой у роце».
Стаяць вось так вось з веку ў век
У бронзавай самоце.

І побач я іду калі,
Іх заклікаю ў голас:
— Хадзем па роднай вам зямлі,
Купала, Пушкін, Колас…

Каб быў, напрыклад, помнік мой,
Я б з п’едэстала рушыў —
Мой помнік у душы маёй
Сямейны — дзевяць душаў.

Душа — ні камень, ні метал,
Яна мацней, без зносу.
У ёй для ўсіх нас п’едэстал
З уласных нашых лёсаў.

Слова

Абрыне, уздыме нанова,
Народзіць пачуцці і згасіць,
Накрые тугой і ашчасціць —
Такая вось сіла у Слова.

Узнесены Словам і я быў,
Абрынуты ім шматразова.
У Слове — і Бог,
Ў ім — і д’ябал,
Свет цэлы нясе ў сабе Слова.

Блазнючок

Я блазнючком зайздросціў юнакам,
Я іх гады ўспрымаў, нібыта святы —
Калі ж, нарэшце, падрасту я сам
І ўвагу звернуць на мяне дзяўчаты?

І сталасці не менш зайздросціў я,
Трымаў узор дарослых на прыкмеце —
Ці ж будзе і ў мяне свая сям'я,
Свой дом уласны, ў доме — жонка, дзеці?

Грэў сэрца светлых заздрасцяў Гальфстрым,
Ў сабе хацеў я мужнасць мець, адвагу.
Зайздросціў я употай і старым
За ўсебаковую да іх павагу.

Я бедаваў — калі ўжо ён міне,
Перыяд блазнюковы нецікавы?
Ці ж можа пазайздросціць хтосьці мне,
Бо за сталом жыцця — мне крайчык лавы.

І вось даўно ў мінулым маладосць,
Яна і сталасць адгулі «агулам».
Я састарэў, я ўжо часовы госць,
Усё, што меў, блукае ў мінулым.

Цяпер адно — зрабіць апошні крок,
Зрабіць і зазірнуць у вочы Богу.
Як я табе зайздрошчу, блазнючок,
Бо ты распачынаў жыцця дарогу.

Каму я трэба?

Уссела старасць на мае гады,
Як той каршун галодны на ахвяру.
А я душой і ў думках малады,
Свайму жыццю магу падсыпаць жару.

Дарэмна дзьмеш, неўтаймаваны час,
Хоць гнеш, але не зломіш лёсу дрэва.
А тых пакуль не спішаш у запас,
Хто здольны выпіць і скакнуць «налева».

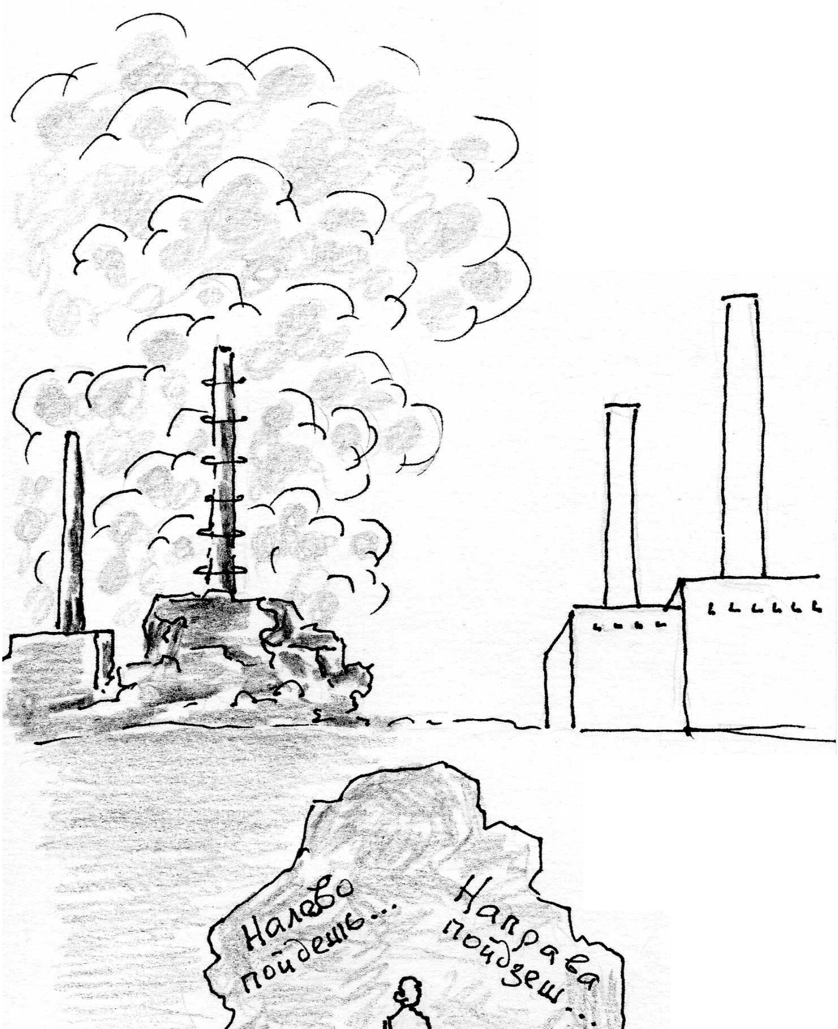
Таму і крыл няма ў мяне з плячэй,
Якія б узнялі мяне на неба.
Бязгрэшных Бог бярэ з жыцця хутчэй,
А грэшны я, каму такі я трэба?

На целе скула

Чарнобыль — гэта факт, не чутка,
І небяспечна ад таго,
Бо Беларусь яшчэ не хутка
Ачысціць лёс свой ад яго.

І як не мацюгнуцца матам,
Прабач мне, літасцівы Бог —
Зноў прыпіхнулі мірны атам,
Цяпер на самы наш парог.

І сэрца новы страх адчула,
Хоць і стары у ім жыве,
Бо калі ёсць на целе скула,
Яна праз нейкі час нарве.

Налево пойдешь...
Направа пойдзеш...

І мне...

Жыццё незваротным міражыць —
Ці быль, ці мана?
Хоць хутка ў труну забадзяжу,
Душа бессмяротная, кажуць,
Ну хоць бы яна!

Я знікну, як кропелька ў моры,
Час хутка праб'е.
А ёсць жа і лёсы-узоры,
І ёсць бессмяротныя творы,
На жаль, не мае.

Эх вы, ноч-апоўначы хмары,
Няўжо дзень міне?
Мы ў выніку — людзі-ахвяры,
Ды кожнаму дадзены мары,
Аб светлым, аб вечным —
І мне.

Быў і буду

Не стаўлю кропку, лепей коску,
За коскай слоў працяг.
Зноў я ў сваю прыехаў вёску,
Тут чысціні абсяг.

Жыццю я ўдзячны — з цудаў цуду,
Табе, мой родны кут.
Калі ўжо кропку ставіць буду,
Дык лепей толькі тут.

Табе я быў і буду сынам,
Лагойскі край — мой лёс.
Я застануся рэхам слынным,
Я буду плачам жураўліным
Гукаць вас з-пад нябёс.

І зразумееш ты, магчыма,
Маю душу, чытач,
Штó я пакінуў за плячыма,
Адкуль у вершах плач.

Першае каханне

Сэрца адгукнулася, адчула,
Выпіўшы руплівыя гады —
О паэзія — мая матуля!
Строгая і шчырая заўжды.

Сэрцу немагчыма наталіцца
Творчым словам, колькі ні жыві —
О паэзія — мая сястрыца
Па душы, па духу, па крыві!

Дорыш ты узнёсласць, хваляванне,
Горкае й салодкае яно.
О паэзія — маё каханне,
Першае, на ўсё жыццё адно!

Жывая рана

Мне б расстацца з ліпкім сумам
Хоць на міг,
Збегчы б ад жыцця, ад тлуму,
Ад інтрыг.

Ад няшчырасці салодкай
Ў кожным дне,
Ад пастыласці сіроцкай,
Што ўва мне.

П’ю штодзённа ад адчаю
Боль-нуду.
Што гукаю, што шукаю,
Не знайду.

Не душа — жывая рана,
Слёз імжа.
Жыць мне з ёй наканавана
Да… крыжа.

А хто мы ўсе?

Нас час уздыблены нясе,
То скуліць, то уздыме.
А хто тут я, а хто мы ўсе
У гэтай блытаніне?

Я тых, хто з краю, не міну,
Нягоднаму б на покуць
Ён локцем ткне пад рабрыну,
Хто перад ім — пад локаць.

Адно мы — творчая сям'я,
Час знуліць нас ці ўздыме.
Ды не удзельнічаю я
У гэтай штурханіне.

Быццам прывід

Не вабяць болей далі,
Прыцішваю хаду.
Халодзяць думак хвалі —
Што там, каго знайду?

Што там, каго спаткаю?
Нашто блукаць дарма?
Што меў — таго не маю,
Хто быў — таго няма.

Тут з болем боль сумесна —
Насустрач, не міне.
Дзе ні зірну, тут цесна
Ад успамінаў мне.

Тут думкі-самасейкі
Палоняць спакваля.
Я, быццам прывід нейкі,
Прыйшоў сюды здаля.

Жыцця застолле

Сустракай, жыццё, гасцінна,
Выстаўляй усё, што ёсць.
Час застолля хуткаплынны,
Я на ім часовы госць.

Смутак, радасць — шматгалоссе,
Сонечнасць, смуга начэй.
Ах, як соладка пілося,
Што ні год — усё гарчэй.

Эх, застолле — бліскавіца,
Сэрцу горка ад таго.
Весела за стол садзіцца,
Сумна пакідаць яго.

Апошні блін

Надыдзе дзень —
Завершу мітусню,
І перастану на зямлі міражыць.
Я выйду —
Ціха дзверы зачыню,
І мала хто пачуе і заўважыць.

Так адыходзім мы —
Не я адзін,
Дарога ў нікуды для ўсіх прамая.
У нас ва ўсіх —
Такі «апошні блін»,
Ён камяком жыццё перакрывае.

Ау-у!

Прасуюць грыбнікі лясы,
Пад мох з нажамі лезуць.
З адной рукі, з другой рукі,
Усё, што бачаць, рэжуць.

І мухамор адчуў жуду
Ад нешчаслівай долі.
Яго не зрэжуць на яду,
Затое падфутболяць.

Намотваю — а што з таго? —
Па лесе кіламетры.
Заходжу ў лес, іду з яго,
А ў кошыку — паветра.

А-у, лясы! А-у, бары! —
Гукаю сэрцам чулым.
Дзе вы, грыбкі, мае сябры? —
І чуецца: — Ў мінулым.

Карагод

У азёрнай водзі
Белыя аблокі
Ў дзіўным карагодзе
Танчаць — рукі ў бокі.

І да карагоду
Скочыць хоча ў воду
Вярба трапяткая.

Але бераг моцна
За нагу трымае
І не адпускае.

Адплылі аблокі
Аж да неба краю,
У абсяг шырокі,
А вярба чакае.

А вярба бядуе —
Дзе ў вадзе адбіткі?
А вярба сумуе,
Плача ўвачавідкі.

Такі падмурак...

Адвеку чалавецтва ў часе блудзе,
То ўскрыліцца, то страчвае крыло.
Як цяжка разабрацца ў тым, што будзе,
Не зразумеўшы толкам, што было.

Гісторыю не зразумець агулам,
Лістаць старонкі трэба пакрысе.
Ўся будучыня тоіцца ў мінулым,
Там поспехі і там памылкі ўсе.

Памерлых процьма там, ды больш забітых,
Прыгнечаных — зноў не злічыць, на жаль.
Галодных безліч там і жменька сытых,
Бяспраўных там было… Усе амаль.

У тым «было», каб неяк выжыць, людзі
Аплочвалі штодзень жыццём сваім…
Такі падмурак вось пад тым, «што будзе» —
Ці ж будучыня устаіць на ім?

Не абмінуць, на жаль, ёй штучнай ночы,
Глыне напой сваіх памылак зноў,
Зноў чалавецтва тупікова крочыць,
А следам крочаць — голад, сытасць, кроў.

Іншы міг

А сонца нам апошні раз
Мігнула і нырнула ў голле.
І дзень задумліва прыгас,
Засумавала наваколле.

Мы — гэта я і цэлы рой
Старых і новых успамінаў.
Калісьці тут, такой парой,
Стаяў я са сваёй дзяўчынай.

Было нам весела тады,
У міг той дзіўны і вялікі,
Наперадзе жыццё — гады,
Гады, без меры і без ліку.

Той «доўгі» міг — мінулы час,
І сэрца іншы міг адчула —
А што, калі апошні раз
Мне сёння сонейка мігнула.

Пяты

Мой пяты том, ён не зусім звычайны
Для аўтарства ссівелага майго.
У ім — прыгоды, казачныя тайны
І безліч незвычайнага ўсяго.

Ў ім — птушак свет,
Свет рыб, звяроў, раслінаў,
Ўсе зносяцца на мове дабрыні.
Спаткаўшы старасць, аўтар не здзяцінеў —
Мне казкі не хапае ў кожным дні.

Вось так і нарадзіўся том мой пяты,
Між іншых, ён мне вельмі дарагі.
Маленства наша ў казках,
Казкі — святы,
Яны ратуюць нас у час тугі.

KA3

Форс – у бакі

Літаргічна спяць абшары,
Ледзьве кратаюцца дні.
Не разбудзяць мае мары
Прадзімовай цішыні.

Шэрасць, холад вочы нудзе,
Хмары нізкія хліпяць.
Ой, як цяжка дрэвам будзе
«Голым» перазімаваць.

Дождж ад’еў усе пячонкі,
Ды занудзісты такі.
Дастаю і я валёнкі —
Форс і стыльнасць — у бакі.

Жыць нанова

Кроўнародныя — ў зямліцы,
Безвыходнасці аблога.
Трэба зноўку жыць вучыцца
З тым, што ёсць, а ёсць — нікога.

«Ёсць» — яно са мной нязменна.
Я вучуся — нікудышны,
Я вучуся — вучаць дрэнны,
Ў свеце непатрэбы, лішні.

Цяжка мне? Не тое слова.
Жыў ці не? Ўсё за плячыма.
Навучыцца жыць нанова
Немагчыма…
Немагчыма…

25.IX.2019.
30 год як памёр тата

Раненая птушка

Жыццё, яно… Не, не маё,
А ўвогуле жыццё людзей,
Яно, як раненая птушка
Сярод драпежнасці падзей,
Пад ціскам хмарнасці свінцовай.
Яму б ляцець да долі новай,
У ясны свет, у неба сінь,
Да малазведаных вяршынь,
Да сонца вечнага, але…
Але ўзляцець не удаецца
Высока на адным крыле.
І птушкай раненаю б'ецца
Жыццё, як і планета-маці,
З адвечнай мараю аб шчасці.

Яна ёсць

Ах, як імкнуўся я наперад,
У мараў казачны дызайн,
Нібыта ёсць такія дзверы,
Іх расчыню, як тайну тайн.

Спачатку й да жыцця акрайны,
Нязведанае вабіць штось.
Імкнуся я да нейкай тайны,
Яна, упэўнены я, ёсць.

Яна гукае ледзьве чутна,
Яе я чую… чуць хачу.
Інакш жылося б мне атрутна,
Хоць стаў жалобную свячу.

І я лунаю святакрыла
І веру — вера не міне:
Жыццё не ўсё сваё адкрыла
І штосьці рыхтуе для мяне.

І я іду да невядомай
Падзеі, за якой сюрпрыз.
І не палохае ні стома,
Ні тое, што качуся ўніз.

Часу вока

Сваё жыццё такім, якім было,
Я не магу прыняць агулам, цалкам.
Яно, нібыта трэснутае шкло,
Штось кожным адлюстроўвае кавалкам.

Адлюстраванні тыя, як суддзя,
Адказна вывучае часу вока.
Але й без часу разумею я —
Хаосу да гармоніі далёка.

Кавалкі не сабраць ужо ў адно,
Ды і навошта?
Шмат між іх нязгоды.
Жыццё, як шматсерыйнае кіно
І серыі бываюць антыподы.

Несціхаючы ґімн

Бываюць жа дні — як карціна у раме,
Застыла прырода, нібыта у сне.
Яна, як пасрэднік між вечнасцю й намі,
Спакоем сваім за жывое кране.

І як не заглыбіцца ў светаўтварэнне?
У сёння з учора быў шлях не прамы.
Дзе нашы вытокі? Дзе нашы карэнні?
Прырода нам маці? А мы? Хто ёй мы?

Эх, ціша якая! Эх, замілаванне!
У роздуме гэтым ёсць месца усім.
Тут мары лунаюць, шчыруе каханне,
Вітае жыцця несціхаючы гімн.

Зямлю цішыня атуляе пяшчотай,
Ні ветрык, ні гукі не кратаюць слых.
І толькі асіна трапеча лістотай
У рытме збалелых пачуццяў маіх.

Адна!

Першы нацыянальны скарб —
родная мова

Змітрок Бядуля

Галоўны скарб нацыянальны — наша мова,
Матулі роднай мова й роднае зямлі.
І над табою, Беларусь, невыпадкова
Штогод з асобым болем плачуць жураўлі.

Не, не таму іх плач падобны на памінкі,
Што іх з Радзімы гоніць хуткая зіма,
А ад таго, што мовай цешацца адзінкі,
А вось дзяржавы сярод іх, на жаль, няма.

Заўжды цаніў каштоўнасць самых розных моў я,
Ды беларускай — найвышэйшая цана.
Ў дзяржаве можа быць двухмоўе ці стомоўе,
А мова ўсё ж нацыянальная адна!

І што?

Рэчка творчасці днямі й начамі
Па напружаным лёсе цячэ.
Колькі творчых сустрэч з чытачамі
Адбылося і будуць яшчэ!

Колькі пошукаў, творчых пакутаў
Зведаў я — іх не зведаў ніхто.
Кожны твор з бездухоўнасці путаў
Да святла вырываўся…
І што?

Бездухоўнасць лунае над светам,
Апустошвае душы людзей.
Можа, лепш бы я быў не паэтам,
А адчайна гуляў у хакей.

Тут вядомасць табе і пашана,
І увага дзяржавы найперш.
Не! Ўсё ж Богам мне наканавана
Не бяздушная шайба, а верш.

Апошняе прыму

Усім нам хочацца знайсці
Прытулак шчасця чалавечы.
Нас ацяжарваюць ў жыцці
Спакусы, зайздрасць, грошы, рэчы.

Мы абрастаем пакрысе
Усім, што трэба і не надта.
І гэта па жыцці нясем
Перазапашаныя сквапна.

І я калісьці — сведка Бог,
На хлеб разжыўся, і да хлеба,
І абжываўся ўсім, чым мог,
Пакуль жывы — ва ўсім патрэба.

Усё, што даў Гасподзь майму
Жыццю, я не вазьму ў дарогу.
Цяпер апошняе прыму,
Ў адзін канец білет — да Бога.

Хутчэй не трэба

Сярод забаў юнацкіх, сталых спраў,
Сярод вірлівых дзён, ура-начэй,
Я ледзь за сваім сэрцам паспяваў.
Яно вяло мяне: — Хутчэй! Хутчэй!

Яно, нібыта вечны рухавік,
Шалёным рытмам абганяла час.
Калі стамляўся я, яно — у крык:
— Хутчэй! Хутчэй! Жывецца толькі раз!

Ды для любога «я» пара свая,
Цяпер мой сумны скарб — гады мае.
І ўжо «хутчэй!», на жаль, не чую я —
І вечны рухавік мой збой дае.

І ўжо не ён мне кажа, я яму:
Нястомныя гады стамляюць плоць.
Цішэй! Нас час скіроўвае ў зіму.
Хутчэй не трэба, не заглухні хоць.

Чаму? Чаму?

Хачу звярнуцца ўслых
Да праведнага Бога —
Навошта крыўдзіш тых,
Не крыўдзіць хто нікога?

Чаму караеш ты
Сумленных, міласэрдных?
Й не цэліш гнеў святы
Ў злачынцаў ненажэрных?

Ты глянь, хто у царкве
Шукае суд Эзопаў.
Той, хто ледзь-ледзь жыве
Пад ціскам недахопаў.

Хто воз ледзь цягне свой
Праз год цяжкіх прыгоны.
Той, хто, апроч тваёй,
Не мае абароны.

Зірні ў царкву, зірні,
Ёсць ад чаго здзіўляцца —
Няма тут ў нашы дні
Ўладальнікаў палацаў.

Няма тут (не шукай)
Ад сквапнасці залежных,
Чыё жыццё праз край
У сытасці бязмежнай.

Карыта іх — яно
Вышэй ўсяго святога.
Вядома ўжо даўно —
Гром грымне — дык да Бога.

Не бачна у Царкве
Й памазаных уладай.
А вера ўсё ж жыве
Без заняпаду.

І моладзь — дзе-нідзе,
Павінна ж быць іначай.
Зноў у Царкву ідзе
Боль, старасць і нястача.

Хвала імю твайму,
Ты, Божа, мудры самы!
І ўсё ж чаму, чаму
Амаль пустуюць Храмы?

Перад вачыма

Не расчароўваў тое,
　　　　　　　　　ў што я веру,
Ад праўды не адводзіў вочы ў бок,
Сваю спіну не падстаўляў я ветру,
І не пайшоў за ўсімі —
Крок у крок.

Магчыма памыляўся я…
Магчыма.
Даводзілася крочыць наўздагад.
Ўсё, што зрабіў ці не я —
За плячыма,
Затое, колькі жыць —
　　　　　　　　　перад вачыма
Не згорблены натоўп, а далягляд.

Так бы заўсёды!

Прыгожы быў і малады,
Быў апяшчоцены вясною.
І легкадумныя гады
Не разміналіся са мною.

Мы — ўперад, мы — ў руцэ рука,
Мы — ў авантуры, мы — ў прыгоды.
Так лоб шукае гузака —
Эх, так бы віраваць заўсёды!

Сколь ні шыкуй, мінае шык,
Як дзень імчыць у ноч ад ранку.
Жыццё — не вечны рухавік,
Тым болей, маладосць-маланка.

Прыгожы быў і малады,
І захмялелы ад штодзёння.
Я быў фантанам мар тады,
Ды страціў моц фантан мой сёння.

Бясцэнны скарб

Памяці Уладзіміра Содаля

Хоць ты пайшоў з жыцця,
Не веру слову «быў»,
Ты ёсць, ты будзеш побач жыццякрыла.
Ты родную зямлю, як маці, палюбіў,
Яна цябе, як сына, прытуліла.

З юнацтва скіраваў душы ўзлёт круты,
Ты цешыў думкай нас і «Родным словам».
І доследы твае, і кнігі — гэта ты,
Ты — як само гучанне нашай мовы.

Ты шмат навыкрасаў,
Хоць многа не паспеў,
Руплівы, заклапочаны, сумленны.
Ты аддаваў усё, што ў шчырым сэрцы меў,
І гэты скарб душы тваёй — бясценны.

Гмах

Я іду па зямлі… З часу мала карысці,
Ён гадзіну апошнюю хутка праб’е.
Ах, як цягне зямля да сябе, а калісьці
Не спыняўся, не чуў пад нагамі яе.

Мной пражытае, маларэальным міражыць,
Толькі болем рэальным тыраніць мяне.
Кажуць, час, як і думкі, нічога не важыць,
А гады — гэта ж час.
Што ж так долу ён гне?

Мы нясем гэты гмах — час жыцця чорна-белы,
Дажываем пад ім, не адзін толькі я.
Гэты гмах адчуваюць і душы, і целы,
Час, патрачаны марна, цяжэй удвая.

Паэзіі нектар

Нягучных твораў ціхімі радкамі
Вам прапаную гэты Божы дар,
Каб вы, хаця б маленькімі глыткамі,
Пілі маёй паэзіі нектар.

Каб хмарнасць засталася за спіною,
А ўсмешкам стала цесна на зямлі,
Каб вы адчуць вясёлкавасць настрою
І сонечнасць свайго жыцця маглі.

Паэзія, вы, я, вясна, каханне,
Тут будзе ўсё ў радках і паміж іх.
Галоўнае — душы з душой спатканне
І ўвасабленне мар усіх сваіх.

Дарадцы

Зіма законам Божым
І мне наканавана.
Збірайся! — кажа розум,
Пярэчыць сэрца: — Рана!

Зіма жыцця стасункі
Заснежыць, замяцеліць
Пара! — віруюць думкі
Душа шчыміць: — Паспееш.

Ніколі нам адвеку
Ў сабе не разабрацца.
О колькі ў чалавеку
Затоеных дарадцаў.

З адзінай марай

Складаю верш ці оду
З адной-адзінай марай —
Уславіць бы свабоду,
Прагнаць ад сонца хмары.

Даць волю думкам, словам,
Адкрыць свет безбаязны,
Каб быў ён не часовы,
А вечны і адказны.

Каб з душаў скінуць шоры,
Даць ісціне бязмежнасць,
Не тру́ціла каб творы
Ад цэнзараў залежнасць.

Над лёсам наша мова
Нам зорыць Шляхам Млечным.
Было ж ты першым, Слова,
Дык будзь жа вольным вечна!

Упоперак

О старасць, сумная, сляпая,
Сказаць табе ці не,
Чаго мне сёння не хапае,
Што сёння сніцца мне?

Мне не хапае выбуховай
Разынкі ў кожным дне.
І безаглядных, безгаловых
Дзён не хапае мне.

Хачу для прыгажуні мілай
І для усіх людзей,
Быць ратавальнай песняй шчырай,
Каб сэрца птушкай вольнакрылай
Ірвалася з грудзей.

Я жыць хачу, ці ж гэта мала,
Уздвіжыцца да зор.
А ты упоперак мне стала,
Як памінальны хор.

Наканавана

Іду па роднае зямлі,
А нада мною жураўлі,
Край неба стылы.
А сум за сэрца — шчып ды шчып,
А я нагамі — клып ды клып,
Эх, мне бы крылы.

Але куды ляцець? Куды?
Хоць восень тут і халады,
Ды тут Радзіма.
Тут разам зімаваць мне з ёй,
Ляцець з гнязда душы маёй
Мне немагчыма.

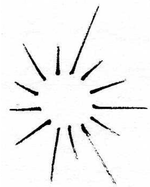
У вырай адлятаць — не мёд,
А птушкі мусяць кожны год
Ляцець старанна.
Тут гнёзды віць, там зімаваць,
Там па Радзіме сумаваць
Наканавана.

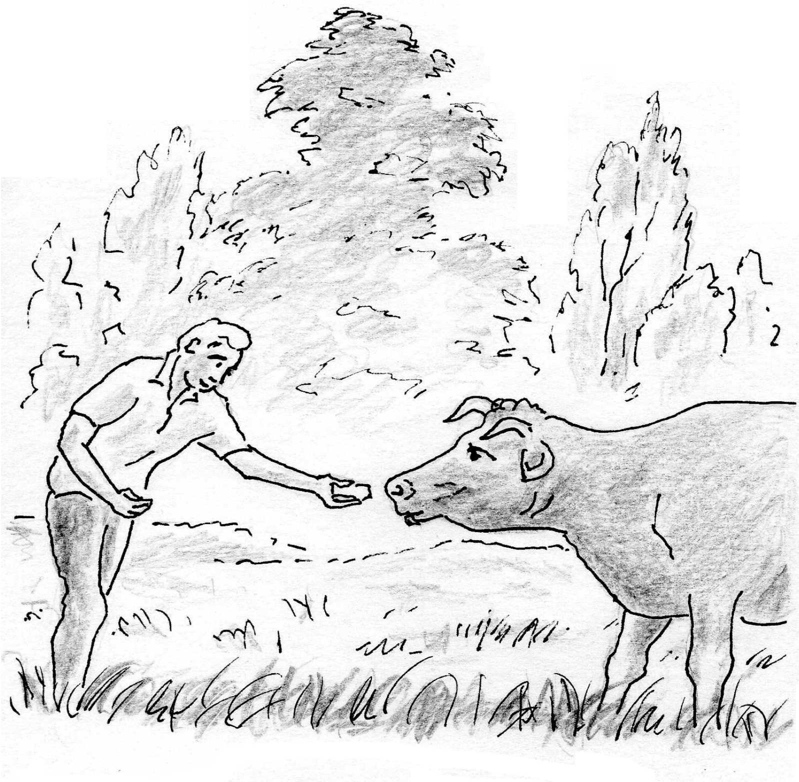
Кароўцы

Што пажадаць хачу кароўцы,
Што ў лузе травастой скубе?
Няхай выпасвае цябе
І ні ланцуг, і ні вяроўка.

А вольны ранак, ясны дзень,
Праводзіць цёплы вечар з луга.
Хай не кусае авадзень,
Не апякае хлыстка пуга.

Галоўнае на ўсе гады —
Даіся шчодра, спраўна, многа.
Не будзе малака — тады…
Тады адна табе дарога.

Жыць непрыемна

Жывеш і — вось якая справа:
Праз шмат мінулых летаў, зім,
Жыць з часам не зусім цікава
Ці нецікава жыць зусім.

Не верыў я, жыў не манахам
Ды і не голым каралём —
Я й беднасць успрымаў з размахам,
Й апошнім шыкаваў рублём.

Бяда-нуда пятлёй удава
Затужвала штораз, штогод
І я адчуў, як жыць цікава
Было — цяпер наадварот.

Мне ў пастцы думкі патаемнай
Жывецца без прыемных дат:
«Жыць нецікава — жыць нікчэмна,
Ды стала жыць мне непрыемна,
Калі памёр апошні брат…»

Душэўны настрой

Дзень такі невысокі,
Плачуць дзесь жураўлі.
Хіляць бóкі аблокі
Ўсё ніжэй да зямлі.

Шапку ў неба закінуў
Насцярожаны клён.
Чарадзе жураўлінай
Шле паклон наўздагон.

Сумна робіцца, пуста,
Хоць куды ні зірні.
Восень, з густам Пракруста,
Укарочвае дні.

Дождж ліне ці заснежыць,
Ўсё ж любою парой,
Не ад іх ён залежыць,
Наўшых душаў настрой.

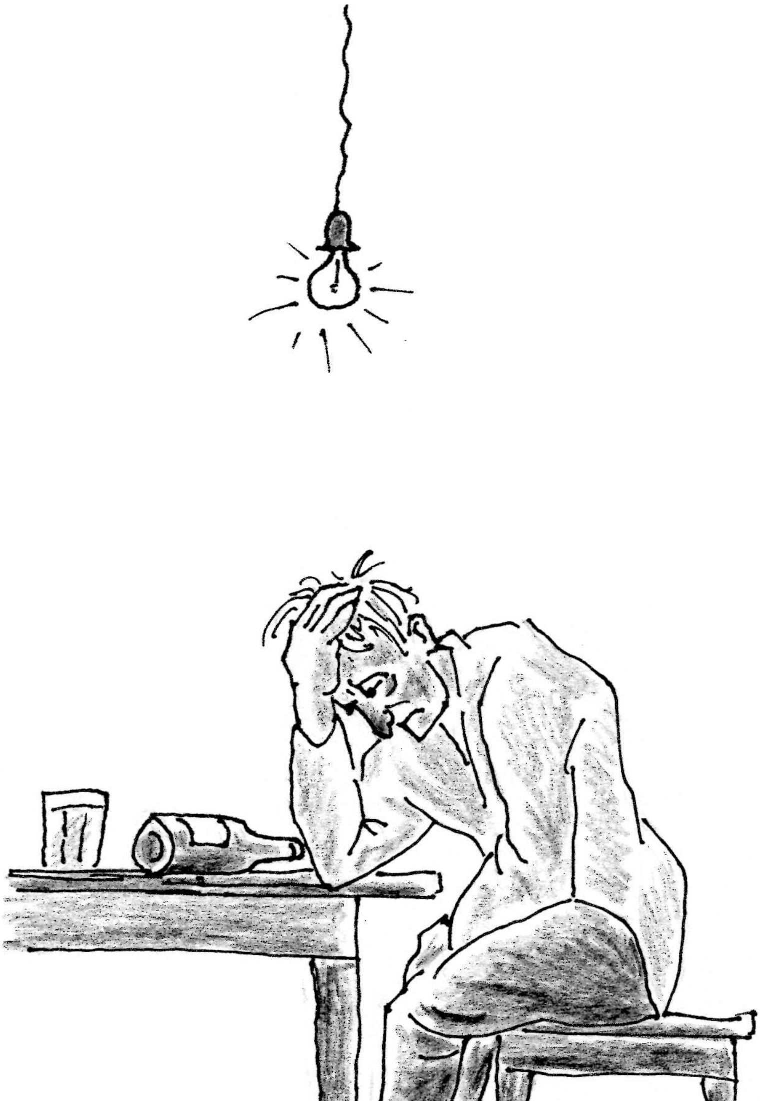
Клін клінам?

Душа баліць небезпрычынна —
Як жыць? Як ратавацца мне?
Тады я гэты боль няспынны
Таплю, як многія, ў віне.

І цешыцца душа жывая,
Што ў алкаголі боль прытух.
Назаўтра боль мой усплывае
І з новай сілай раніць дух.

Цяпер мяняецца ўсё крута,
Я пасля п’янкі ледзь жывы,
Бо дадаецца да пакутаў
Душы маёй, боль галавы.

Пакуты, боль душы, нягоды,
Віно, з пахмелля галава…
Клін клінам выб’еш не заўсёды —
Быў клін адзін, а стала два.

З вашай ласкі

Пацалунак хмельны першы,
Вёсны, песні зычныя,
Вы мае стваралі вершы
Першыя, лірычныя.

Мараў казачныя далі,
Спеў салоўкі ранняга,
Вы мой лёс, мяне стваралі,
Ў вершы закаханага.

Вёсны, песні, мары, казкі,
Вочы васільковыя,
Вершы з вашай шчырай ласкі,
Нараджаю новыя.

Геніяльна і проста

Жывеш і адчуваеш востра —
Ў жыццё, з жыцця — адзін парог.
Як геніяльна ўсё і проста:
Прыйшоў, убачыў, перамог.

О, гэты лозунг перможны,
Шмат сапсаваў жыцця ў жыцці
Прыйсці і ўбачыць можа кожны,
А ўбачыць і перамагчы?

Тут мы — каса, мы самі й камень,
У нас жыве агонь і лёд,
Й супрацьстаянне наша з намі,
Усё жыццё, ад году ў год.

Пасля гадоў дзевяцібальных
І ціхіх год — жыцця вянец.
Як проста ўсё і геніяльна —
Заплюшчыў вочы і — канец.

Фотасінтэз

Пішацца, бывае, і начамі,
Пішацца без стомы, безупынку.
Шчыра, пры сустрэчы з чытачамі,
Аддаю сваёй душы часцінку.

Аддаю…
І гэта мне прыемна.
Я стварыў так шмат невыпадкова,
Бо даюць мне чытачы ўзаемна,
Значна больш — сваю любоў да слова.

Значна больш даюць мне — двойчы, тройчы,
Ў чытачах — мае адкрыцці, тэмы.
Вось такі ён, фотасінтэз творчы,
Нараджае вершы і паэмы.

Да твару твар

Лицом к лицу лица не увидать
С. Есенин

Сярод надзей, няздзейсненасці мар,
Сярод падзей — удачаў і няўдачаў,
Мы з ім штодзень, штоноч — да твару твар,
Мы — нос у нос, як цемра і гушчар,
І ўсё-такі я твар яго убачыў.

І да драбніц я вывучыў яго,
Любіў і не любіў, прымаў з уздыхам —
Не проста твар, а твар, жыцця майго,
Адзначанага і святлом, і ліха.

Ён, твар жыцця, трымаў мяне ўвесь час
Амаль што без усмешак і без святаў.
Ды значна больш было на ім грымас
І горкіх слёз ад непараўных стратаў.

Вунь сонейка зірнула паміж хмар,
Магчыма, дзень рыхтуе мне удачу…
Я бачу твар жыцця — да твару твар,
Яго я на адлегласці не ўбачу.

Толькі так

Я размаўляю вершамі з табой,
Жыццё людзей, звяроў, раслін нябёсаў.
І б’ецца ў сэрца чулае прыбой
Усіх шчаслівых і няшчасных лёсаў.

Адсюль і столькі самых розных тэм —
Раздрай дзяржаў, душы з душой адзінства,
Чарнобыль, Трасцянец, Хатынь, Эдэм,
Зло і дабро, каханне і злачынства.

Да іх звяртаўся вершамі не раз,
І слоўмі, і душой кранаю тэму.
Хачу ад тэмы кожнай у адказ
Адчуць яе глыбінную праблему.

Хоць боль не мой, а ў горле слёз камяк,
Хоць радасць не мая — душа наўздыме.
Жыць неабходна так — і толькі так,
Інакш ідзеш не па жыцці, а міма.

Агеньчык надзеі

Ў якой далі б ні быў я ад людзей,
Якія б ночы не глядзелі ў вочы,
Я нават ад нязздзейсненых надзей,
Ад іх святла ледзь бачнага не збочыў.

Хоць нішчылі мяцеліцы сляды,
Хоць паглыналі белы свет завеі,
Я кіраваўся праз гады туды,
Да вечнага агеньчыка надзеі.

Я й сёння не стамляюся ісці,
Хоць цемра ў вочы і не тыя сілы.
Мае арыенціры у жыцці —
Мае надзеі, майго лёсу крылы.

Загадкавасць душы

О, чалавек-дзівак! Ён на зямлі жыве,
Плануе штось, будуе, гаспадарыць,
А носіць у душы, у сэрцы, ў галаве,
Загадкавыя, незямныя мары.

Няблага на зямлі, усё, здаецца, ёсць,
А ён кудысьці прагне падсвядома.
Ён — гаспадар зямлі, а мары тут, як госць,
Вядома, што ў гасцях не лепш, чым дома.

Загадкавасць душы, о дзіўны чалавек,
Жыве ў ім смага да прыгод сляпая.
Ён нарадзіўся тут, тут дажывае век,
І ўсё ж яму чагосьці не хапае.

На роснай сцежцы

На той сцяжынцы ранкаў росных,
Якой ступалі колісь мы,
Слядоў не знойдзеш нашых вёснаў,
На ёй ужо сляды зімы.

І толькі смутку чорны лебедзь
Над ёй крыламі рэжа час.
Ды памяць зараснік цярэбіць
Падзей і год, што крэсляць нас.

І, падпіраючы плячыма
Жыцця навіслы небасхіл,
Мне верыцца, што з той дзяўчынай
Ўзмахнём мы парай белых крыл.

Й апусцімся ў тым самым месцы,
Адкуль распачалі гады,
Каб аднавіць на роснай сцежцы
Сваёй мінуўшчыны сляды.

На каго?

Я сёння, як агрызак-недаедак,
Цікавы мала ў мешаніне мас.
Мне па душы ступае напаследак,
Неўважлівы да нашых душаў час.

Відаць, мне дажываць у самапасе,
У смутку, напярэдадні бяды.
Ну што ж, дагэтуль я ступаў па часе,
І нават пакідаў на ім сляды.

Гадоў жалоба — не смала-жывіца,
Не гоіць сэрца чулага майго.
Шукаю на каго б мне памаліцца —
О жах! Так і не бачу на каго.

Азалачу

(Эпітафія)

Мне будзе сніцца ў вечным сне
Жыццё,
Каханне,
Дом мой мілы.
І хтосьці ўспомніць пра мяне,
І вечны сон мой не міне,
І ціха стане ля магілы.

За гэта ўдзячнасць вам мая,
Жывіце ў шчасці і каханні!
Маўчанне — золата, і я
Усіх азалачу маўчаннем.

Доследы

За годам год…
Сівых гадоў завея…
Агонь у сэрцы, холад па спіне…
Баюся, што ніхто не зразумее,
Што хвалявала, што гняло мяне?

Якая моц мне надавала сілы?
Якія сілы пазбаўлялі іх?
Што альбо хто і як надламваў крылы?
Чым, часам, засцілала зрок і слых?

Што на душу халодным ценем ле́гла?
Што адагрэла сонейкам яе?
Пра гэта лепш бы прачытаць не бегла,
А ўдумліва, як доследы свае.

Па нерушы

Нібы вясной, па белым бэзе,
«Падвесяліўшы» галаву,
Па нерушы — свяжуткім снезе,
Бег да цябе «на рандэву».

Я дакрануўся сэрцам шчырым
Да палкай шчырасці тваёй.
Мае сляды ляглі пунктірам
На снезе, між табой і мной.

О гэта сцежка снегавая,
Хутчэй бы новы снег, хутчэй!
Ён мой начны візіт схавае
Ад зацікаўленых вачэй.

У адказ – нікога

Адвечны шлях, які распачалі
З глыбінь вякоў мае пра-пра-прапродкі,
Не раз, напэўна б, лёг вакол зямлі,
Такі ён доўгі і… такі кароткі.

Мы, родныя, дагэтае пары
Ішлі праз тоўшчу часу паасобку.
Круціла ўсіх жыццё ў сваім віры,
Хтосьпамiраў малы, а хтось стары,
Стагоддзі за спіной — я стаўлю кропку.

Адвечны шлях…
Ды абарваўся след,
Які меў шчасце быці з ласкі Бога.
На прозвішчы на нашым — клінам свет.
— Гэй, Давідовіч!.. А ў адказ нікога.

22 кастрычніка 2019 г.

Два гады як памёр брат Косцік

Не наша справа

Дапамагаць мне, Бог, дапамажы
Тым, хто не пражыве без дапамогі,
Хто між жыццём і смерцю на мяжы,
Бяздомнікам, сябрам чацвераногім.

Пра іх пісаў, пішу і буду зноў
Пісаць, крычаць душой сваёй і словам.
Ды і пра нас, як мы сваіх сяброў
Бяздушна адштурхнулі, безгалова.

Чужое нам баліць усё радзей,
Гаротнікі вакол — не наша справа,
Калі дзяржава, кажуць, між падзей
Не заўважае ні старых людзей,
І ні жывёлін — хворая дзяржава.

Асцерагайцеся

Асцерагайцеся шалёнага сабаку,
Хоць ён хвастом віхляе памяркоўна.
Ён хутка ператворыцца ў кусаку,
Параніць агрэсіўна і раптоўна.

Ён можа падысці зусім маўкліва,
Нібыта сябар, ды ўгрызне рашуча.
А калі брэша — быццам, незласліва,
Кусаецца затое, ой балюча.

Тады ўжо — ратавальныя уколы,
Ды не заўсёды можна ўратавацца.
Ад гэтай небяспечнае жывёлы
Жадана на адлегласці трымацца.

БАЛЬНІЦА

Безбаязна

Канец жыцця…
Што я ў сабе нашу?
Дай сілы напаследак мне, Ісусе.
Каб хтосьці зазірнуў мне у душу,
Здзівіўся б, не паверыў бы, жахнуўся.

Ад мараў — выстыў след, шматкі ад мэт,
На сёння зеўрыць згінуўшае ўчора.
Унутраны мой свет — даўно не свет,
А ме́шанка з пакутаў, слёз і гора.

А я пішу… І гумар праслізне,
І думкі паднімаюцца з каленяў,
І цяжка, не зрабіцца ценем мне,
Сярод пякучых сэрца стратаў-ценяў.

І сам сабе дзіўлюся — я жывы,
Аб чым прылюдна сведчу і адказна.
А я жыву — і ні ніжэй травы,
І ні цішэй вады, а безбаязна.

Няспешнасць

Спыніўся я на роднае зямлі,
Магчыма, першы раз, бо жыў імкліва
І азірнуцца не было калі,
Бо дзень за днём імчалі — і не дзіва!

І вось цяпер задумліва стаю,
Стамляе горш за рух няспешнасць гэта,
Як быццам раптам у душу маю
Ўвайшло адлюстраванне таго свету.

Нібыта ўзяў і знік я ў нікуды,
Надзею страціў — самае святое.
Жыццё, яно без руху, сапраўды —
Жыццё, але ні тое і ні сёе.

Маланкай думка сэрца апякла,
І змрок душы прапаў — каму ён трэба!
Вунь нават птах, без аднаго крыла,
Ўзляцець імкнецца, гледзячы на неба.

Жывеш — калі не зломлены твой дух,
Жыццё штодзень — напружаная праца.
Стамляючыся, лепей сцішыць рух,
Толькі не ступар!
Толькі не спыняцца!

Касмічны скульптар

Народному мастаку
Беларусі, скульптару
Івану МІСКО

Якую душу мець узнёслую трэба,
Які ў сэрцы трэба мець творчы прастор,
Каб працай узняцца не проста у неба,
А сэрцам натхнёным ляцець аж да зор.

Туды, дзе маланкай імчаўся Гагарын,
Туды, дзе за ім і другія былі,
Туды, у касмічныя бездань-абшары,
Куды толькі мары ўзляталі з Зямлі.

Туды, дзе ўжо ззяюць сузор’ем нязнічным
Клімук, Кавалёнак, Навіцкі – і ўсе.
І ён, сваёй творчасцю, скульптар касмічны,
Ў майстэрні касмічную вахту нясе.

Ён самай высокай удзячнасці варты,
Яго незвычайна насычаны лёс.
Яго акрылілі касмічныя старты,
Хоць ён у зямлю сваю сэрцам урос.

Ласкавы чарадзей

Слязамі ледзяшоў заплакала вясна,
На флейце ручаёў зайграла пераможна,
І подыхам сваім душу маю яна
Кранула далікатна й асцярожна.

І па вашчынах стрэх разліўся сонца мёд,
І позіркі з-пад іх расплюснулі застрэшкі,
Ад колішніх завей, ізноў, як кожны год,
Пагоркі агаляліся без спешкі.

Вярнуўся сакавік, ласкавы чарадзей,
Апра́нуты у сваё святочнае адзенне.
Для стомленых людзей прыйшла пара надзей
І ад дакучных халадоў збавенне.

Апраўданыя надзеі

Як шмат разоў хадзіў па баразне
За плугам я, за конікам прысталым.
Даводзілася коніку і мне
Ад стомы уратоўвацца прывалам.

Куру, бывала я, а конь скубе —
Хвіліна-дзве, зноў трэба напінацца.
Хоць мы, здаецца, кожны па сабе,
Ды не, адной упрэжаныя працай.

Эх тыя, пяцьдзясятыя гады,
Захамутаны кожны быў тым часам.
Ні тэхнікі, ні трактара тады —
Прынука і кульгавыя калгасы.

Ніводнага не памятую дня,
Без плуга, без касы, сяўбы і пашы.
Уся была надзея на каня,
І конік апраўдаў надзеі нашы.

Пахаладала

Пахаладала…
Пахаладала…
Было цяплей, было цяплей.
Ці ў сонца жару ў запасе мала?
Мо быў дужэй?
Ці жыў смялей?

Пахаладала…
Пахаладала…
Ад безнадзей? Ці ад падзей?
Ўсё ноч ды ноч. Няўжо апала
Для ўсіх людзей,
Для ўсіх людзей?

Пахаладала…
Паўночнік вые.
Няўжо ён спраўдзіць для нас прагноз?
І ледніковы ідзе перыяд,
І за марозам
Ідзе мароз?

Блакітная дарога

Сінь. Акіян высокі,
Такі прыемны воку.
А белыя аблокі,
Як лебедзі з далёку.

Ці з выраю, ці ў вырай,
Плывуць яны паволі.
І гэтай казкі шчырай
Не дачытаць ніколі.

Здаецца, сам бы вольна
Ляцеў сінь-акіянам.
І кінуў кліч бы сольны,
Як той важак прызнаны.

Блакітная дарога,
Прывабная такая
Ды ад свайго парога
Зямля не адпускае.

І кроўнай пупавінай
Трымае родны краю.
Аблокам лебядзіным
Я ўслед рукой махаю.

Адной мы долі

Ад беднаты, ад самапасу,
Я прадзіраўся ў гэты свет.
Я — сын зямлі, людзей і часу,
Душы агеньчык між планет.

Я творчасцю свяціў праз хмары,
Спяліў духоўнасць на крыле.
Я спадзяваўся — так я марыў,
Што я патрэбны ўсім, але…

Я марыў там, дзе лішні трэці —
Агеньчык міжпланетны згас.
Я — пасынак на гэтым свеце,
Чужы, на жаль, і свет, і час.

Я — сын зямлі, адной мы долі.
Яна, як маці, ў час бяды,
У векавым сваім прыполе
Мяне прытуліць назаўжды.

Душэўна-хворыя

Душэўна-хворыя,
О як вас не стае
У нездаровы час наш —
Асабліва.
Душэўна-хворыя —
Паплечнікі мае,
Бо й сам душэўна-хворы я —
Не дзіва.

Ёсць ісціна,
Вядомая спрадвек,
Забылася яна —
І гэта блага:
Баліць душа —
Й здаровы чалавек,
А не баліць —
Хварэе, бедалага.

Ні шкоды,
Ні карысці ад яго,
Ён — цень, пустое месца
Паміж намі.
Іх абыходзіць трэба,
У каго
У душах штыль,
Хаця вакол цунамі.

Хто б ён ні быў,
Акцёр альбо кароль,
Ці дэмакрат
Слугой народа будзе,
Калі душой
Ён не адчуе боль
Другіх людзей —
Не пазайздросціш людзям.

О, каб балелі душы
У людзей,
Было бы больш і больш
Душой здаровых.
Хварэла б чалавецтва
Ўсё радзей,
Крывавых свет
Пазбавіўся б падзей.

Ён нам дапаможа

Ад калыскі, ад народзін,
Кожны нёс свой крыж праз час.
І у кожным дні і годзе
Чулася ў дышы не раз,

Чулася прыгожа:
Дзякуй табе, Божа!

Усяго ў жыцці багата —
Нараджаецца дзіця,
З цудаў цуд, са святаў свята,
Ранак новага жыцця.

Шчыра цэпчуць губы:
Дзякуй, Божа любы!

А бывае, што раптоўна
Лёс бяду прыпаднясе,
Зноў да Бога маліто́ўна
Мы звяртаемся усе.

Крыж цалуем тройчы:
Злітуйся, наш Ойча.

Ох не простая дарога
Нас чакае па жыцці,
І усё ж мы славім Бога,
Ён нам даў па ёй ісці.

Ён нам дапаможа,
Слава табе, Божа!

Як быць?

Ўсё доўгае жыццё маё
Ператварылася ў імгненне,
Каб не мае вершатварэнні,
Маё ўсё б знікла ў нічыё.

І быў, не быў я — ўсё адно,
І жыў не жыў — усё адзіна.
І гэта ўсё, каб піць віно,
Чым не прычына?

І гэта ўсё, каб піць адчай,
Чым не грунтоўная нагода?
Хоць выпітага аж праз край,
Кіруе матухна-прырода.

Яна сваё ўсё гне ды гне,
Як кажуць, з ёй не зварыш кашу,
І як мне быць? Цяпер адно —
Верш дапішу і заалкашу.

Мерыдыяны, паралелі

Па ўсёй планеце крутабокай
Мерыдыян свой пракладу.
На самай станцыі далёкай
Засведчыць гэты факт сыйду.

Праеду вёсны,
Леты,
Зімы,
Мацерыкі і акіян.
Імя маёй малой радзімы
Будзе насіць мерыдыян.

На карце правяду пункцірам
Свой шлях,
Няблізкі свой маршрут.
Я шар зямны аб'еду з мірам,
Каб расказаць пра родны кут.

Пра светлы сум бацькоўскай хаты,
Як цёпла і утульна ў ёй.
Пра тое, чым мой край багаты —
Людзьмі й гісторыяй сваёй.

Я спадзяюся сэрцам шчырым,
Што мой пачын не прападзе.
Магчыма, хтось насустрач з мірам
Мерыдыян свой пракладзе.

А там, глядзіш, і паралелі
Ляглі бы мірна на зямлю.
І людзі будучыню б мелі,
І людзі б мірна спаць маглі.

О, як нашу я мару гэту
У сэрцы, у душы, ў крыві,
Каб людзі абнялі планету
Як маці: — Родная, жыві!

Мерыдыяны, паралелі —
Мы, часу дочкі і сыны.
Каб людзі будучыню мелі,
Павінен быць і шар зямны.

Зімовае спатканне

Ну і сцюжа, ну і холад,
Ну й мароз, траскучы волат.
Дрыжыкі пайшлі па мне,
Так і скачуць па спіне.

Стыну ад вушэй да пятаў,
Толькі зоркі з чорных шатаў
След за мной не ўздрыгваюць,
А весела падміргваюць.

Ўсепагоднае каханне
Страх адсоўвае у кут.
Я дзяўчыну на спатканне
Запрасіў і мерзну тут.

Прыйдзе ўсё ж? Ці пабаіцца?
Як-ніяк, мароз, зіма.
Я дубею, час імчыцца,
А яе няма й няма.

Я — і вечар чорна-белы,
Ні душы вакол нідзе.
Раптам сэрцу пацяплела,
Погляд запаліўся смела,
Вунь яна — ідзе, ідзе!

Замежны бруд

У тэрмінах заблытаўся я ўшчэнт,
Ішоў да любай колісь «на сустрэчу».
Цяпер гэта завецца «уік-энд»,
Аб гэта слова я язык нявечу.

Зацірку еў, а зараз барбекю,
Магдональдс нейкі, а куды мне дзецца.
Раней браў сала з хлебам у руку,
А сёння гэта сэндвічам завецца.

О слоў замежных непатрэбны бруд,
Не хочацца іх чуць, ды вуха чуе.
Мы гонар свой адсоўваем у кут,
Флэш мок і драйв гучыць то там, то тут,
Ад брэндаў, сэлфі, квэцаў — ванітуе.

Чужыя словы, як вясной зіма,
Тым больш, што наша мова ледзь жывая.
Нацыянальнай годнасці няма
У тых, хто бруд замежны ужывае.

Асобая падзяка

Па ўсіх, якія ёсць,
Няпісаных законах,
Жыцця і смерці,
Смерці і жыцця,
Я да жыцця
Звяртаюся з паклонам,
Да смерці — не,
З ёй незнаёмы я.

Паклон табе, жыццё,
За ўсе твае праявы,
З іх многія —
Іх лепш бы не было.
Але ж наш свет —
І жорсткі, і ласкавы,
Такі ж, як мы усе —
Дабро і зло.

Вякамі шмат чаго
І бачана, і чута,
Заўсёды прадставаў
Прад намі час —
Ў адной руцэ бальзам,
Ў другой руцэ атрута,
Час, ён і лечыць,
І знішчае нас.

І ўсё-такі мы жыць
Не можам паза часам,
Ён — гільяціна
Нашага жыцця.

Віруе свет вакол,
А з лёсам мы сам-насам,
Аж да Харону,
Аж да адплыцця.

І ўсё ж за ўсё, чым жыў —
Тварыў,
Смяяўся,
Плакаў,
За ўсё, што праляцела,
Нібы сон,
Табе, Гасподзь, асобая падзяка,
Табе, маё жыццё,
Зямны паклон.

Агонь душы

Мы ў новы дзень ідзём, час не стаіць на месцы,
За кожным новым днём, зноў дні і дні.
Мы праз усё жыццё павінны годна несці
Сваю душу, як факел дабрыні.

Не згасяць — веру я — святло душы нягоды
І зайздрасць, што за ўсе нягоды горш.
І цяжкасці жыцця, і часу перашкоды,
Пераадолець здолеў я ўсё ж.

Мой фініш вось ён, вось. Я прыімчаў здалёку,
І не знядужай майго лёсу конь,
Таму, што ў светлы час,
Таму, што ў чорным змроку,
Усё жыццё гарыць душы агонь.

Дзіва для жывых

Я помнік для сябе зрабіў,
За ўласны кошт ён, рукатворны —
Адно з непрадказальных дзіў,
Мой надмагільны камень чорны.

Ён дзіва для жывых таму,
Што сам пакуль яшчэ жыву я.
Навошта гэта мне, чаму
Са смерцю гэтак я жартую?

Не, сёння не да жартаў мне,
Я думаю пра дзень наступны.
А чорны дзень той не міне,
Для кроўна родных, дзень атрутны.

Каб ім аблегчыць груз бяды,
Зрабіў я помнік — хай праз сілу,
Каб ім гатовае тады
Паставіць на маю магілу.

Падмурак

Прыйшлі ў жыццё другія людзі,
Больш новыя, чым я.
І што далей з табою будзе,
Паэзія мая?

Калі і прачытае хтосьці,
Ці зразумее ён,
Як мне жылося ў маладосці,
Праз новы лексікон.

Жыў я і ўсе тады у горы,
Ў вайну, пасля вайны.
Мы, з бульбы, ўшчэнт гнілой, шайморы
Пяклі у тым галодным моры,
Праснчныя бліны.

І зноў, у час не самы горшы,
За намі гора йшло —
Жыўём нас заядалі вошы,
Бо мыла не было.

Жылі ў цяжкі той час няблізкі,
Амаль што нашчака.
Зацірку елі з адной міскі,
Без тлушчы, малака.

Жылі ў зямлянцы, а не ў хаце,
Бо ўсё агнём пайшло.
Адзенне — лаціна на лаце,
Абутку не было.

Амаль раздзеты і разуты
Ў зімовы нават час.
І голад, голад, голад люты
Грыз днём і ноччу нас.

А я ж пішу, пішу аб гэтым,
Што памяць не міне.
Як зразумець сучасным дзецям
І моладзі мяне?

Ім цяжка зразумець, сучасным,
Што я ні закрані.
Што гэта за прыгон калгасны
За так, за працадні.

А пасля іх, сучасных, новых,
Больш новых час прышле.
Не зразумець ім час суровы,
Нам дадзены, але…

Хоць нам глядзеў у вочы хмурна
Зусім няпросты час,
Мы ладзілі жыцця падмурак,
Ў тым ліку, і для вас.

Доказы

Каб не сагнуцца, трэба быць сталёвым,
Каб не зламацца, трэба мяккім быць,
Не вораг гільяціна безгаловым,
Халоднакроўны — а душа гарыць.

І гэта ўсё, ёсць доказы, не чуткі,
Я ў іх пераканаўся, сколь жыву.
Ў жыцці сталёвым трэба быць і гнуткім,
Гарэць душой, захоўваць галаву.

Як разабрацца ў вінігрэце гэтым?
Калі быць мяккім, а калі, як сталь?
Як годна жыць перад сабой і светам?
Пытанняў шмат, адказаў менш, на жаль.

Бела, чыста

Еду, еду ранкам раннім
Па заснежанай дарозе.
Цішыню прасуюць сані
Палазамі на марозе.

Конь пафырквае бадзёра,
Ён, нібыта той араты —
След ад саняў, як разора,
Па ўсім лесе, аж ад хаты.

Лапнік елак вісне сонна
Побач з хмызняком пахілым.
Недзе каркнула варона,
Лес азваўся рэхам стылым.

Ціха, светла, бела, чыста,
Час з зімой вядзе бяседу.
Ранкам раннім, урачыстым,
Дню насустрач еду, еду.

Вялікае мінулае

Мінулае… Вялікае мінулае,
Здаўна з табой знаёмы не агулам я,

А лёсамі вялікімі асобнымі
І незвычайна значнымі асобамі.

Мінулае… Вялікае мінулае,
З табой душа свядомая і чулая.

Высвечваеш памылкі нашы моўныя,
Натхняеш нас на подзвігі духоўныя.

Мінулае… Вялікае, незгаслае,
Трымаеш на сабе жыццё сучаснае.

Ў палоне ты чакання шматгадовага —
Калі народзім мы прарока новага,

Калі нарэшце мы з гнязда уласнага
У свет акрылім песняра сучаснага…

Агульныя развагі — тайнаў сховішча,
Ніводнага не называю прозвішча,

Бо ўсе, як ні лічы, не пералічацца,
Сто назавеш, а застанецца тысяча.

Вядома нам усім сваёй элітнасцю,
Сузор'е наша слынных знакамітасцяў,

Уросшае ў гісторыю карэннямі,
Славутае сваімі дасягненнямі.

Мінулае… Пашаннае, вялікае,
Яно увышыню, наперад клікае,

Яно — арыенціры, вехі значныя,
Яго нашчадкі, мы яму удзячныя.

Як важна, каб яго мы шанавалі
І не заснулі, як на п’едэстале.

«Мы» і «Я»

Ці народзіцца калісьці
Той, каб кожны ад яго,
Значна болей меў карысці,
Чым падчас ад «я» свайго?

Каб ісці за ім імпэтна,
«Я» адсунуўшы у кут.
Дзе ён, той аўтарытэтны,
Фізік, лірык, трагік, шут?..

Мы жылі ў гэткім стане
Доўга, як у страшным сне.
Сёння, калі «я» не стане,
«Мы» усіх нас паглыне.

Будзем жыць

Мне немагчыма выкінуць былое
З душы, даўно якая стала ім.
У ім жывуць і родныя, і тое,
Што будзе лёсам назаўжды маім.

Я, без вагання, заяўляю смела —
Калі Бог спыніць шлях жыццёвы мой,
Калі душа пакіне маё цела,
Працягне жыць маё былое ў ёй.

Не, наш канец, не дамавіны века,
Не чорны змрок, не вечнасці тупік.
Ці ж для таго стварыў Бог чалавека,
Каб свет душы яго бясследна знік?

Мы будзем жыць, няхай не на Парнасе,
Няхай сабе не ў райскай вышыні,
Мы станем новым часам
Ў вечным часе,
Мы будзем жыць у кожным новым дні.

Не кара – мара

О не! Даруйце! Час не лечыць!
Боль не адкідвае ў бакі.
Ён стратаў груз кладзе на плечы
Балючы больш і больш цяжкі.

Не адмаліцца, не адхрысціцца
Ад болю і ад кроўных страт.
І сэрца, і душы часціцы,
Не зоркапад, а лёсапад.

І гэта ўсё — жывых ахвяра
Вяртацца ў кроўны радавод.
І для мяне не кара — мара
Маіх, адданых Богу год.

У нябыт імчаць гады-імгненні,
Да тых, жыць без каго ўсё горш.
І тут мяне ўсе меней, меней,
І там мяне ўсё больш і больш.

27.01.2020

Аўтарскія рускамоўныя вершы 2019–2020

Что наша жизнь?

Что наша жизнь?..
Миг — не иначе!
Проходят как-то невзначай
За годом год, а если кратче:
Два слова — здравствуй и прощай.

Что наша жизнь?
Цари и слуги,
Статисты,
Трагики,
Шуты.
И бесполезные потуги
Любой несбыточной мечты.

Что наша жизнь?
Судьба-пиранья
И нежный майский первоцвет.
Восторги, разочарованья.
Полет души и клином свет.

Что наша жизнь?
Письмо в конверте
От сына матери, что жив,
Надежды смерть, любви бессмертье,
Порыв сердец, сердец разрыв.

Что наша жизнь?
Злодей и гений
В одном лице и многолик.
Не перечесть перечислений —
Мал и велик сей золотник.

Что наша жизнь?
В событий гуще
Отчаянная толчея…
Но ничего пока нет лучше,
Чем наша жизнь —
Уверен я.

Туман

Я вошел в туман и скрылась
В седине его моя.
Невесомо белокрылость
Опустилась на поля.

Удивительно и странно
Раствориться невзначай
В плотном молоке тумана,
Словно тихое «прощай».

И, как царь морской, из пены
Вынырнуть над пеленой.
Дивный, необыкновенный,
Встал рассвет передо мной.

И туман под властным светом
Растворился и исчез.
Ах, как много в мире этом
Удивительных чудес!

Момент истины

Я встал — проклятье омуту,
А ты лежи, лежи.
Я встал проветрить комнату
От обоюдной лжи.

Признанья никудышные
Расхолодили нас.
Да, дым — явленье лишнее,
Когда огонь угас.

Я встал, хватило мужества
Призвать на помощь стыд.
Чувств мало для супружества,
В которых ложь сквозит.

Взаимно мы причислили
Себя к чужим теперь.
За мной, моментом истины,
Закрылась глухо дверь.

Хвала Творцу за это

Рожденный жить — живи!
Хвала Творцу за это!
Рожденный для добра —
Ты не обитель зла.
Начала добрых дел,
Не сгиньте в конце света,
Иначе как понять,
За что Творцу хвала.

Но кто же?
Кто тогда
Диктует летописцам,
Страницы зла, добра,
Им пронумеровав?
Луч света потеряв,
Где истину отыщем?
А без нее не внять,
Кто прав, а кто не прав.

О человек!
Претят ему нравоученья,
Пускай бы он к душе
Прислушался хоть раз.
Распятие Христа
И чудо-воскрешенье
Не ввергли нас в добро,
Не просветили нас.

Он по́дал нам пример,
А мы ему не вняли,
Он за других страдал,
А мы другим — во зло.
Не потому ль сейчас
Весь род людской в опале?
И слепнет мир —
Грехом его заволокло.

Рожденный жить — живи!
Пока еще не поздно,
Не сгинь же, род людской,
Чтоб начинать с нуля.
Во всей вселенной их,
Не счесть галактик звездных,
Но уникальней всех,
Пока еще Земля.

Хотения

Как мне хочется,
О как мне хочется
Дурь не выбрасывать из головы.
Чтобы не звали меня по отчеству,
Чтобы мне «тыкали», отбросив «вы».

Как мне хочется,
Чтоб те ли эти ли,
Прочли скабрёзные мои стихи.
Чтобы девчата во мне заметили
Не добродетели, а лишь грехи.

О как мне хочется,
Чтоб вместо тления,
Я в эротическом горел огне.
И если сбудутся мои хотения,
Вернуться в молодость удастся мне.

Свет и мрак

Две ядовитые сестры
Способны жалить, ранить, жечь.
Всегда вы на язык остры,
Как обоюдоострый меч.

Вам не перечь, не прекословь,
Вам, ревность и измена, но
Всегда сильнее вас любовь,
С ней справиться вам не дано.

Непобедимою живи,
Любовь в веках! Да будет так!
Свет в каждом сердце от любви,
От ревности с изменой — мрак.

Легко слагать любви дары
Из светлых, поэтичных слов.
Но две известные сестры
Готовы подстеречь любовь.

Лелея о любви мечту,
Мы, к сожаленью, знаем дни,
Сверкающие на свету
И прозябавшие в тени.

Есть он один

Валентину Елизарьеву

Летать над сценой, не имея крыльев —
Мистическое таинство балета,
Соединяя в танце сказку с былью,
Как это сложно, как прекрасно это!

И восхищает мысль — как это можно
Жить в танце глубоко психологично,
Парить, вращаться, прыгать грациозно,
Заполнить сцену жизнью феерично!

Что ж, вот ответ на все вопросы эти,
Достойные, бесспорно, восхищений:
Есть он один — один за всё в ответе,
Он — мастер, вдохновитель, в чём-то гений.

Да, мастер-постановщик он бесценный,
Его талант — его же уникальность.
Да, это он открыл полет над сценой,
Души полет — не мистика, реальность.

Предвидя в танце каждое движенье,
Он весь балет осмысливает в целом.
Без крыльев не бывает вдохновенья —
Он ярко подтверждает это делом.

Звуки музыки

Пускай я простого, крестьянского роду и племени,
Возможно, что я изъясняюсь
Не очень умно́,
Но мне звуки музыки кажутся
Звуками чуткого времени.
Постигнуть которые сердцем
Не многим дано.

В них бури жестокие воют,
В них теплые ветры весенние,
В них волны сердитые
И нежная песня ручья.
В них слышится гром
И влюбленное сердцебиение,
В них плач журавлиный летит
От гнездовий в чужие края.

О мир нашей жизни
И времени ход удивительный,
Здесь всё так созвучно друг другу —
И радость, и грусть.
Я в этом созвучии — звук
Еле слышный и малозначительный,
И всё ж быть частицею жизни
Премного горжусь.

Восход – закат

Громада жизни грузно накатилась
Всей тяжестью своею на меня.
И старость перед ней, как Божья милость,
Как милостыня гаснущего дня.

Вцепился в тёмный лес закат багровый,
В уснувших окнах отблеском горя.
Я спать не стану, ожидая новый
Рассвет и день — вот только бы не зря.

Несбыточного ждать порою тошно,
А сбыточное — хуже во сто крат.
Я буду на восток смотреть всенощно,
Ну а пока глазею на закат.

Такой вот стих

Я рос в стране серпа и молота,
А не в чужой мне загранице,
Где небо готикой исколото,
Где виски, бюргеры и пиццы.

Где города подобны улею,
Что ни душа, то клином свет,
Где сало не едят с цибулею,[1]
Затирки и в помине нет.

Где в мозг вживляют электронику,
Но память всё ж их коротка,
Где не танцуют под гармонику
Ни полечку, ни гопака.

Где солнца нет, лишь тень Америки —
Диктат и окрики грубы́,
Где бьются с долларами еврики,
А у людей трещат чубы…

Патриотизм — дороже золота,
У нас, он свой, другой — у них.
Я рос в стране серпа и молота,
Отсюда и такой вот стих.

---

[1] Цибуля — лук.

Перевалочный пункт

Смирись иль устраивай бунт,
Хоть волком вой, сетуй не сетуй,
А жизнь — перевалочный пункт —
Мы есть, а иных уже нету.

И хоть нескончаем уход,
Земля наша не обезлюдит.
Так было, так будет вперед,
Другие придут, нас не будет.

Верь в наше бессмертье, не верь,
Живи в бесконечности мнимой,
А жизнь — беспрерывный конвейер,
Безжалостный, неумолимый.

Молитвы — наш призрачный шанс,
Туманней они год от года.
Мы все — чьей-то воли пасьянс,
Мы — карт бескозырных колода.

Мгновенья и года

А годы, как мгновенья,
Мгновенья, как года.
Они, на удивленье,
Похожи иногда.

Где чувства верховодят,
Где торжество любви,
Мгновеньем год проходит,
Был — и его лови!

Кому-то пред расстрелом
Иным казался срок —
Мгновенье годом целым,
Пока нажмут курок.

Но все, без исключенья,
В последний час вздохнут:
«Эх, жизнь — одно мгновенье,
Среди веков-минут…»

Дождь

Льёт дождь земле за ворот,
Гремит то тут, то там.
И молнией распорот
Край неба пополам.

Невидим взору болей
Размытый горизонт.
А клён в открытом поле,
Словно дырявый зонт.

Я прочь иду от клёна
И ускоряю шаг
Туда, где чай с лимоном,
Тепло, уют, очаг.

Благозвучья тишины

Неба свод сродни обители,
В коей хороводят сны.
Так приятны и целительны
Благозвучья тишины.

Дружно, после знойнойленности,
Пробудился звон цикад.
Луч последний на окрестности
Бросил свой прощальный взгляд.

Воздух, тишиной пропитанный,
К ночи льнёт, как тайный жест.
И над церковью молитвенной
Вспыхнул догорая крест.

Взаимность

Писать стихи я поздно стал, тогда,
Когда другие притупили перья,
Когда у них из строк текла вода…
Мне Муза, как жена, хоть стар теперь я.

Она — со мною ночи напролёт,
Похоже, что и ей со мною сладко.
Я потерял её визитам счет,
Я отдаюсь ей весь и без остатка.

И нет греха, что с нею мы близки,
Взаимно друг за друга мы стеной.
Внебрачной нету ни одной строки
В моих произведеньях.
Ни одной!

Эпоха самопожиранья

Хоть время в пыль стирает горы
И океаны сушит, но
Любовь, вражду, раздоры, споры,
Ему осилить не дано.

Природой созданное — тленно,
Но царь природы, человек,
Плоди́т упорно, неизменно,
Добро и зло из века в век.

«Творенья» смешивая эти,
Ориентиры смещены.
И зла всё больше, больше в свете,
Знать мы добрее стать должны.

Но где там! Наши все старанья
Обращены упорно вспять.
Эпоха самопожиранья,
Увы, нам мачеха, не мать.

Путь человечества недолог,
Каких-то миллиарды лет.
Похоже, мы и есть тот молох,
На быть или не быть, ответ.

Как девка на ложе

Жизнь человечества, вселенной,—
Бессмертная величина.
В Ней человек обыкновенный
И жизнь его — едва видна.

Мы — Жизни маленькие звенья,
Мы — слишком мало значим в Ней.
И я, увы, не исключенье,
Я, с жизнью крохотной своей.

Мы — Жизни неродные дети,
В Ней, в Жизни, слишком много нас.
Умри я завтра — кто заметит?
Или кого-нибудь из вас?

Ученому или пройдохе
Один отрезок жизни — миг.
Достаточно ль мы ценим «кроху»
В ряду загулов, дел, интриг?

Использовал я жизнь. И что же?
Какая этому цена?
Она, как девка мной на ложе,
Измята и измождена.

Она состарилась со мною,
На ней загульных лет печать.
Я обижал ее порою,
Как сын неблагодарный мать.

Как свёкор злой свою невестку,
По мелочам ее кляня.
Возможно, что и жизнь в отместку
Нередко ранила меня.

Возможно, что она бесплодит
Усилия последних лет
И медленно меня уводит
Туда, где жизни больше нет.

Неблагодарный и бедовый,
Я, прежде, чем совсем уйти,
Скажу с поклоном ей два слова,
Лишь два: — «Спасибо» и «прости».

Проблемы и муки

Всегда, не пребывали б где́ мы,
Чтоб не свершали — в срок, ни в срок,
Проблемы и опять проблемы,
Вставали жизни поперёк.

Когда же опускались руки,
Проблемы множились, росли,
Решали их, идя сквозь муки,
Как через штормы корабли.

На драму жизни глянув шире,
Спокойно понимать должны:
Мы рождены в проблемном мире,
К тому же, в муках рождены.

Ночь

День, кувыркнувшись весело,
Умолк, сошел на нет.
Ночь над землёй развесила
Свой златозвёздный плед.

Луна тайком скрывается
За лесом и — ни зги.
Но слышу, приближаются
Ко мне твои шаги.

Я здесь — пришел заранее,
А в сердце жар, то лёд.
И вдруг твоё дыхание
Мне обжигает рот.

И вот он, миг открытия,
В таинственной ночи.
Пытаюсь объясниться я,
Ты шепчешь мне: — Молчи!

А ночь такая звёздная!
И, видно, потому,
Что для влюблённых создана,
Слова здесь ни к чему.

Извечно

Писал, творил, отмечен Богом,
О, многих он опередил.
И не по нраву был тем многим
За то, что выше их и… жив.

Словно безжалостные рифы,
Они, что на плаву, всё губят.
Они, как падальщики-грифы,
Извечно только мертвых любят.

Я принял жизнь, увы

Когда б я не вкусил
Запретный плод стихов,
Когда б не принимал
Любви запретной яда,
Когда бы не́ был я
Носителем грехов,
Тогда и жизнь безвкусная не надо.

Когда бы верен был
Лишь истине господ,
Когда б не презирал
Льстецов ничтожных лица,
Когда бы был рабом
Меняющихся мод,
Тогда, пожалуй, лучше б не родиться.

Живу среди льстецов —
И все-таки рожден,
Внимаю от господ
Нередко ахинею,
Взираю, как ведут
Безвкусицу на трон —
Я принял жизнь такой, увы, я с нею.

Попался!

То, что под этим черным платьем
Сокрытый белый мрамор тела,
Кричали белые запястья
Выглядывающие смело.

Безпроигрышность лотереи
Пророчил этот вечер синий
И белизна лебяжьей шеи,
И талия из тонких линий.

Во мне стучало сердце звонко,
Когда я видеть мог воочью,
Как сказочная незнакомка
Шла на свиданье с черной ночью.

Я понимал — еще немного,
И черное расстает в черном.
Уж коль свела судьбы дорога,
Я должен быть, по воле Бога,
Сегодня смелым и проворным.

Я догоню! Я молвлю слово!
О как зажечь ее мне надо!..
Край неба догорал багрово
Огнем негаснущего ада.

О, знать бы, что такое счастье!
Затишье? Молнии и громы?
Я был в угаре пылкой страсти,
Неудержимостью влекомый.

Я чувствовал, что от волненья,
Во мраке таю и бледнею.
Её я обогнал в мгновенье
И стал решительно пред нею.

Взошла луна над черным лесом,
Отбросив свет на контур ломкий.
Взглянул я с жадным интересом
В лицо прекрасной незнакомки.

Мой взгляд и верит, и не верит,
Меня наполнил страх в избытке.
Мне улыбался белый череп
Своей безгубою улыбкой.

И та, что предо мной шла павой,
Которой я очаровался,
Меня взяла рукой костлявой
За горло: — Наконец, попался!

Первый

Тот, кто в сужденьях противоречив,
Мне интересен больше, чем иные,
Чьи речи, как раскрученный мотив,
Как нудные шарманки заводные.

Противореча, истину ища,
В тоннеле неразгаданных сомнений,
Тот, первый, дерзновенно, сгоряча,
Рождает свет во мраке заблуждений.

И пусть он ошибается порой,
Но стены пробивает лбом в итоге.
И потому он — первый, не второй,
Он — на пути к открытьям, он — в дороге.

Не огорчив

Как мне хочется увидеть тишину
И услышать твоих мыслей глубину.

И меж нами непонятное понять,
И надежду ускользнувшую обнять.

Уберечь бы день грядущий от беды,
Проложить бы в позабытое следы.

Ощутить бы звезд мерцающих тепло,
Исключить бы из дальнейшей жизни зло.

Все задумки тайных грёз осуществить,
Укрепить бы нас связующую нить.

Утвердить бы в душах Божью благодать,
Мир любви и благоденствия создать.

Раздарить бы сердце всем, пока я жив,
И уйти бы, никого не огорчив.

Тишина

Тишина, как затравленный волк,
В окружении красных флажков.
Тишина — нами взятая в долг
У прошедших негромких веков.

Нету больше у нас тишины,
Грохот жизни — начало конца.
Тишины лишены даже сны,
Наши души и наши сердца.

Тишину — человечества тыл,
Мир распял, ощетинился весь.
Нынче лишь у щемящих могил,
Тишина только здесь,
Только здесь.

Последний луч

Судьбу ли твою я искал, Беларусь?
В мистерии лет потерял ли свою?
А я всё по жизни душою мечусь,
Как загнанный грешник в чужом мне раю.

О этот, меня заполняющий мрак,
Ползущий в мир солнца из мира теней.
Он гасит последней надежды маяк,
И не увернуться от острых камней.

Но как бы злой Рок не был зол и могуч,
В конце всех метаний, на самом краю,
Последнею вспышкой судьбы моей луч
Всю жизнь озарит на мгновенье мою.

И я оценю, оглянувшись назад,
Всю праведность мною потраченных лет.
И небо увидит, чем был я богат,
Оставлен ли мною какой-либо след.

Таланты и дилетанты

Я принимал других успех
Восторженно, как дань таланту.
Открыто не считал за грех
Не восторгаться дилетантом.

Был добр без меры, в меру злой,
Был любящий, но нелюбимый.
И, как отравленной стрелой,
Был ранен завистью незримой.

Но кто из них завистник мой —
Талант ли, дилетант ли некий?
Кого еще своей стрелой
Поранят эти человеки?

Полёт

А конь горячий мчит и мчит,
Простор неведомый открыт мне.
И сердца стук, и звон копыт
Слились в неразделимом ритме.

И вдруг надрыв копыт угас,
И только ветер грудь полощет.
Взмыл в синь бездонную Пегас,
Как молнии мгновенный росчерк.

О крыл чарующая власть,
Несущая над тем, что тленно!
А я? А мне бы не упасть,
Не стать бы сирым и никчемным.

Поединки

В решающей схватке — один на один,
Чтоб раньше противника в землю не лечь,
Всегда рядом верный был конь у мужчин
А к мужеству — щит и отточенный меч.

Хоть ясно — живым одному не уйти,
Кому-то в последний отправиться путь,
Но честь до конца оставалась в чести́,
Удар наносился не в спину, а в грудь.

Ушли благородные те времена,
Ни рыцарства, ни благородства тебе.
И совесть забыта, и честь предана́
В привычной, увы, закулисной борьбе.

Сегодня в ходу ни мечи, ни ножи,
А наш современный, проверенный «бренд» —
Достаточно зависти, мстительной лжи,
И вот он повержен, любой оппонент.

В одном лице

Жена нужна мне верная, как тень,
Любовница — чтоб всё в ней было ново,
А друг, чтоб был по жизни каждый день
Надёжный, как купеческое слово.

Сродни мои надежды чудесам,
Стремящимся по замкнутому кругу.
Но вот вопрос: — А нужен ли я сам
Своей жене, любовнице и другу?..

Живите, все желания мои!
Ведь в жизни проще всё на самом деле —
Жена и другом может быть мне, и
Женой в быту, любовницей в постели.

Зелено-незелено

С рассвета юного
До вечера закатного,
Живём осмысленно
В отпущенный нам срок.
Живём осмысленно —
О только б не бессмысленно,
Бессмыслие — урок,
Да будет впрок.

Живём мы молодо
И верим, что не зелено,
И тесен горизонт,
И низок неба свод
Упорно делаем,
Что пылким сердцем велено,
И мчат эмоции
Неудержно вперед.

О вы, прекрасные,
Ошибки дерзновенные,
Свой лоб разбившие
О жизни быстрый бег,
Незаменимые
Ошибки жизни ценные,
Её единственный
Дальнейший оберег.

Лишь только молодость
Бросает жизнь отчаянно
На амбразуры — и
Идёт на абордаж.

Передний край она,
Но только не окраина,
И не разбег она
Для взлёта, а форсаж.

Легко оценивать
Прошедшее критически,
Живя «не зелено»,
С годами став умней.
По тем ошибкам мы
Вздыхаем ностальгически,
Умчалась молодость,
Но мысленно мы с ней.

А как мечтается,
Нырнуть душою хочется
В то бесшабашное
С житейской высоты.
Но нас зовут уже
По имени и отчеству,
И в наше «ты»
Все сожжены мосты.

Смысл и бессмыслие

О том, что всё не вечно под луной,
А, значит, лишено большого смысла,
Беседую с ночною тишиной
На языке моих усталых мыслей.

Казалось, на земле нет ни души,
Но с этим мать-природа не согласна,
Ведь рядом соловей в ночной тиши
Пел о любви осмысленно и страстно.

Через полвека

Через полвека, раньше, может, даже,
Настанет время, память хороня.
Никто не вспомнит обо мне, пропаже,
Не будет тех, кто лично знал меня.

И как же быстро этот день настанет,
И аистом повиснет в синеве.
И всё, чем был я занят, в Лету канет,
И всё же верю, что меня помянет
Хоть ветерок в кладбищенской листве.

Временны́е изменения

Мы в измененьях временны́х по уши,
Как ни рядись, в мешке не скроешь шило.
Меняет время нас и наши души,
Мою, по крайней мере, изменило.

Сегодня жизнь уже не сделать сказкой,
Такие мы — и прежними не будем.
Люблю людей я, но порой с опаской
Спиною поворачиваюсь к людям.

Я вышел из страдальческого века,
И милосердным посему считался,
И всё же, пусть душою не калека,
Я пса бездомного впустил, но человека
Впустить ненастной ночью побоялся.

Тоска

Тоска весь мир накрыла, как туманом,
Душа блуждала в вязкой пелене,
Казалась жизнь, как на немом экране —
По крайней мере, так казалось мне.

И было неприятно, непривычно,
На фоне жизни умирать с тоски.
И мысли разлетались хаотично,
Как с отрывных календарей листки.

Я ощущался лишним в мире этом,
Во всём тоску звенящую виня,
Пока любовь своим волшебным светом
Не озарила всё вокруг меня.

Лозунги

Когда-то люди безыдейно жили,
Метались, как…
Без вожака табун.
Но лозунги бескрылых окрылили,
Летящие к сердцам людей с трибун.

Они и в лоб ударили, и с тыла,
По тем, кто прежде сеяли беду.
Какая в них неистовая сила,
Взывающая к маю и труду!

Не всякое произрастает семя,
Попавшее «во всякие» умы.
С годами деформируется время,
А вместе с ним и лозунги, и мы.

Крутой и проходимец стали в позу:
Я не работаю, но жирно ем…
Как никогда, живет сегодня лозунг —
Ты был никем? Сегодня станешь всем!

Исключение

Средь прихожан с душой покорной,
В сердцах чьих веры фимиам,
Приходят и с душою черной,
Живущие преступно, в Храм.

Лишь внешне облик человечий
У них — но нет на них креста.
Чтоб откупиться, ставят свечи
«В четь» злодеяний — не Христа.

Не до молитв им, не до Библий —
Стряхнуть бы с душ грехов желе…
Да разве для того воздвигли
Святые Храмы на земле!

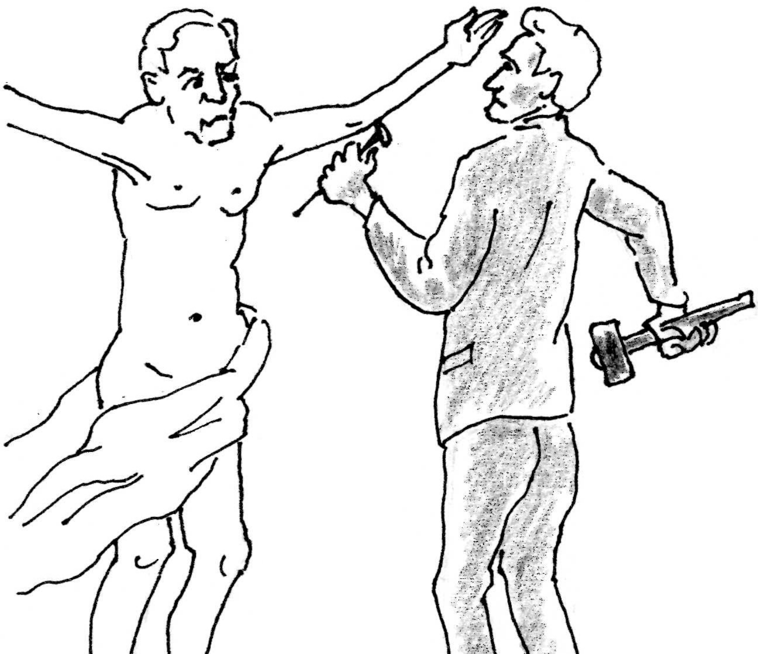
Распятье

Я сам свой со́здал крест,
И сам себя распял,
Вбивая гвозди лет прошедших
В тело.
И небо надо мной сомкнулось —
Кончен бал,
Хотя душа еще не отлетела.

Свой крест я со́здал сам,
Греша за годом год,
Замешивая голод, труд, забавы,
Я по ступенькам лет
Всходил на эшафот,
Мечтая,
Что иду к вершине славы.

Куда бы я ни шел,
За мной тянулся шлейф
Содеянного — прям и несгибаем.
И душу вскрыв свою,
Как с содержимым сейф,
Мы всё, что в нём хранится —
Выгребаем.

Так вот он, эшафот —
Гора добра и зла,
И я, его создатель —
На вершине
К себе я пригвождён —
Такие вот дела,
Я — крест Голгофы,
Присно и отныне.

И самый страшный суд —
Мой, взвесит «против», «за»,
И приговор приму я,
Богом данный.
И вóроны стыда
Мне выклюют глаза,
И ангелы добра залечат раны.

Распятье я приму
Без слёзных криков «SOS!»
У истины вися на перекрестьи.
И будет удивлен
Не мало сам Христос —
За что я удостоен этой чести?

А не угодно ль?..

Как можно верить чепухе
О целомудренном вздыханьи?
Века погрязли во грехе,
Народы — в прелюбодеяньи.

— Поклёп!
Не правда!
Ерунда! —
Кричит продажная девица.
И все вокруг — за ней туда…
А не угодно ль, господа,
Нам на себя оборотиться?

Робинзон

Отважно корабли и моряки
Вступают со стихией водной в драку.
Но время рушит даже маяки,
Способствуя безжалостному мраку.

С девятым валом время заодно,
Раскинувшим объятья во все шири.
В ночи ослепшим выжить не дано
И потерявшим все ориентиры.

И рифами оскалившийся брег,
Того и ждет своей голодной пастью,
Когда же человечества ковчег
Окажется в его жестокой власти.

И вот удар! Крушенье! Вечный сон,
Один на всех у ненасытной смерти.
И выживший, возможно, Робинзон
О нас, погибших, на песке начертит.

Прощай, надежда!

Мне б замолить свои грехи,
Очистить душу покаянием,
Отринуть все свои стихи
Перед торжественным прощанием.

Где тот безгрешный, для кого
Я мог бы выпотрошить душу?
Но не ищите, нет его,
И я молчанья не нарушу.

И исповедоваться мне
Нет перед кем. Прощай, надежда!
Ведь если горб есть на спине,
Его не скроет и одежда.

Уйду я молча в мир иной,
Любимый Богом? Нелюбимый?
И все грехи уснут со мной,
Грустны и неисповедимы.

Временный причал

Уходим мы из бренной жизни,
Хвалу Всевышнему воздав,
Перебесясь, переосмыслив,
Перелюбив, перестрадав.

Пресытившись порою чем-то,
Не всем насытиться успев.
И до последнего момента
Познать смысл жизни не сумев.

И восхищаемся вначале,
И сетуем в последний миг.
Мы здесь — на временном причале,
Как следует из Книги книг.

Для всех нас, поздно или рано,
Начнется горестный отлив.
И в вечности, как в океане,
Исчезнем мы, едва отплыв.

Неразрывный круг

Любой, пока силён, клянётся,
Что порешает всё и вся.
Но круг проблем не разомкнется,
Проблемы новые неся.

В событий гуще, на досуге,
За этот круг мы рвёмся, но
Нам в этом неразрывном круге
И жить, и сгинуть суждено.

В конце пути — гримаса злая:
Осталось всё, боролись с чем.
И мы уходим, не желая,
Туда, где никаких проблем.

Созвучье

А мне противиться противно
Сухой риторике газет.
И удивляться, право, дивно
Тому, в чем удивленья нет.

И с невозможным невозможно
В дальнейшем сосуществовать.
И невозможно жить безбожно,
В душе роняя благодать.

Мечтателю жить кучно скучно,
Ему б луну во всё окно.
Благополучно ль, злополучно
На свете жить?
Не всё равно.

В клетке птица

Знаю я, как может биться
В клетке птица,
Как ломает клюв и крылья
В кровь о прутья.
А вкруг клетки равнодушных —
Лица, лица,
Как на запертой свободе
Надмогилье.
И живу я с этой жутью,
С болью птицы.
Не способен ни уснуть я,
Ни смириться
Ей из клетки б с вольным пеньем
В небо взвиться.
Буду за её спасенье
Я молиться.

Благодарен снам

Подушка так жестка,
Но под щекой рука
И сновиденьям мягко и уютно.
Никто их не постиг,
Ночная жизнь у них,
Меняющаяся ежеминутно.

Чего в них только нет —
Событий винегрет,
Мы видим в снах комедию и драму.
Сны дарят сказки нам,
Я благодарен снам —
Увидеть в них могу живую маму.

Раз и насовсем

«Мы знаем только то, что ничего не знаем…»
Эх, до́жил бы до наших дней Сократ!
Мы знаем даже больше во стократ,
Чем надо знать, идя над пропастью, над краем
Конца бесславного, который осязаем.

Мы знаем слишком много —
И слишком знаем это,
И то, что не во благо знанья есть,
И то, что это надо бы учесть,
Чтобы трагедий избежать и конца света,
Иначе неизбежно — наша песня спета.

О, знать бы только то,
Что смертным знать положено,
Страшась опасных и запретных тем,
Тем самым превращая жизнь в Эдем,
Из жизни исключив, что нами обезбожено,
Вернувшись к Богу раз и насовсем.

Лук и пистолет

События времён
Всё время в теме,
Их освещает памяти свеча.
Прошедшее давно и наше время
Схлестнулись в поединке сгоряча.

Лук и стрела —
В одних руках умелых,
На нём кольчуга — символ прошлых лет.
Другой стоит с незащищенным телом,
В руке — многозарядный пистолет.

Для первого второй
Казался пешкой,
Не зная смертоносного ствола.
Другой смотрел на первого с усмешкой,
Он знал, что значат пуля и стрела.

Конечно, победителем стать —
Лестно,
Все средства впору — главное итог.
Но против лука пистолет —
Не честно,
И между ними стал незримо Бог.

На ход страстей
Набросил он уздечку,
Безумцев обуздать успел едва —
И пистолет лишь щелкнул,
Дал осечку,
И лопнула у лука тетивá.

К чему, казалось бы,
Такие страсти,
Рассеянные скепсисом в момент?
Но в наши дни безумцы есть у власти,
Для них лишь сила —
Главный аргумент.

Наставив грозный пистолет на слабых,
Наматывают нервы на клубок.
Они на нестабильности ухабах,
Возьмут и дернут сдуру за курок.

Но вот проблема —
В чьих руках уздечка?
Возобладают ль разума слова?
И будет ли на этот раз осечка?
И лопнет ли у слабых тетива?

Входите!

Я так стремился светлый мир создать
Из светлых слов, из радужных созвучий,
Чтоб в нём благоухала благодать,
Чтоб средь миров, что были,
Был он лучший.

Чтоб каждый мог, идя своим путем
По жизни, полной радости и бедства,
Зайти через стихи в мой мир, и в нём
Воспрянуть духом, сердцем отогреться.

Но мир, что создавал я, не таков,
В нём много света, но не мало тени.
А там, где тень, не встретишь светлых слов,
Зато в избытке грустных откровений.

И всё ж, входите! Буду встрече рад!
В миру моих стихов, как дома будьте.
Я встречу хлебосольно — чем богат,
Читайте! В них — весь я. Не обессудьте.

Повто́рится неповторимо

Души невидимую келью
Весны волнительный приход
Опрыснул голубой капелью,
Дни закрутились каруселью —
И вот он, скворушков прилёт.

Всё и знакомо, и любимо,
Всё каждой новою весной
Повторится неповторимо,
Но как же сердцу ощутимо,
Что мир иной, и сам иной.

И с каждым годом всё свежее
Весна — мы все у ее ног.
Весною думаешь, пьянея:
А прошлою весной был где я?
Не видеть это как я мог?

Надо подвинуться

Становимся мы все́ добычей смерти — и,
И вечного, как вечность, одиночества.
А мы всё жмемся к мысли о бессмертии —
Ах, до чего же умирать не хочется.

Суров и справедлив закон неписанный,
А мы всё за соломинку хватаемся,
Скрывая все болячки, пряча лысины —
Ах, нам бы жить да жить, хоть тут мы маемся.

Да, наша жизнь земная — лишь мгновение,
Но надо место дать другим, подвинуться,
Иначе ждет нас перенаселение
И шар земной — Ковчег наш, опрокинется.

Возвращение в юность

Я голову закину-запрокину,
Да так, что позвонки заломят спину,
Да так, что шапку потеряю я,
Высматривая в кроне соловья.

Я яблоню обшарил всю оглядкою,
А он так и останется загадкою,
Загадкою таинственной, любимою,
Чарующей, прекрасной, но незримою.

В саду моем бессонном, в час цветения,
Одаривает всех волшебным пением.
Хоть он один, рулад многоголосица,
По всей весне-кудеснице разносится.

Он юность мне вернул мою весеннюю,
И я не мог и дня прожить без пения,
Я девушек одаривал куплетами,
Далекими, но до конца не спетыми.

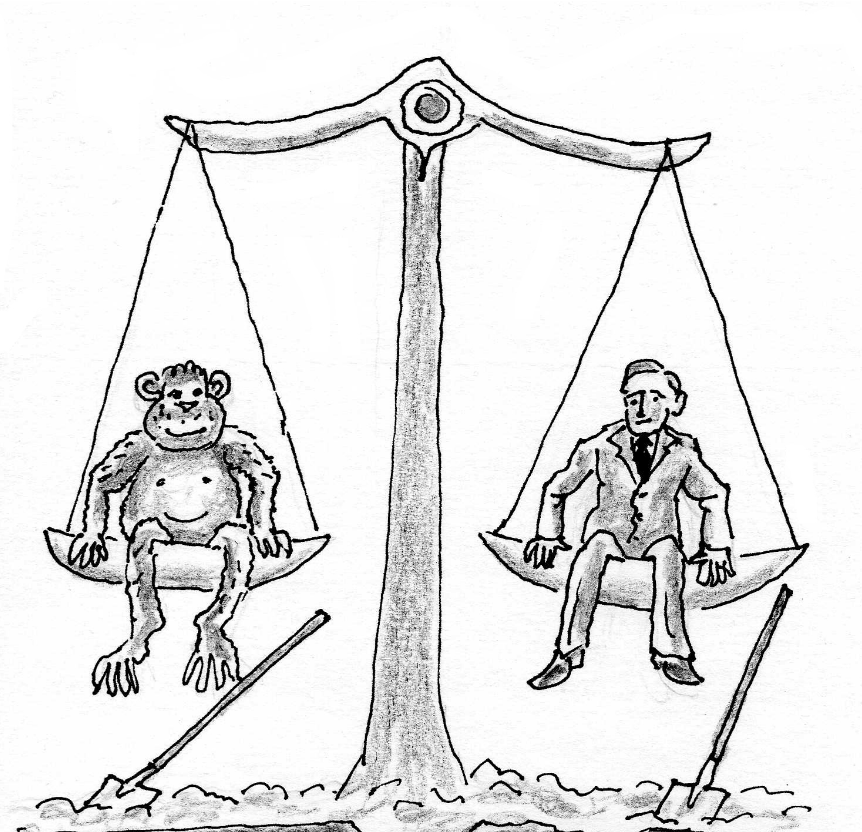
Немного терпения

Орангутанам грозит вымирание
(Из прессы)

Орангутанам грозит вымирание…
Орангутанам? Только ли им?
Все мы живем, хотя знаем заранее,
Грустен финал наш и неумолим.

Красная Книга — утраты немыслимы,
Шире и властнее царствие тьмы.
Скоро страницы в ней будут дописаны,
Ну а куда будем вписаны мы?

Мы, человечество — зла порождение,
Уничтожаем живое живьем.
Орангутаны, немного терпения,
Мы не надолго вас переживем.

Проблема проблем

Увы, я знаю, не случится чудо,
Но всё мечтаю — встретиться бы с ним.
Надеюсь книги не надгробьем будут,
А долгим продолжением моим.

Иначе, для чего я жил и мыслил,
Неужто, чтоб исчезнуть без следа?
Неужто для того, чтоб Бог зачислил
Меня в архив напрасного труда.

И в этом смысл бессмыслия иль смысла,
Проблема эта выше всех проблем.
Она мечом домокловым повисла
Над всем, чем жил я и исчезну с чем.

Старо!

Земля уходит из-под ног,
Хоть нет землетрясенья.
Да разве я предвидеть мог
Такое опьяненье?

Нет, не спиртным я охмелён,
Другая здесь причина.
Друзья! Весна взошла на трон!
Вверх нос! Прямее спины!

Весна лишь для юнцов? Старо!
И мы не лыком шиты.
И ни при чем здесь «бес в ребро»,
Прочь на любовь лимиты!

И на подъёме мы легки,
И дел свершаем ворох.
Друзья!
С весной вас, старики!
Сухим держите порох!

А ночь коротка

Соловушка, признанный гений,
Чарует, не ведая нот.
Он ночью прозрачной весенней,
Любви серенаду поет.

И вместе с соловкой не спать мне,
На радость ли мне, на беду,
Мелькнет твое белое платье
У тайной калитки в саду.

Рассвет розовеет спросонья,
Испариной дышит река.
Я, вслед за далекой гармонью,
Грущу, что так ночь коротка.

Супружество

Мой знак зодиака, наверное,
С незбыточной сказкой родня,
Ведь жизнь, как супруга неверная,
Фальшиво ласкала меня.

Мне дарит сейчас, как и давеча,
Улыбку насмешливых губ.
Я всё принимал всепрощающе,
Как верный супруг — однолюб.

Бал

Жизнь — это бал,
Скопленье лиц и масок,
От толчеи здесь некуда уйти.
Пестро от платий,
Перьев, ярких красок
На всём и всех.
Не люди — конфетти.

Вокруг, сколь ни гляди,
Не надивиться —
Ливреи, фраки, модные манто.
Но главное —
Искусственные лица,
Попробуй разобраться — кто есть кто.

Смешалось всё, как цифры лотереи —
Политики, ловцы ночных утех.
Предприниматели, правители, лакеи,
Бомжи,
Но подхалимов больше всех.

Вон Дон-Жуан,
Спешащий на свиданье,
А вот поэт —
Он с книгой, он — талант.
Но на него — полнейший ноль вниманья,
Здесь должности и деньги —
Главный фант.

А в общем бал, собой разнополярен:
Богатый, бедный, блеск и нищета.
И всё же балу каждый благодарен,
Хоть многое, как в жизни —
Суета.

Не счесть на масках выражений, мимик,
Смеются, плачут, корчатся они.
Но всё это обман,
А что под ними?
Попробуй в чью-то душу загляни.

Уж коль попал на бал,
Сполна почувствуй
Как бал танцует, плачет и поёт…
И вдруг средь этой праздничности грустной
Внезапно маска смерти промелькнёт.

Серебряный век

(рецензия дилетанта)

Пусть я дилетант и клоун,
Мое мненье — не закон…
Белым — полуочарован,
В Клюева — полувлюблен.
И хоть Блок поэт от Бога,
Но поэзия его —
Прочитаешь слишком много,
Не запомнишь ничего.
Мандельштам достоин меди,
Но не чли его верхи.
И, в предчувствии трагедий,
Он рожал свои стихи.
Я приятно огорошен,
Вспомнив то, что написал
Максимилиан Волошин —
Золотник отнюдь не мал.
Маяковский обезбожен,
Пастернак чрезмерно сложен,
Образы его (не скрою)
Слишком «не к селу» порою.
Я Надсону ставлю «пять»,
Хоть прожил он двадцать пять,
Двадцать пять годков-мгновений,
Жил бы больше, был бы гений.
У Ахматовой не пло́хи
Строфы, если бы не вздохи.
Чем-то будто бы она
Неудовлетворена.

Он в своих твореньях странен,
Трудно мне судить о нём,
Потому что Северянин
Самоизбран королём.
Ходасевич тих и внятен,
Правда, любит белый стих.
Гумилёв глубок, приятен,
И таинственен, как миф
А Цветаева? Всем ясно,
Утончённа и прекрасна.
У нее талант бездонный.
Правда, может быть в быту
Спящею, отнюдь не сонной,
В рифмы привнося мечту.
Выше всех известных вкусов
Предстает Валерий Брюсов.
Очень многим мой укол:
Что ни рифма, то глагол.
В общем, это не смертельно…
О Есенине отдельно
Я б сказал, но не берусь,
Он в стихах велик, как Русь.
Он, Есенин, «на коне»,
Но о нём судить не мне.
Я у всех прошу прощенья,
Всё, что здесь — мое лишь мненье.
Я ведь дилетант, увы,
Мне бы так писать, как вы.

На всех одну

За свой, короткой жизни век,
(Всем это свойственно и мне)
Фонтаном чувств жив человек,
В мечтах летает иль во сне.

Вскипает бурею страстей:
Сегодня — звонче, чем вчера!
Вперед — и никаких гвоздей!
Бороться! Жить! Гореть! Ура!

Пестра жизнь, феерична, но
Готовит участь всем одну:
Нам беспощадно суждено
Зарыться слёту в тишину.

Рожденье ночи

На горизонте, словно флаг на рее,
Повисла тучка — ниже только лес.
А в небе месяц однобокий зреет
И к полнолунью набирает вес.

Волшебное безветрие, беззвучье,
Всё темень заполняет без труда.
И вдруг, как будто по веленью щучью,
Вспоров полнеба, падает звезда.

Рожденье ночи необыкновенной
Собою спеленала тишина.
Торжественно в таинственной вселенной
Бог проявил созвездий письмена.

Померкнет

Дневник истории, скажи,
Пергамент древности, ответь мне —
О сколько фальши, злобы, лжи,
Людьми подарено столетьям.

Архив, вниманьем удостой,
Раскрой закрытые страницы —
О сколько было в мире войн,
Братоубийственности бойнь,
О сколько жертв лежит в землице.

Всё зло да зло — потерян счёт
Его реалиям суровым.
На поле зла не прорастёт
Ничто — лишь зло в обличье новом.

Пластинку поменять пора
И подойти с другою меркой —
А сколько сделано добра!
(Воздержимся кричать «ура»)
Оно на фоне зла померкнет.

Детские грёзы

Кроется в мальчишке каждом,
В глубине мечтаний, снов,
Как он поведет отважно,
Настоящий, не бумажный,
Свой корабль сквозь рёв штормов.

Как, сойдясь с девятым валом,
Очи в очи, грудью в грудь,
Не сробеет у штурвала,
Не свернет с пути устало,
А продолжит дерзкий путь.

И, проснувшись от мечтаний,
Повзрослев, оценит вдруг,
Что средь взрослых испытаний,
Словно в грозном океане,
Жизнь проверит на испуг.

И, ища под солнцем место,
Среди бурь, штормов и гроз,
Он не сдастся, веря честно
В исполненье детских грёз.

Книжные герои

О сколько книг мной перечитано!
И их, и авторов не счесть.
Хотел постичь я, что есть истина,
И что это за слово «честь».

Вгрызался в суть задумок автора,
До самых скрытых «между строк»,
Вступал с бесстрашьем гладиатора
В борьбу со злом.
Был нежен, строг,

Влюблялся до изнеможения,
Был соучастником интриг.
Переживал все приключения
Вместе с героями тех книг.

И что? Постиг? Открыл? Сыскал ли я
То, что искал в громаде тем?
И да, и нет. Всё в книгах правильно,
И в жизни так, но не совсем.

Героям быть легко написанным,
Им в книгах — с честью по пути
Сложнее в жизни быть возвышенным,
Жить истиной и честь блюсти.

Не лечится

Долги перед жизнью списывать,
Замаливать, не получится.
Перед неизбежным выстоять,
Она не позволит, Разлучница.

Неистовое, мятежное,
Реальное Настоящее —
И вот оно, Неизбежное,
Жестокое, непреходящее.

Сбывается пророчество:
Во веки веков не лечится
Вселенское одиночество
Среди всего человечества.

Не один

Я в Храма вхожу другим,
Чем есть на самом деле —
Смиренным,
Тихим,
На́божным вхожу.
Здесь, жизненных страстей
Безумные метели
Я, усмирив,
На дно души ложу.

Я мысленно молюсь
Перед иконостасом,
Прислужно изогнувшись,
Как вопрос.
И кажется, что слышу,
Как небесным гласом
Со мной в душе
Общается Христос.

Я в Храме нахожусь
Торжественно во власти
Намоленности
Чистой,
Неземной.
Из Храма выхожу —
И светские все страсти
Бурлят во мне,
Опять владеют мной.

Проходит время — и
Всё снова повторится,
Всё та же смена
Двух несхожих «я».
Похоже, что вхожу я в Храм,
Чтоб отмолиться,
А выхожу —
Гуляй судьба моя!

Я тщетно задаю
Себе вопрос сакральный,
Он в сердце,
Словно в горле первый блин:
Из двух несхожих «я»,
Какой я натуральный?..
И грустно,
Что такой я не один.

Деревня – мать

Я воспевал деревню многократно,
Её несуетливой жизни ход,
Её ландшафт, всегда глазам приятный,
Её, раздумий полный, небосвод.

Здесь так щедра и искренна природа
Здесь дни отличны друг от друга все,
Здесь предстаёт любое время года
Во всей своей естественной красе.

Витают здесь легенды и преданья
Далеких предков, жизнь вдохнувших в нас.
Здесь и себя частицей мирозданья
Весомо ощущаешь каждый час.

Здесь дождь ли, снег ли —
К месту и приятен,
Всё благодарно принимаю я.
Здесь дня восторг, как собственный, понятен
И ночи грусть понятна, как своя.

Я сердцем всем, я генами привязан
К земле, где я душой раскрыться смог.
Всем, чем богат духовно я, обязан
Тебе, мой, сердцу милый, уголок.

Здесь пережил я и бесхлебья бремя,
И тяжкий труд, но я душой богат.
И мне уютно здесь, но в то же время,
Перед тобой я, город, виноват.

Не осуждай, смени свой гнев на милость,
Ведь никогда ты не был мной забыт.
В тебе живу я, так уж получилось,
Здесь много дел моих, семья, мой быт.

Но я всегда в тебе, как в клетке птица,
Конфликтовать с тобою — мой удел.
Я много раз хотел в тебя влюбиться,
Пытался много раз, но не сумел.

Ты угнетаешь говором натужным
И души обезличиваешь ты,
Я ощущаю здесь себя ненужным,
Частицей сумасшедшей суеты.

Здесь неизбежно всё и все впритирку,
От лиц, от мельтешенья — клином свет.
Здесь день на день похож, как под копирку,
Здесь нет рассветов и закатов нет.

Хоть город франтоват, многоэтажен,
Полно реклам, колонн, витрин и ниш,
Но воздух загазован, снег здесь грязен,
Дождь на прохожих пыль смывает с крыш.

Спасибо, город, за гостеприимство,
Я житель твой, ты есть в моей судьбе…
Деревня — мать.
Её я материнство
Отныне и навек ношу в себе.

О душе

Что мне пела мама в колыбели,
Я не помню,
Я был слишком мал.
Видно, то же,
Что всем детям пели —
Чтоб здоров был,
Счастье чтоб сыскал.

Что мне позже мама говорила?
Я взрослел,
Я помню тот урок:
— Главная, сынок, не в теле сила,
А в душе и помыслах,
Сынок.

Не совсем я внял ее советам,
Хоть учился,
Классику читал.
К знаниям тянулся,
Но при этом,
Для меня главенствовал спортзал.

Занимался боксом,
Бегом,
Вело,
Не сказать, что я имел успех.
Я хотел,
Накачивая тело,
Этим выделяться среди всех.

Я мечтал развиться гармонично,
Умственно,
Физически хотел.
А первично что
И что вторично,
Что важней — понятья не имел.

Годы жизни
Быстро пролетели,
И, готовясь в мир иной уже,
Я почти не думаю о теле,
А всё чаще,
Чаще о душе.

Взлетая – не упасть

Странна́ ты, жизнь,
На гнев и милость,
Себя раскрыв средь суеты.
О чём мечтал я, не случилось,
А что свершилось — без мечты.

Я, не мечтая, стал поэтом,
И этим занялся всерьез.
Да разве я мечтал об этом,
В колхозе вороша навоз?

Шофёра жизнь трудна, опасна,
И всё ж баранку я крутил.
Но в живопись влюбился страстно
И рисовал по мере сил.

И стал художником! Святая
Есть заповедь:
Живи и верь!
Вот так, об этом не мечтая,
Художник и поэт теперь.

Не очень-то я верю в сонник
И в гороскопы, в звёздность дней.
Совет Верховный и полковник —
И это́ вне мечты моей.

Мечтательности круг немыслим,
Он опояшет шар земной.
В мечта́х лишь был я независим,
И это́ — навсегда со мной.

Мечтал с успехом переменным
Я в суете рутинных дел.
Мечтал стать летчиком военным,
Но лишь на творчестве взлетел.

Мир полон грёз — мы не в пустыне,
Над нами мирозданья власть.
О чём мечтается мне ныне?..
Чтобы, взлетая — не упасть.

Храни вас Бог!

Мадонны-сёстры в белых медхалатах,
Сократы в строгой операционной,
Всё то, что вами делается — свято
Для всех больных, нередко — обречённых.

Врачи всегда — сегодня, как и прежде,—
От сердца милосердного, от Бога.
Порою, вы — последняя надежда,
От смерти оградившая больного.

Как это человечно, благородно,
Всего себя отдать, других спасая.
Воистину, любовь к вам всенародна,
И благодарность без конца и края.

Вы славите профессии характер
Не склонностью к хвалам и комплиментам,
А твёрдостью руки, держащей скальпель,
И мягкостью душевной к пациентам.

Здоровье — жизни клад! И это верно.
Здоровье — это жизнь! Звучит крылато.
Храни вас, Бог, как вы храните верность
Вовек гуманной клятве Гиппократа.

Дозор

О человек! Тебе всё по плечу!
В тебе всепобеждающая сила…
Земной шар оседлал я и лечу,
Как на ядре Мюнхгаузен, вкруг светила.

Азарт движенья непреодолим,
Он, только он землян уносит к зорям.
Вам кажется, на месте мы стоим?
Нет! Солнце облетаем мы дозором.

Ну хоть кричи

А жизнь, она, как сон, событий полный,
Длинна и коротка.
Дни проплывают чередой, как волны,
Как облака.

Всесилье чувств, неудержность волнений,
Всевластье чар.
Двух судеб навсегда переплетенье,
Как Божий дар.

Рассветы соловьиные встречали,
Цветущий май.
И принимать дары судьбы вначале,
Лишь поспевай.

Восторженность души в луче тревожном
Меняет цвет.
Увижу ль невозможное возможным?
И да, и нет.

Печаль утрат, падение, вставанье,
Событий гнёт.
Теперь от жизни слышу лишь звучанье
Фальшивых нот.

Бессонница. Финал, глаза мозолит
Луна в ночи.
И полон мир моей душевной боли,
Ну хоть кричи.

Безысходность

Реальность жизни всепогодна —
Весь круглый год — что есть, то есть.
Всего реальней безысходность —
Реальностей прошедших месть.

Я жил, я молод был.
Реальность?
Да, но она — на гроб венок.
Прошедшего девятибальность,
Теперь лишь сонный штиль у ног.

Реальность чересчур реальна,
В небытие нас унося.
Пред безысходностью печальной
Всё отступает. Всё и вся.

И я попятился, хоть прежде
Боролся, мужество храня.
Не отступай, моя надежда —
Всё, что осталось у меня.

Остается одно

Остро́ по сердцу полоснет
Печаль-попутчица.
Пройти воспоминанья вброд,
Ох, не получится.

Они бездонно-глубоки,
Не всплыть, не выгрести,
Не выпросить, как у реки
Бурливой, милости.

И остается лишь одно,
Собраться с духом вмиг,
Нырнуть на глубину, на дно,
И раствориться в них.

Любовь с первого взгляда

Он, встретив взгляд её,
Окаменел, застыл,
Он думал, очарованный, влюблённый:
О как же я бессилен, жалок, хил…
Что этот взгляд пьянил —
Он оценил —
О волшебство!
Бледнеет взгляд Горгоны!

Персея помня, встретившего жуть,
Смотревшего в свой щит, на отраженье,
Он посмотрел в глаза ей —
Будь что будь!
Он, словно под удар подставил грудь
В годину неизбежного сраженья.

Встречавшая доселе только тех,
Кто таял, как свеча, при первой встрече,
Она сдержала наслажденья смех.
А он же,
Не надеясь на успех,
Лишь уповал на соловьиный вечер.

Он принял взгляд её, заговорил
Своим ответным взглядом, осторожно,
Что, глядя ей в глаза,
В себе открыл:
В огонь любви летя,
Не обжигая крыл
Или совсем сгорая — невозможно.

Внезапно это всё,
В его глазах она
Прочла — открылся дар сей, но откуда!
Волненья непонятного полна,
Она, словно проснулась ото сна,
Ей что-то сердце обожгло.
О чудо!

Судьба свела их взглядами,
Без слов,
Для чувств больших, молчанье не преграда.
Для тех. кто сердцем уловить готов
Другого сердца трепетного зов,
Есть всё-таки любовь —
С первого взгляда!

Время корчилось от боли

Свой траурный наряд одеть я
Решил в восьмидесятилетье
Начала битвы мировой.
Страшна для мира эта дата,
Война гремевшая когда-то —
Урок истории живой.

Никто историю не вправе
Чернить — и всё-таки в Варшаве
Чернили из последних сил.
И вопиит вопрос законный:
А что ж спасителя спасённый
На торжества не пригласил?

Неслась с трибуны ахинея,
И жертва, даже не краснея,
Сидела рядом с палачом.
И время — всех и вся учитель,
Дивилось: — Где ж освободитель?
Неужто здесь он ни при чём?

Что б угодить высоким лицам,
Ложь, по прошедших лет страницам,
Катилась, как девятый вал.
И время корчилось от боли —
Трагедий повторенье что ли?
Смысл здравый недоумевал.

2019
80-летие начала Второй
мировой войны

Жизнь

Жизнь сера и пестра,
Жизнь мрачна и светла.
В ней всего лишь вчера
Шли под крики «ура!»
На большие дела.

В ней есть место всему,
Выше мест всяких — честь.
В ней есть место уму
И безумию есть.

Жизнь — сумá и тюрьма,
Безо всяких там «но».
В ней продавшихся — тьма
И предавших полно.

Не один миллион
На планете святой.
Но откуда тот стон?
Кто еще под пятой?

Жизнь мила и горька,
И тесна от интриг.
В ней — века и века
И последний наш миг.

Род людской — был таков,
Мы исчезли, мы были.
Лишь из наших грехов
Плита на могиле.

Прерванный полет

И сердце, хоть разбитое,
живет...

Д. Г. Байрон

Живу, а сердца нет.
Что вскрытие покажет?
Оно разбито горем,
Горем сожжено.
Бывает, искра вдруг
Возникнет даже в саже,
А в сердце искры нет
И в нем черным черно.

Вот так вот и живешь,
Бессмысленно латая
Боль новой болью и —
Свою печаль другой.
А время, уходя,
Безжалостно сплетает
Всю скомканную жизнь
И душу в жгут тугой.

И все же сердце есть,
Иначе боль откуда,
Оно под грудой лет,
Разбитое, живет…
Маячит впереди
Несбывшееся чудо
И золотой закат,
И прерванный полет.

Знакомство

Знакомство наше было кратким,
Мы к неизведанному мчались.
Сомненья наши стыли зябко,
Но мы словами согревались.

И слово порождало слово,
Молчанье порождало тайну.
И всё, что с нами было — ново,
Что с нами было — не случайно.

И в этой краткости сердечной
Проверенная мудрость крылась:
Всё вре́менное — долговечно,
Как дар любви, как Божья милость.

Да, истина звучит победно:
Случайное — промчится мимо,
Ненастоящее — бесследно,
Зато любовь — годами зрима.

Растянуто знакомство наше,
Ведь жизни миг не так уж краток —
Мы пьем совместной жизни чашу
За годом год — шестой десяток.

Сколь жить ещё нам?
Много?
Малость?
Это — как Бог распорядится.
В нас много нового осталось,
Знакомство, значит, будет длиться.

42

Владимиру Высоцкому

Я пережил тебя на 35,
Пока на 35, по воле Бога.
Но если повернуть все годы вспять —
Что я пропел?
Что я сказал такого?

Ты жизнь покинул, возмужав едва,
Вдыхая воздух несвободы горький.
Но видит Бог, твои четыре — два,
Весомее, чем две мои семерки.

Ты яркою звездой в ночной пучине
Сгорел, а я тоскливо догораю.
Я в жизни шел по самой середине,
Ты пролетел по самому по краю.

Не принимал до самой ты могилы
Злых окриков: —
К ноге!
Табу!
Нельзя!
А я всё молча экономил силы,
По колее наезженной скользя.

Ты тесный мир своей душой безбрежил,
Я ж силился, хотя б свой мир обнять.
Возможно, потому я и перéжил
Тебя на календарных 35.

Ты душу мне пронзил до глубины,
По ней как будто жизнь твоя промчалась.
Я на себя взглянул со стороны,
И попытался лучше стать хоть малость.

О жизнь моя! Что я не сделал в ней!
Что бы хотел свершить я? Вижу живо —
Мне б отвернуть от пропасти коней,
Твоих коней, что мчались вдоль обрыва.

Прости, что я пою твое бессмертье,
Покуда скудной жизнью наделён.
Давно в моем ты поселился сердце,
Надеюсь, этим я тобой прощен.

2019

Популист

Таким, как он, безделье — благодать,
Собрать толпу вокруг себя — раздолие.
Ему бы всё и вся критиковать
И даже власть законную — тем более.

«Народ обобран весь, до наготы,
Зарплаты, как подачки, унизительны.
Пенсионеры с голодом на «ты»,
А дальше что? Прогноз неутешительный.

В церквах горит (он говорит) свеча,
Зажженная две тыщи лет Создателем…»
И атеистам «валит» с горяча,
И демократам рубит он с плеча,
Мол, лампочка над ними Ильича,
И та на всех с единым выключателем.

Кричит он, хоть не слушают его:
«Бескрылые взлететь не могут птицею!»
А у кого с мозгами — не того,
Он этих зазывает в оппозицию.

Он кроет всё — ледовые дворцы,
И пенсии и хижины крестьянские…
За всё за это крёстные отцы
Шлют доллары ему заокеанские.

Жизнь-небылица

Какая это боль
Души живой,
Зарыться в свою память
С головой,
Разворошить,
Перелистать страницы
Отшелестевшей
Жизни-небылицы.

А там, в строке любой
И между строк,
Живило серце
Мамино «сынок»
Там на отца
Я опереться мог,
Там ежечасно
Не был одинок.

И вот мы все,
А нас ведь было много,
Кто раньше,
А кто позже —
Все у Бога,
На небесах, надеюсь,
Вся семья.
И только я,
Не призван Богом я.

Скорей, это не дар,
А наказанье,
Сам Бог не может знать
Моих страданий,
Исчезло всё,
Что сердцем так любимо,
И стало дни влачить
Невыносимо.

О память!
До чего же ты жестока.
Порой и я хочу
Уйти до срока
Из этого,
Теперь пустого света,
Чтоб прекратилось
Истязанье это.

Хоть потоп

Бог создал человека
По своему подобью,
Не внешне, а духовно
Мечтал нас одарить.
Но что же друг на друга
Мы смотрим исподлобья
И еле зрима душ
Связующая нить?

Бог создал человека…
Все ль помним мы об этом,
Хоть знаем, что религия —
Дар Божий, не дурман?
А Храмы святочтимые
Давно не под запретом,
Но как же молодых
В них мало прихожан.

Пожалуй, и живется нам
Сегодня настороженно,
Под знаком нетерпимости,
Под гнетом нелюбви,
Что души от рождения
Неверьем обезбожены,
Что мудрость предков генная
Утрачена в крови.

И тянется веревочка,
Рукой недоброй свитая,
И, вопреки поверию,
Не видно ей конца.

И души для духовности
Рождаются закрытые,
И без любови к ближнему
Рождаются сердца.

Живя под Богом издавна,
Не слышим гласа вещего,
Всё глубже погружаемся
Во тьму, хоть тресни в лоб.
И хочется проснувшимся,
Дожить с утра до вечера,
А, доживя до вечера,
За нами — хоть потоп.

Истина

...Оставлена вакансия поэта:
Она опасна, если не пуста.
Борис Пастернак

В поэзии угодничество — гадко
И неприятно слизистостью строк.
Читать их жалким единицам сладко,
И тех стошнит через короткий срок.

Поэзия сравнима с честью, долгом,
И с чувствами, что чистотой свежи.
Поэзия, как исповедь пред Богом,
Где нету места затаённой лжи.

Лишь истиной поэзию венчают
Поэты те, что смело правду чтут.
И счастье, что «верхи» их не читают,
Ну а «низы» когда-нибудь прочтут.

Нет срока давности

Они всё жёстче бьют под дых,
Виновники моих страданий.
Нет срока давности у них,
Пронзительных воспоминаний.

Они уносят в ту весну,
Со мною из которой вышли.
Терзают мысли тишину,
А тишина терзает мысли.

И ночь способствует тому,
Чтоб мне еще больнее было.
Увещеванья ни к чему,
Мол, можно жить и однокрыло.

Самый... из людей

Душа, желания и разум,
Вы жгли меня, сильней огня.
Единовременно, все разом,
Терзали на разрыв меня.

И соглашаться с вами — мука,
Но и противиться — беда.
Вы, словно лебедь, рак и щука,
Мена тащили — кто куда.

Психологических увечий
Не испытал лишь лицедей.
В обьятиях противоречий,
Я самый… самый… из людей.

«Да» и «нет»

В крови на «нет» запрет,
И память — тормоза.
И хоть в душе мы «нет»,
А вот в глаза мы «за».

Опасность прошлых бед,
Грозит острей леза.
Мы часто в мыслях «нет»,
В своих деяньях «за».

Гремит из прошлых лет,
Из Соловков гроза.
Хотим сказать мы «нет»,
Но голосуем «за».

Бог

Он был ли или не был?
Есть Он или же нет?
Мы молимся на небо
И ищем там ответ.

И верим иллюзорно
В заоблачность чудес.
Столетьями упорно
Мессию ждем с небес.

Мы все свои поступки
Сверяем по Нему.
Мир нашей веры хрупкий
Противится уму.

А с неба — ни полслова,
Молчит небесный глас,
Как будто Сам Он снова
Испытывает нас.

А мы вздымаем взгляды
Надеемся и ждем.
И затаенно рады,
Когда услышим гром.

Сердцам приятней биться
От мысли огневой,
Что Бог на колеснице
Гремит — значит живой.

Не истина все это,
Подтверждено не раз.
И если есть Он где-то,
То лишь в душе у нас.

К Нему одна дорога
И Вера — главный гид.
И тот, кто верит в Бога,
В душе Его хранит.

В душе — надежном Храме,
Уверен в этом я.
Да будет Вера с нами!
Но в нашей жизни-драме,
У каждого своя.

Слабости

Как поздно разглядел свои я слабости,
Которыми был наделен сполна.
Лишь жизнь прожив,
С вершины мудрой старости,
Картина жизни хорошо видна.

Характер стойкий я в себе воспитывал,
Противился соблазнам — много их,
К спиртным напиткам слабость я испытывал,
И часто «субражали» на троих.

Во всё готов был с головою ринуться,
Ночей не спал, ловил азарта шанс —
Мне нравилось в картишки перекинуться,
На денежки в очко иль преферанс.

Своею главной поделюсь я тайною,
Хоть в этом деле многие спецы,
Что слабостью моей необычайною,
Конечно ж были милые бабцы .

Эх, были ночи бурные и страстные,
И ощущенья острые, как нож.
О эти мои слабости прекрасные,
Как вспомню — ощущаю в теле дрожь.

Богат другими слабостями нынче я,
Ведь по годам уже «не на коне».
Хочу напиться, свято чтя обычаи,
Здоровье же не позволяет мне.

Наказывает старость с беспощадностью,
Пленённый ею, каждый её раб.
Я на прекрасный пол взираю с жадностью,
Теперь и к этой слабости я слаб.

О молодость хмельная, безоглядная,
Соблазны жизни пьющая до дна.
Ты к слабостям неутолимо-жадная,
Ты в слабостях запретных и сильна.

Увы, ничто не вечно, но не плачу я,
И коль нельзя любить и пить вино,
Я вспоминаю молодость горячую
И с наслажденьем режусь в домино.

Непреходяще

То, что прошло неповторимо,
Осознаёшь в печали,
Но многое припомнишь зримо,
До маленьких деталей.

Огней вечерних панораму,
Весну в кленовых лапах,
И цветовых оттенков гамму,
И предвечерний запах.

И в предзакатной дымке дали,
Но вспоминаешь чаще
Интимный локон из-под шали,
Волнительно манящий.

Верность

Один, холодной ночью темной,
С глазами, полными печали,
Сидел он, брошенный, бездомный,
Хоть, видно, кров имел вначале.

Имел хозяев —
И ошейник
Прохожим говорил об этом.
Теперь остался, как отшельник,
Один, пред всем жестоким светом.

Сидел он, без питья, без пищи,
Без должного к себе вниманья,
Достоинств полный, словно нищий,
У злых не взявший подаянья.

Я подошел, дав чувствам волю:
— Кто ж так, дружок, тебя бездушно?..
Но он взглянул в глаза мне с болью
И отвернулся равнодушно.

Он дал понять мне — я уверен,
Глазами умными своими,
Что он хозяевам лишь верен,
Не веря в то, что брошен ими.

Бессмыслицы

Лес опрокинут в воду полным строем,
И вверх ногами вынужден расти.
Да как так может быть —
Догадки строим,
Пытаясь смысл в бессмыслице найти.

Года свои сложив —
А что в итоге?
Не плюс, а минус, как тут ни крути.
Мы с детства — всё в дороге,
Всё в дороге,
Последнюю нам не дано пройти.

Бредет седая старость по морщинам,
Мы перед нею, как один, равны.
Морщины — украшение мужчинам?
Но женщинам зачем они нужны?

Не станешь ни красивше, ни моложе,
Хоть все на свалку выбрось зеркала.
В бессмыслицах найдется смысл, похоже,
Но главное — чтоб не таили зла.

Не всегда

А небо то дождливо, то бездонно,
То зрим туман, то далей глубину.
Природа не копирует шаблонно
Ни день, ни ночь, ни осень, ни весну.

Она искусно удивлять нас хочет,
И все мы удивления полны.
Вот и сейчас объятья дивной ночи
Новы, неповторимы и нежны.

Мигают звёзды высокó-высóко,
Украсив ночи грустное чело.
А серп луны запрятался в осоке,
Теченье чтоб его не унесло.

Мир вечно новый, необыкновенный,
На нём видны отметины-года.
И в мире мы, увы, не неизменны —
Мы делаемся лучше?
Не всегда.

Без ручки чемодан

Отгомонившее вчера,
Осточертелое сегодня —
«Вам примириться бы пора»,—
Подсказывает разум-сводня.

Но разум для того и дан —
Диктует нам, увещевает,
Он, как без ручки чемодан,
Вещами полон, но мешает.

А вот для сердца в том «давно»
Есть притягательная сила.
Им примириться не дано —
Тому, что есть, тому, что было.

Себе

Готовься, отставной полковник,
Ты обветшал, ты сед и стар.
И смерть бескровная, твой кровник,
Готовит в спину свой удар.

Старуха гладит против шерсти
Таких, как ты — прими её.
Не раз смотрел в лицо ты смерти,
Теперь она глядит в твоё.

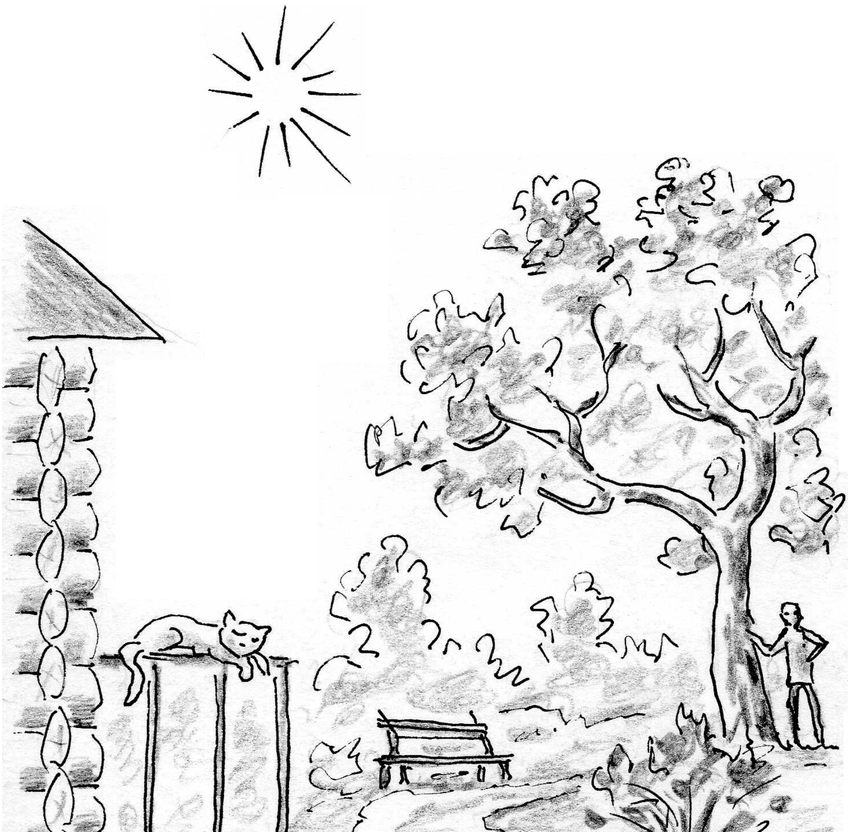
Она посмотрит — и ни звука,
Безмолвья мир, хоть круть, хоть верть.
Ведь жизнь, браток, такая штука,
Что спотыкается о смерть.

Когда б не вы...

Что мне вредило в жизни?
Прямота.
В суждениях — моя не с краю хата.
И совесть от того моя чиста,
Зато и тайных недругов богато.

О, как ты, правда-матушка, горька!
Хотя, что может быть тебя дороже?
Проходят годы, бурные века,
Но слаще ты не сделалась, похоже.

Хвала векам, что ты какая есть!
Весомее слащавой лжи и лести.
За правду пострадавших всех не счесть,
Но их не будь — жизнь замерла б на месте.

Найдите различие

Крыльцо. Блаженно дремлет кошка.
Фруктовый сад. В саду скамья.
Змеится меж кустов дорожка.
В тени под яблонею — я.

День отошел. Приходит новый.
Крыльцо. У кошки дрёмы лень.
Скамья. Дорожка. Сад фруктовый.
Лежит под яблонею тень.

Головоломок чтя обычай,
Что в моде был давным-давно,
Сколько в картинах двух различий?
Найдите… Ну, хотя б одно…

Найдите! Сделайте же милость!
Но сухо прозвучал ответ:
— Здесь ничего не изменилось!
Здесь никаких различий нет!..

Вот так никто и не заметит,
Когда из жизни я уйду,
Ведь ежедневно солнце светит
И подают к столу еду.

Крепостное право

А время — всё под дых, под дых,
То по мордасам — слева, справа.
Живу под гнётом лет седых,
Цепных, как крепостное право.

Шаг вправо, влево, как расстрел —
О эти затхлые каноны.
Но я душой не постарел,
Я в мыслях дерзкий и влюбленный.

Хоть годы, словно снежный ком,
С вершины жизни катят в бездну,
Я допишу последний том,
И с тихой грустью о былом,
На посошок поллитру резну.

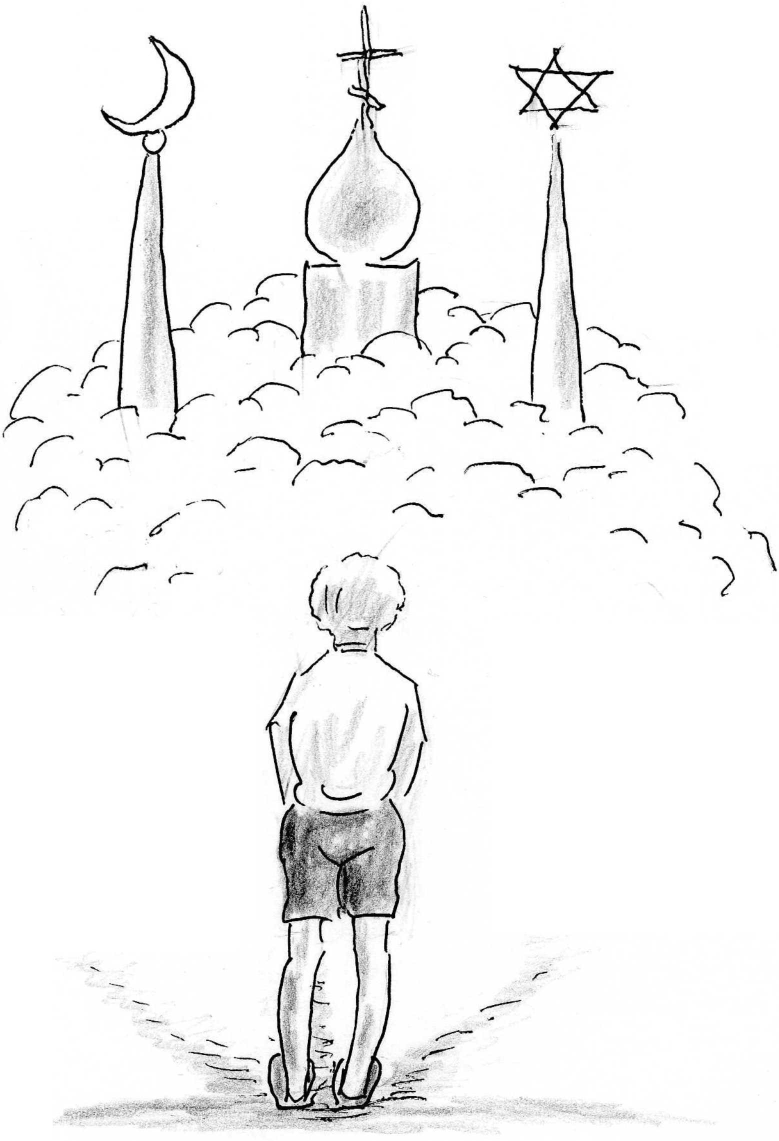
Сирень не шутки

Май рядился, зеленея тщательно,
Цвёл сиренью на пределе сил.
Я её наламывал старательно
И тебе охапками носил.

Не знаком я был с любви секретами,
Но упорно, позабыв дела,
Сердце штурмовал твоё букетами,
Каждый дынь, пока сирень цвела.

Думаю, тогда твои родители,
Видя каждый день сирени воз,
Небезосновательно предвидели,
Что сирень не шутки, а «сурьёз».

Да и мы с тобой того же мнения,
Долго не гадая — под венец.
Волшебство своё цветы весенние
Отдали сполна для двух сердец.

Вот вопрос

Мечети, церкви, синагоги
И храмы разных величин —
Свои молитвы в них и Боги,
И вера — хотя Бог един.

Их славят вовсе не из страха
А сердцем — вера в них свята́.
Возносят громче всех Аллаха,
Гораздо сдержанней Христа.

Смешалось всё на этом свете,
Прости нас, Иисус Христос.
Кому молиться будут дети
И внуки наши?
Вот вопрос…

Что могу я?

Я пишу, не пугаясь огласки,
Это всё, что позволено мне…
Вы выходите, словно из сказки,
Проплываете, будто во сне.

И проходите, гордая, рядом,
Не взглянув — этим сказано «нет».
Что могу я? стоять лишь и взглядом
Безнадежным глядеть вам вослед.

А потом, беспокойно, тревожно,
Сердце снова прикажет уму,
Ждать того, что пока безнадежно,
Но прекрасней ещё потому.

Груз на сердце и ранит, и лечит,
Он и сладок, и горек, увы.
И живу я от встречи до встречи,
О которых не знаете вы.

Я хотел бы не думать, забыться,
Но упрямо, в который уж раз,
Сердцу юность далекая снится.
Подарившая песню и вас.

1985

Событий ход

Из прошлого в грядущее путь долог —
Века и люди, люди и века,
Рождений и смертей бессрочная река,
Ещё чуть-чуть — и каждый археолог.

Копнул — и череп,
Ещё копнул — скелет,
В земле, над нею — наслоенье лет,
Нагромождение эпох, веков пласты,
Ни метра без захоронений нет,
А меж столетьями сжигаются мосты.

В природе есть воды круговорот,
Другие непреложные от Господа законы.
А люди? Время нас видало триллионы,
Всех приняла земля.
Таков событий ход.

Мы — дети все земли, кормилица она —
Звучит обворожительно и мило.
Земля щедрот полна,
Земля красот полна,
Она наш дом уютный
И… могила.

Гости незваные

Что я кисну, как капуста,
Неумело квашеная?
Ладно, было б в сердце пусто
Иль обесшабашеное.

Ведь душа во всю копытит,
Не догонит конница.
Ну а в сердце столько прыти,
Словно мчит к поклоннице.

Расступитесь все невзгоды,
Мысли окаянные!
К черту стоны! К черту годы!
Гости вы незваные.

Подранки

Мы каждый миг и каждый день
Рискуем и душой, и телом,
Ведь жизнь — огромная мишень,
Она у многих под прицелом.

В надеждах — дёгтю через край,
Зла от добра не отмежуем.
Ничтожный самый негодяй
Не промахнётся в жизнь чужую.

А зло — в разгон,
А зло — в разбег,
И напоказ свою изнанку.
Вот почему из века в век
Так много среди нас подранков.

Луч открытий

Тонка наследственности нить,
Жизнь из которой свита.
Хотелось многое открыть,
Но всё уже открыто.

Дела — «давно минувших дней»,
Не удивляет слово.
И угнетает нас сильней,
Что всё уже не ново.

Но все мечтали стать — и мы,
Быть эврикой событий,
Иначе не сверкнёт из тьмы
Нам дерзкий луч открытий.

И я открытое «открыл»,
Что капля камень точит,
Что человек, пусть и без крыл,
Взлетит, когда захочет.

Старые истины

Из опыта я вижу своего,
Из драм Отчизны:
Нет для поэзии страшнее ничего,
Чем проза жизни.

Нет ничего страшнее для любви,
Чем трезвый разум
Хоть десять «умных» жизней проживи,
Всё рухнет разом.

И всё так будет рушиться, пока
Не осознаем,
Что лишь любовь летит через века,
Нас возраждая.

Не возраждает нас лишь наше «я»,
«Мы» им распято.
Рубашка ближе каждому своя —
И это свято.

Но кто есть кто, лишь время даст ответ,
Оно рассудит.
Страшней для человека зверя нет,
Чем себялюбец.

Прописка и душа

Город — каменная глыба,
Груз тяжелый для души.
Либо одичал я, либо
Вспять живу в лесной глуши.

Вечность — в городе полгода,
Суетливость, толкотня,
Шумность, чадность, несвобода —
Словно стойло для коня.

Но зато в деревне, в поле,
В златососенном бору,
Я — не в стойле, я на воле,
Ночью ль, днем ли, поутру.

Завосторжье, загляденье,
Первозданное житьё,
Небо, солнце, птичье пенье,
Дали, шири — всё моё.

И мелькают дни, недели,
Только поспевай считать.
И не веришь — неужели
В город на́ зиму опять.

И опять зимой я в Минске,
Здесь квартира и семья.
Городской я по прописке,
А душою сельский я.

Холод неверности

Они расставались на год или два,
Его обжигали любимой слова:

Я ждать тебя буду всю жизнь, а не год,
А в сердце моем для других будет лёд.

Всю чашу разлуки я выпью до дна,
Останусь твоею, я буду верна.

Предвидя разлуки туман впереди,
Он нежно обнял её, выдохнув: — Жди!

Но жизнь это жизнь, не о жизни кино,
В ней всяческих «но» и соблазнов полно.

Она из последних противилась сил,
Но холод неверности — лёд растопил.

И сердце оттаяло, месяц спустя —
О женщина — непостоянства дитя!

Ее те, кто рядом, собой увлекли,
Любимый… теперь нелюбимый — вдали.

А клятва? Подумаешь, только слова,
Которые помниться будут едва…

Вернувшись из странствий томительных, он
Узнал про измену и вспомнил свой сон,

О том, как она, его крепко обняв,
Торжественно встретила, клятву сдержав.

Он горько изрёк: — Сон не нравится мне,
Такое бывает, лишь только во сне.

Ошибки

Ошибки многочисленны
Среди добра и зла.
Грызу я локти мысленно,
Как лошадь удила.

Не молодо, не зелено,
Не прежний я давно.
Но то, что раньше сделано,
Исправить не дано.

Предела совершенству нет
И глупостям, увы.
И я, спустя десятки лет,
В ошибках весь…
А вы?

Верю – не верю

Мы молимся,
Мы́ куролесим безбожно,
То верим во что-то,
В кого-то, то нет.
Без веры, хотя бы в себя, невозможно
Ни жить, ни бороться с фатальностью лет.

О, жизни период всеверия ранний,
Где каждому каждый — товарищ и брат.
Но горечь жестоких разочарований
Вливает нам с души неверия яд.

Ход жизни —
Расплывчив, развенчан, размерен,
Тускнее и ниже висит небосвод.
Я верю душой, а умом разуверен,
Боюсь, и душа под неверьем падёт.

Без протеста

Столетья — всё мимо, мимо,
Грядущее — ближе, ближе.
И я предчувствую зиму,
И я бесконечность предвижу.

А время ложится на плечи
Невидимостью неподъёмной.
Я прошлым до дыр залечен —
О, будущий мир огромный!

О, мир бесконечный вселенной!
Но нету в тебе мне места…
Предвижу покой блаженный,
Покорно, без слёз, без протеста.

Закат или рассвет?

Да, виноват я, виноват,
И в том не делаю секрета,
Что ненавязчивый закат
Нам навязал свиданье это.

Но и в другом секрета нет,
Что суеверна ты с рожденья,
Что больше по душе рассвет
Твоим о встречах представленьям.

И на рассвете я не прочь
Встречаться и зимой, и летом.
Но вечер нас уводит в ночь
И мы гуляем до рассвета.

Азарт

Хоть жизнь почти что прожитá
И всё ж азарт, как наркота,
Как звон бокала.
То я в запое глубоко,
То я в рулетку, то в очко,
То всё сначала.

Автомобиль азартней карт,
Он дарит гоночный азарт —
За мной, братишки!
Я не вписался в поворот,
Я газанул, наоборот,
Кричал — кому-то что-то в рот!
Набил лишь шишки.

Да, я слагал стихи, как мог,
Но не писал правдивых строк
Рукой дрожащей.
Давно для многих не секрет,
Что я не нравлюсь как поэт,
Властьпридержащим.

Коллеги — мысли на замок,
Коллеги — молчаливый шок,
Хитрят коллеги.
Для них молчанье — тоже труд,
Но как же медленно растут
Их слов побеги.

Нет, я не прячу мысли в тыл,
Не то, чтоб я беспечен был,
Не то, чтоб смелый.
И не вселился в душу бес,
Но быть люблю я позарез
Вороной белой.

Я к правде-матушке привык,
А мне б попридержать язык
Без предисловий.
Из опыта известно мне,
Что нету истины в вине,
Лишь только в слове.

И выхода другого нет,
Как слову дать простор и свет,
Извлечь из ниши.
И я, пока ещё в пути,
Мне б главное произнести —
Но кто услышит?

Дым

Дым от костра в лесу,
На отдыхе приятен,
Он очень многим
С детских лет знаком.
Берясь за головню,
Мы не боимся пятен,
Счастливые, пропахшие дымком.

Но видя дым другой,
Мы прекращаем споры,
Стоим, застыв
У самых важных дел.
Дым страшный, дым который
Питает крематорий,
Исторгнутый из человечьих тел.

Он в небе голубом висит,
Как росчерк смерти,
Как неизбежный дел земных итог.
Неужто метку шлёт
Нам в голубом конверте,
Нам всем,
Пока ещё живущим, Бог?

Я метку получил,
Лишь ниже сдвинул брови,
Стою, от скорбных дум неизлечим.
Из этой же трубы,
Родные мне по крови,
Летели в вечность,
Превращаясь в дым.

Летели в вечность —
Неба свод просторен,
Но ведь у них и души не малы.
Несовместимо как —
Дым беспросветно-чёрен,
А души их безгрешны и светлы.

Я метку получил,
Но возвращаю Богу,
Смахнув суровость с хмурого чела.
Отправлюсь я в свой час,
В последнюю дорогу,
В ту землю, что меня и родила.

Уйти бы...

Уйти бы, заманашить в келью,
На воду и на хлеб,
Чтоб жесткий пол мне был постелью,
Очистить душу мне б.

Всего себя отдать молитве —
Дни, ночи, вечера.
У зла с добром в извечной битве,
Стать бы, идя по лезвью бритвы,
На сторону добра.

И доживать, как в клетке птица,
Смирив разгульный нрав.
Переродиться б, отмолиться,
Безбрачие избрав.

Забыть всё то, чем бредил сдуру,
И не писать стихи.
Как змеи сбрасывают шкуру,
Столкнуть с себя грехи.

Отбросить вредные замашки,
Покорно сгорбить стать.
Боюсь лишь только, что монашки
Мне будет не хватать.

Вопрос-ответ

Войти в вопрос, как в келью без окон
И без дверей — есть выход или нету?
Сплошная темень, мрак со всех сторон,
И к свету устремляешься — к ответу.

Вопрос-ответ… Нет, это не игра,
В сей цикл вовлечено умов немало,
Чтоб «завтра» было лучше, чем «вчера»,
Чтоб в тупике вопроса не застряло.

Мир полон непроверенных идей,
Вопрос-ответ, всегда по жизни с нами.
Чем в келье без окон и без дверей,
Приятней жить в просторном светлом храме.

Свой срок

Глупцы и мудрецы
Всё время в теме,
Но всё ж мы мудрецам
Благоволим.
Вот говорят:
Опередил он время,
В виду имея
Созданное им.

Мир связан
Времени незримой нитью,
В любое время
Мир открытьям рад.
Но ведь «опередившее»
Открытье
Полезным было б
И сто лет назад.

Так что?
Опередил он время или
Открыть открыл,
Но лучше б раньше мог.
И то, что раньше
Многие открыли,
В свое всё время —
Важен ведь итог.

Когда-то
Время мы опережали
И пятилетки
За три года — бах!
И что же ожидало

Нас в финале?
Обещанного будущего
Крах.

Нить времени —
Не гужевые вожжи,
Его не повернешь
Ни вспять, ни вбок.
Кто жить хотел бы раньше,
Кто-то позже,
Но каждому
Определен свой срок.

Таков наш путь

На пройденный взирая путь,
Несу предчувствий тяжких бремя.
Упасть бы времени на грудь,
Но на мою упало время.

И так под ним мне тяжело,
И труден каждый вздох, и значим.
Не потому ль, сломав крыло,
Мы над другим уже не плачем.

И, свой заканчивая путь
По лабиринту жизни бренной,
Мы видим, что не отвернуть
От горестной антивселенной.

Что не зажжется там звезда,
Какую при рожденьи прочат.
В антивселенной навсегда
Мы — только тень беззвездной ночи.

Мы, каждый, черная дыра,
Без контуров, без очертаний.
Мы — лишь далекое вчера,
Оно, чем дальше, тем туманней.

Из ночи в ночь — таков наш путь,
Его проходим мы прилежно…
Упасть бы времени на грудь
От бренной жизни отдохнуть —
О, это будет неизбежно.

Кто был кто?

Когда бы всех поэтов чтили,
Как жаждут оные того,
Горели б мы, как жир на гриле,
В огне тщеславья своего.

Кто пишет — гений сто процентов!
И стал бы тесен шумный мир
От монументов, монументов,
Шаг — знаменитость, два — кумир.

Другим бы жить несносно стало
Мы, мы — всё в бронзе, во плоти.
Сегодня и от пьедесталов
Не протолкнуться, не пройти.

При жизни на слуху быть лестно,
Зачем гадать, жизнь — не лото.
Уж лучше умереть безвестным,
А там рассудят — кто был кто?

Хотел воспеть

Хотел воспеть Творца страданья,
Но на последнем рубеже,
Открыл я с разочарованьем,—
Воспели их давно уже.

Хотел воспеть страданья века,
Но вновь открыл, себя виня,
Они — для стихотворцев Мекка,
Они воспеты до меня.

Хотел воспеть любви бессмертье,
Ведь сам я трепетно любил,
И в это, верьте иль не верьте,
Вложил не мало чувств и сил.

И здесь, с начала мирозданья,
Как у Творца, как у веков,
Ничуть не меньшие страданья,
Чтоб их воспеть, не хватит слов.

Уж не затем ли из былого
К нам протянулся след в крови,
Чтоб чтили мы страданья Бога,
Веков страданья и любви?

Чтоб жили не как сын заблудший,
А, наше прошлое ценя,
Всецело становились лучше,
Страдания искореняя.

Открыл я — чтоб не кануть в Лету
С томами отзвучавших тем,
Знать суждено гореть поэту
В огне событий и проблем.

Сокровищем владея

Жить проще налегке, лишь радости вкушая,
На горло наступив своей судьбе.
Хоть к нам терпима жизнь,
Но все же не прощает
От нас неуважения к себе.

И больше жизни в ней, себя мы полюбили,
Порок любви к себе — неизлечим.
Стремится жизнь вперед,
И мы, покуда в силе,
Годами непростительно «сорим».

Всецело мы в руках у времени-злодея,
С улыбкою бесстрастной на челе.
Мы жизнею своей — сокровищем владея,
Внезапно узнаем, что жизнь, как лотерея —
Был крупный счет, остались на ноле.

О как же со своей мы жизнью поступали,
Бездарно, расточительно, порой.
То, что казалось лишь комедией вначале,
В конце грозит трагедией большой.

В конце взглянув на жизнь —
О как же обветшала!
Увидев в ней ошибок наших брешь,
Повинно головы склоняем запоздало
И пеплом щедро посыпаем плешь.

Ларец секретный

Бог осенил меня:
Страшись пути земного,
К деньгам не тяготей,
Духовное ценней…
Услышал я и внял
Увещеваньям Бога,
Духовность так духовность —
И породнился с ней.

По-всякому жилось,
Но, в основном, без денег,
Духовность вкруг души
Рассеивала мрак.
И никогда меня
Не мучили сомненья —
Так или нет живу,
Уверен был, что так.

Я прожил жизнь, как мог,
И лучшего не надо,
Я не уверен, был ли
Глас Господний тот.
Но созданное мной —
Бесценная награда,
Она и Божий дар,
И лет бессонных плод.

Я счастлив или нет?
Вопрос сей без ответа,
У финишной черты,
На склоне ярких лет.

А счастлива иль нет
Горящая комета?
За яркий свет свой — да!
Что догорает — нет.

Пора открыть для всех
Судьбы ларец секретный,
В нём даже для меня
Сокрыт секрет не мал:
Я праведник такой,
Бессребреник аскетный,
Возможно, потому,
Что был весь неприметный,
И денег мне за то
Никто не предлагал.

Средь стуж

Я, как брошенный камешек
В жизни пучину,
И года вкруг меня,
Как круги на воде.
Их всё меньше и меньше,
С последним я сгину,
Превращусь в тишь и гладь —
Не ищите нигде.

Я — случайный прохожий
На людном проспекте,
Чьи-то локти толкают
То в спину, то в грудь,
Самый я одинокий,
Самый грустный на свете,
И пронзительно горек
Мой жизненный путь.

Я на этой земле,
Словно гость ниоткуда,
Я не понят, не принят,
Не нужен, к тому ж.
Быть своим средь чужих —
Не случается чудо,
Обнаженной душе
Неуютно средь стуж.

Тесен мир,
Но не слышу я сердцебиений,
Мир, как сюрреализм,
Как немое кино.

В толчее угнетает
Отсутствие мнений,
Раздражает не менее
Мненье одно.

Я, как брошенный камешек
В жизни пучину…
Я — случайный прохожий
На людном проспекте…
Я на этой земле,
Словно гость ниоткуда…
Тесен мир,
Но не слышу я сердцебиений…

Можно оправдать

Светлой памяти
брата Кости

Ушел из жизни самый близкий,
Последний из живых, мой брат.
И прошлое, как сон садистский,
Взывает: — Оглянись назад!

Назад, где всё уже загробно,
Но каждый в памяти живой,
Где слишком неправдоподобно
И сказочно, хоть волком вой.

Где голоса родных и близких
И хата —
Самый светлый храм,
Хоть потолок на балках низкий
И тень таится по углам.

Где жили дружно, хлебосольно,
Хоть хлеб был не хозяин — гость.
И мама воздыхала больно,
Кладя с надеждой богомольной
В горшок крупы последней горсть.

Но каждый был душой богатый
И этим жизнь была полна.
Теперь в стенах скорбящей хаты
Пронзительная тишина.

Теперь душа —
Сплошная рана,
А память —
Всей планеты соль.
Душа стенает постоянно,
Вмещая всей вселенной боль.

Представьте бурю мирозданья
И в ней — пылинку бытия
Невидимую, вне вниманья,
Ненужную — и это я.

И это я…
А жить-то надо,
Вернее, только доживать,
Хоть сердце этому не радо,
Но сердце можно оправдать.

Проскакал

Конь лихой и сбруя
Больше не нужны.
Одного хочу я —
Тишины.

Бросил шпоры с плетью,
Острый меч и щит.
Безрассудством-сечью
Сыт.

Молод был и гибок
Стан, но вялым стал.
По́ полю ошибок
Проскакал.

Больше не стремится
Сердце в высь.
Все мечты, как птицы,
Унеслись.

Завершает драку
Плоть моя.
Знатный был рубака
Прежде я.

Был упруг мой парус,
Да пожух.
Вместо пылу-жару,
Прах и пух.

Всё мое занятье —
Дум полет,
Да былое спать мне
Не дает.

Кончились идеи,
Хоть кричи.
И теперь я греюсь
На печи.

Старость — что такое?
Жил-не жил.
Умереть в покое
Заслужил.

Паэмы
2019–2020

Парад

Да 75-годдзя Вялікай Перамогі

Як толькі ў свеце праўды стала мала
І ў чалавецтва — з памяццю разлад,
Ступілі манументы з п'едэсталаў —
І помнікі распачалі парад.

Святая праўда ў бронзе і граніце
Бяспамяцтву насуперак ідзе,
Расце якое, як быльнёг у жыцце
Й спрыяе новай на зямлі бядзе.

І на чале дзівоснага парада —
Радзіма-маці у руцэ з мячом,
Сыйшла з кургану, што ля Валгаграда,
Зноў ратаваць зямлю — агульны дом,
За ёй другія — да пляча плячом.

Падняўся ўрост баец ад Брэсцкай крэпасці
І сёння ў гістарычным тут страі.
Не адступіў ён перад чорнай нечысцю —
І дзень, і ноч вёў гарнізон баі.

На маршы — Жукаў рухаецца шпарка,
Саскочыў з п'едэстала на кані.
І воін-пераможца з Трэптаў-парка,
Прыйшоўшы з тых часоў у нашы дні.

На варце міру ён без перапынку,
На п'едэстале велічны стаяў,
Трымаючы нямецкую дзяўчынку,
Якую ад вайны ўратаваў.

Цяпер ён крочыць па зямным па шары,
Каб абудзіць сумленне нашых дзён,
Бо горш няма для чалавецтва кары,
Чым памяці людской і душаў сон.

Тут, у страі, Камінскі з мёртвым ўнукам,
Нясе яго з Хатынскага агню —
Суровы твар, рот сцяты — і ні гуку,
Ён — засцярога будучаму дню.

З ім побач — дзеці Дальвы зруйнаванай,
Як і Хатынь, бязлітасцю вайны.
Тут, маці-патрыётка — Купрыянава
Й загінутыя ўсе яе сыны.

Усіх пяцёх вайна забрала з Жодзіна
У свой малох крывавы назаўжды.
І сэрцам з імі маці былі пройдзены
Вайны дарогі — жахаў і бяды.

Марат Казей ідзе ў руцэ з гранатаю,
Якой сябе й фашыстаў падарваў.
Вось так ён нішчыў ворага праклятага —
Загінуў сам, нам мір падараваў.

Сусанін тут,
Заслонаў тут нязломлены,
І сведчыў подзвіг мужных лёсаў іх,
Што будзе родны край наш разняволены —
І гэта загартоўвала другіх.

Бяспамяцтва ўспрыняў да болю горка,
І сёння тут, усім нам дарагі,
Алёша, чыя з «камня гимнастерка»,
Алёша, чые з «камня сапоги».

*

Такіх парадаў гучных больш ці будзе?
Яны й раней ніколі не былі,
Каб помнікі, нібы жывыя людзі,
Ішлі па, памяць страціўшай зямлі.

Ішлі па ёй, зарубцаваўшай раны,
Як па старонках тых ліхіх гадоў.
Ішлі па гарадах адбудаваных,
Паўз ніў жытнёвых, дзе лілася кроў.

Ішлі шляхамі неўміручай славы,
Дарогамі адноўленай зямлі —
Па Кракаве, па вуліцах Варшавы,
Па плошчах Прагі і па Брацілаве,
Па Будапешце, па Сафіі йшлі.

Тут сёння, на вачах усяго свету,
Святкуе мір, гарыць жыцця святло,
А ў час вайны, каб ажыло ўсё гэта,
Тут сотні тысяч жызняў палягло.

І ў вызваленых гарадах, свабодных,
Стрымаць пачуццяў людзі не маглі.
Тады салдат-збавіцеляў, як родных,
Насіць гатовы на руках былі.

А сёння…
Дзе падзяка? Дзе павага?
Хай не падзяка…
Памяць! Дзе яна?
Семдзесят пяць гадоў жывуць не блага,
У сытасці й забылася вайна.

*

На шэсце са здзіўленнем непадробным
Еўропа пазірала з-пад рукі.
Вітаў іх хтосьці, хтось глядзеў падлобна,
А хтось адводзіў вочы у бакі.

На целе у Еўропы бачым язвы,
З іх кожная ў тупік жыццё вядзе.
«Суд над гісторыяй!» —
Другой не будзе назвы,
Бо помнікі знішчаюць дзе-нідзе.

Руйнуюць тых, хто ўратаваў планету
Цаной свайго жыцця і ўсіх ахвяр,
Даў будучыню гінуўшаму свету,
Бяды ўсясветнай патушыў пажар.

Руйнуюць тых, хто вывеў з вечнай ночы
Народы, чалавецтва да святла…
Таму вось сёння помнікі і крочаць
Па ўсёй зямлі, каб памяць ажыла.

І раптам сэрцы ў бронзе схаланула
Дыханне гістарычнай даўніны —
Вось ён Рэйхстаг!
О колькі год мінула!
Семдзесят пяць мінула без вайны.

І помнікі ў сваім страі застылым,
Пашанна перад Перамогай той.
Яны прыйшлі сюды адкрыта, з мірам,
І з непахіснай памяццю святой.

*

Ў жыцці спрадвеку —
Смуткі побач з радасцю,
А праўда побач з праўдаю — радзей.
Усе павінны ушаноўваць памяццю
Трагедыі і подзвігі людзей.

Ёсць памяць — будзе мір!
У гэтым логіка.
Бяспамяцтва — утойвае хаос.
Мы памяццю на Піскароўскіх могілках,
Трагедыя якіх — вышэй нябёс.

І наша памяць перад ёй укленчана,
І нашы сэрцы неразрыўна з ёй.
Мы памяццю й з ахвярамі Асвенцыма,
Мы з Бухенвальдам памяццю жывой.

Мы памяццю і з Трасцянца ахвярамі,
І з кожнай вёскай, спаленай з людзьмі.
Бяспамяцтва — былое пляміць хмарамі
Палітыканства і прадажных СМІ.

І вось, каб лжэгісторыі паклоннікі
Ліць не маглі у вушы бруд маны,
Працягваюць свой бой за праўду помнікі,
Ідуць праз час дарогамі вайны.

Голос истории

Гляньте правде в глаза, вы, которые
Память мажете чёрным цветом.
На трибуну взошла История
Перед всем многоликим светом.

Вы, предавшие память, и прочие,
Перед истиной куцы и жалки.
У Истории — все полномочия
Сбросить вас на Истории свалку.

Вы, политиков лживых прислужники,
Раболепствующие пред ними.
Вот Истории голос, прислушайтесь
Не чужими ушами, своими.

Ты, Европа, живая, сытая,
От позорного рабства спасённая,
Не забыто, тобой забытое —
Кем была ты освобождённая.

Ты отстроена и ухожена,
Ты напыщена, высокопарна.
Сколько жизней за это положено!
Ты же лжива и неблагодарна.

Не нужны тебе темы острые,
У тебя на них взгляд другой.
Вон Варшава цинично злобствует,
На спасителя топ ногой.

А Болгария?.. Нынче с норовом,
От друзей отвернулась она,

Хоть «братушками» и Суворовым
От неволи была спасена.

Искаженье — порочная практика,
От Истории — проще в бега.
И неистовствует Прибалтика,
В победителе видя врага.

А Америку — хоть зови на «бис»,
Нынче хвастает с помпой, с понтом.
Да, сражалась ты, но под занавес,
Вторым номером, вторым фронтом.

Лжи гримасы в Европе немыслимы,
Что ни лидер — то «правды» избранник.
Независимые — вы зависимы
От кнута, рот раскрыв на пряник.

Шут — оракул!
Простим аллегорию.
Вновь входу кулаки после драки.
Переписывая Историю,
Суд над истиной чинят писаки.

Рушат памятники исторические,
В память подвигов, в честь Победы,
Где когда-то сражались стоически
Наши братья, отцы и деды.

Вы планету надежды лишаете,
Вы пожары бензином тушите.
Вы и памятники разрушаете,
И фундамент под будущим рушите.

Успокойтесь! Примите истину,
Что Истории — вы не авторы.
Вы — лишь часть суеты малочисленной,
Где главенствуют фальсификаторы.

Лжеистория — хуже нечисти,
В ней, как призраки, тени прошлого.
Лжеистория для человечества
Не несет ничего хорошего.

*

Где златилась рожь, где боры стеной,
Жил себе паренёк в Белоруссии.
От родной земли, от семьи родной
Оторваться война «прымусіла».[2]

Слёзы мать лила, был суров отец,
Наползала беда черной тучею.
Для судьбы страны, для живых сердец,
Ничего не бывает худшего.

На Смоленщине, в этот скорбный час,
Паренька провожали родители.
И по всей стране, как последний раз,
Обнимались, войну ненавидели.

И пошли сыны от республик всех,
Все навстречу опасности двинули,
Веря в светлый день, в ратный наш успех,
Всё, что дорого сердцу, покинули.

И катился вал по земле родной,
Вал свинца и огня, дыма смрадного.

[2] Заставила.

И витала смерть надо всей страной,
И поила смерть кровью шар земной,
Ненасытная, беспощадная.

И за боем бой, и за пядью пядь,
Гнали в шею захватчика лютого.
И всё чаще, чаще Отчизна-мать
Отмечала победы салютами.

Весь народ восстал против тьмы и зла,
Пострадав, заплатив очень дорого.
И очищена до границ была
От захватчиков вся наша Родина.

Но не мог солдат повернуть назад,
К очагам родным, видя зарево —
Впереди пылал Будапешт, Белград,
Вся Румыния, Польша, Болгария.

Зло творил фашизм, словно в страшном сне —
Смерть народам и порабощение.
И Европа вся — вся была в огне,
В Красной Армии видя спасение.

И атаки вновь, кровь и смерть опять,
Гнали воины зверя жестокого.
И за боем бой, и за пядью пядь,
Шли вперёд до фашистского логова.

По Европе всей как встречали вас!
Вы такого не знали, не видели —
Слёзы радости, ликованье масс,
Крики: — Слава освободителям!

Для ликующих были вы тогда,
Как Мессия, свободы гарантами,
Возносили вас… Но прошли года,
И теперь вас зовут оккупантами.

То политиков оголтелых прыть,
Что Историю злобно коверкают.
Это ж надо так правду исказить,
Не Европа — кривое зеркало.

*

Белорусский «хлапец» под Варшавой пал,
Он хотел одного — только мира нам.
Много лет спустя «оккупантом» стал —
Он два метра земли «оккупировал».

Из Смоленщины паренёк сражён,
Где-то у переправы за Вислою.
Был спасителем для Европы он,
Отдал жизнь, видя в том свою миссию.

Сколько пало вас!
Сколько полегло,
Чтобы жизнь на земле воспрянула.
Но воспрянуло вместе с ней и зло,
Как ни жаль, оно в вечность не кануло.

Только памятью будет мир силён,
Почитая величье спасителей.
И в сердцах, в веках не померкнет он,
Подвиг воинов-освободителей.

Ими вырван мир из объятий тьмы,
Всем им слава, шагнувшим в бессмертие!
С ними празднуем День Победы мы,
День семидесятипятилетия!

Гумар
2019–2020

На рыбалке

Рассвет лишь просыпаться начал
Окрашивая гладь воды
В пурпур. А я уже рыбачил,
Мне не до сна, не до еды.

В озёрной чаше, на серёдке,
Полнейший штиль, ни ветерка.
Застыла, задремала лодка
И я в ней, в позе рыбака.

Но рыбы нет, поклёвок даже,
Рассвет — расплавленный металл.
Поклёвок не было, но я же,
Тихонько носом заклевал.

Я задремал, надежды полный,
На сверхудачливый улов.
И вдруг вокруг взметнулись волны,
Исторгнувшие чей-то зов.

Вон девушка!
Или русалка?
В волнах металась и звала.
Спасу её! К чертям рыбалка!
Спасу — она ведь так мила.

А волны всё швырялись пеной,
Одна в одну, одна в одну.
С улыбкой необыкновенной,
Она, плеснув, ушла ко дну.

Не сняв сапог,
Не сбросив шмотки,
Красавицы спасая жизнь,
Я бросился за ней из лодки,
Крича неистово: — Держись!

Я, как щенок, в воде крикливо
Барахтался. Уж рассвело.
Качалась лодка сиротливо,
И здесь же плавало весло.

Я влез в посудину, промокший,
За сон и прыть себя кляня.
Но сон-то! Сон-то был роскошный,
Он щедро наградил меня.

Клёв разыгрался — мать честная!
Пик радости для рыбака.
Снять рыбу успевал едва я
И наживить вновь червяка.

Лини, лещи, плотвичка, щуки!
Эх, жаль, не водится здесь кит.
Я понял — то русалки штуки,
Она меня благодарит.

Алегорыі

Каханыя сварацца позна ці рана,
Ды іх асвятляе кахання маяк.
І мы пасварыліся з ёй нечакана,
А вось памірыцца не можам ніяк.

Гармонія сэрцаў не мае цаны.
Я ёй прапаную разоў можа пяць:
— Давай закапáем сякеру вайны!
Ды словы адскокваюць, як ад сцяны.
Яна мне: — А чым будзеш дровы шчапаць?

Тады прапаную другое ёй шчыра,
Абняўшы яе, з цеплынёй гавару:
— А можа закурым з табой люльку міру?
Яна мне: — Ты ж ведаеш, я не куру.

Я ўзяўся за сэрца: — Каханнем я хворы!
— Кладзіся ў бальніцу.— Мне раіць яна…
Як лёгка жылося б нам без алегорый,
Яны паміж мною і ёй, як сцяна.

Адкрыю!

Не дадзена мне… Шмат не дадзена…
Карысці — нуль з лёсу майго.
Мой лёс — драбяза, свет — грамадзіна,
І хто я? Што я для яго?

Адметнае што ў маім лёсе?
Ды так… Праца — дом, праца — быт.
Адкрыць штосьці не давялося,
Цяпер на адкрыцці ліміт.

Амбіцый маіх — аж пад бэльку,
Ну што б мне адкрыць? Што? Прашу!
Куплю і адкрыю бутэльку,
Нап'юся й адкрыю душу.

Мой лёс, ён папаў пад ліміты,
Няўжо без адкрыццяў міне?
Успомніў я цуд не адкрыты —
Мяне ён чакае! Мяне!

Пакуль не дастаўся Аіду,
Жывая пакуль мая плоць,
Адкрыю для ўсіх Атлантыду,
Калі дапаможа Гасподзь.

Обменялись

При встрече я ее спросил:
— Вы замужем? Иль так живете?
Вопрос ее слегка смутил…
— Не замужем, но вся «в работе».

Спросила и она: — А вы?
Оскалив зубы, как пиранья.
— Я, к счастью, или же, увы,
И не женат, и нет желанья.

Она оскалилась: — Ха-ха!
В ваши лета — один в постели?
Жить разве можно без греха?
Здорова ль плоть в здоровом теле?

Я ей сказал, повысив тон,
О том, что и самой известно:
— Вы вся, как городской притон,
В котором горожанам тесно.

Порублю!

Сейчас вернусь во времена иные,
Событья прошлых лет расшевелю:
Не только наши алкаши родные,
Все скинуться любили по рублю.

И вот я расскажу не ахинею,
А случай из столетней давнины.
Белогвардейцы даже — «честь имея»,
Однажды были в том уличены.

…Чапаевцы врага атаковали,
Чапаев грозно крикнул: — Порублю!
И белые оружье побросали,
И дружно все достали по рублю.

Приметы

Душа в приметы верить рада.
Мне говорит один, другой,
Чтоб повезло, споткнуться надо,
Но только левою ногой.

Я забывать стал понемногу
Примету эту — но скандал:
На левую споткнулся ногу,
А руку правую сломал.

Опять вокруг гуляют слухи,
И как не верить, ё-моё?
Коль в левом зазвенело ухе,
Что загадаешь — всё твоё.

Об этом я не слышал прежде,
Теперь и с этим я знаком —
Мне пьяный вечером в подъезде
По уху смазал кулаком.

И звон в ушах — на всю столицу,
Врачи, милиция, скандал…
А я? А я попал в больницу,
Хоть это и не загадал.

Нет, верить больше я не буду
В слепую радужность примет —
Жена побила всю посуду,
А счастья не было и нет.

Знайсці б...

Знайсці б той дуб «у Лукоморья»,
Пацешыцца на схіле год
Пакуль жыву і не памёр я,
Убачыць, што гэта за кот.

Я казкамі па горла сыты
Даўно — бадай бы іх ваўкі.
Ды спадзяюся, гнуты, біты,
Магчыма, кот той знакаміты
З Шехерызадай — сваякі.

Магчыма, я дарэмна мылю
Вяроўку — прэч яе бы з воч.
А раптам казка стане быллю
У тышча першую хоць ноч.

А ўвогуле, прывык я змалку
Не з казкай быць, з жыццём на «ты».
Не трэба кот мне той з Русалкай
Й ланцуг не трэба залаты.

По Крылову

Послал мне как-то Бог кусочек сала,
Которое не ел я отродясь.
Досель проголодался я не мало,
И потому, на пень я взгромоздясь,
Собрался этот щедрый дар откушать.
Раскрыв хлебало и развесив уши,
Пред тем, как сало с аппетитом съесть,
Решил молитву к Господу вознесть.
Поднял глаза я к небесам влюбленно,
Успел озвучить «Слав те Бог…» едва,
Как вдруг откуда ни возьмись — ворона,
Хвать сало!
С ним была плутовка такова.

———

Мораль сей притчи зреет неспроста,
Она проста:
Учиться надо у кота.
Чтобы подобной избежать беды,
Кот моется (читайте «молится»)
После еды.

———

Чтоб факт не повторился невезучий,
Другая есть мораль на этот случай:
Когда собрался кушать сало,
Не раскрывай хлебало.

Шчырасць

Дасціпныя спыталі языкі —
Скажы, чаму няшчыры ты такі?
Няшчыры я?
Вось табе й на!
Падкус ваш непрыемна-горкі
Ды шчырасць у мяне адна,
І я адзін —
А вас вунь колькі!

Разумны

Вокны ўжо ружовіць сонца,
Скіньце ліпкі сон з вачэй,
Кіньце пазяхаць бясконца,
Прачынайцеся хутчэй.

Хопіць дрыхнуць без прадыху,
Спеў салоўкі праспіцё.
Сон кароткае пацiху
Укарочвае жыццё.

Я разумны, век пражыўшы,
Сам я не расплюснуў вок.
І цяпер, вас разбудзіўшы,
На другі валюся бок.

Исповедуюсь...

шутка

Я такой чудак большой,
Исповедуюсь душой
Пред зеркалом.
Из него при свете дня
Кто-то смотрит на меня
Лекарем.

Гляну вечером в него,
Непонятно ничего —
Ой, мамоньки!
Сердце в страхе вопиит,
Кто-то в зеркале стоит
Пьяненький.

Ночью сон мой — в пух и прах,
В зеркале — дремучий страх
Кроется.
От него мороз в груди,
От него ты огради,
Святотроица.

Мыслям ночью не до сна,
Бились об одну одна,
Кумекали.
Снова сердце вопиит,
Ох и рожа, ох и вид
В зеркале.

Я покоем нелюбим,
Я за каяньем своим
Следую.
Так пред кем же, перед кем,
От волненья глух и нем,
Исповедуюсь?

Утром в зеркало я — глядь,
Бог ты мой! Честная мать
Утешная!
В зеркале… Ведь это я,
Мордуленция моя,
Грешная.

А вдруг...

шутка

Поддавшись сладкой беззаботной лени,
С которой каждый изредка знаком,
Я задремал под солнышком весенним,
Сев на скамейку в парке городском.

Я был один, кому я нужен старый?
Так было, есть и будет так — века.
Вокруг гуляли молодые пары,
О старости не думая пока.

Мне душу переполнило затишье,
Какое пребывает лишь во сне.
Я вдруг услышал властный голос свыше,
С небес летящий именно ко мне.

Ко мне, всю жизнь не знавшимся с корыстью,
А лишь с укладом жизненным простым:
— Скажи лишь «да», и я тебя причислю
Сегодня же к апостолам святым!

Я дрёму сбросил, весь в холодном поте,
Был лёд под сердцем, не весны уют.
Вскочил я с криком:
— Не хочу! Увольте!
Живым такие званья не дают!

И хоть во сне я Богом был обласкан,
Я в грешном сердце затаил испуг.
Теперь гляжу на небеса с опаской —
А вдруг всё это сбудется… А вдруг…

Восьмой акт

Я правила нарушил, и гаишник,
Чтоб закрепить бумажно этот факт,
Сопя под нос, без разговоров лишних,
Оштрафовал меня, составил акт.

На суть вещей теперь я глянул шире,
Помог мне в этом штраф дорожный мой:
«Семь актов жизни» вспомнил из Шекспира,
Старик ошибся, вот он, акт восьмой.

Так не будзе

Адным — пражыць сумленна — шчасце,
Другім — на грошы б квапіцца,
Каму — ў гісторыю папасці,
Каму — ў яе б уляпацца.

Ды так не будзе, хто што хоча,
Хоць лопніце вы тут усе.
Між вас вунь курка — квохча, квохча,
А яйка так і не знясе.

Внедорожник

В жизни разные есть темы,
От которых дрожь по коже.
И, к примеру, знаем все мы,
Что гаишник без проблемы
И к столбу придраться может.

Был со мною случай как-то,
Свеж он в памяти поныне:
Ехал с песней я по тракту
На новёхонькой машине.

Впереди — гляжу, гаишник,
Весь в монументальной позе.
Он, без проволочек лишних,
Сразу же меня тормозит.

Ох, уж этот парень хваткий,
Ложка дёгтю в бочке мёда.
Я спокоен — всё в порядке,
Тачка только что с завода.

Документы все — в ажуре,
Комар носа не подточит.
Но гаист в стакане бурю
Сотворит, когда захочет.

Подошёл ко мне вразвалку,
Втихомолку — не талдычит.
Тут же жезл свой, словно палку
Беспардонно в нос мне тычет.

Улыбается — не грубый,
Внешне весь — непререкаем.
Тихо процедил сквозь зубы:
— Тэ-экс… хозяин, нарушаем.

Я взопил, моля пощады:
—Что? Откуда? Как? Да что вы?
Но моей мольбы тираду
Голос оборвал суровый.

— Это что у вас?
— Машина.
— Вижу сам, понять не сложно.
Вижу, что не коломбина,
Внедорожник?
— Внедорожник.

Снова слышу голос строгий:
— Если внедорожник это,
Ездить надо вне дороги,
Вдоль дороги, по кюветам.

Так что штраф вам обеспечен,
Раскошеливаться нужно!
Заплатил я, крыть мне нечем
И в кювет свернул послушно.

Анекдот с бородой

Брексит,
Брексит,
Брексит,
Брексит —
Месяцы, из года в год.
Он однообразьем бесит
С бородою анекдот.

Брексит,
Брексит,
Брексит — снова,
Как оскомина во рту.
В мире от такого слова
Ощущают тошноту.

Мир пресыщен, мир издерган,
Брексит, брексит — он да он.
Не смешите женский орган,
Он без брексита смешон.

2019

Не ново

Сумели прикарманить
И навсегда, боюсь,
Европу — мусульмане,
Китайцы — Беларусь.

Призыв, давно не новый,
Я помню, сколь живу:
«Не суйте в пасть головы
Дракону или льву».

Марсиане

Ученый мир «резину тянет»,
На диссертациях воссев:
То тайно инопланетяне
Брюхатят наших жен и дев.

То залетают к нам открыто,
В тарелках над землёй вися.
А чтоб конкретней —
Шито-крыто,
Вот информация и вся.

И остальное всё в тумане,
Догадки разных величин —
То наши предки — марсиане,
(О, как обидно обезьяне!)
То кто-то из морских глубин.

Теперь скажу вам по секрету,
Какой потряс меня изъян:
Я как-то заполнял анкету,
И, впопыхах, в бумагу эту
Вписал, что я не из крестьян,
А из далёких марсиан.

Вот тут-то я на своей шкуре
И ощутил, что есть Содом —
Шум, гам
Вокруг моей фигуры —
И прямо упекли в дурдом.

Что ж, за описку и расплата,
Я психом сделался —
Хоть плач.
Но как-то раз, ко мне в палату,
Тихонько заглянул главврач.

Подсел ко мне, разволновался,
И шепчет к уху моему:
— Привет, земляк!
Я тоже с Марса!
Но ты об этом — никому!

Чарга

замалёўка з мінулага

— Хто апошні?
— Я.
— А што даюць?
— Я сама стаю ўсяго хвіліну.
— Запытайце спераздзі мужчыну.
— Я пытала, ён не хоча чуць.

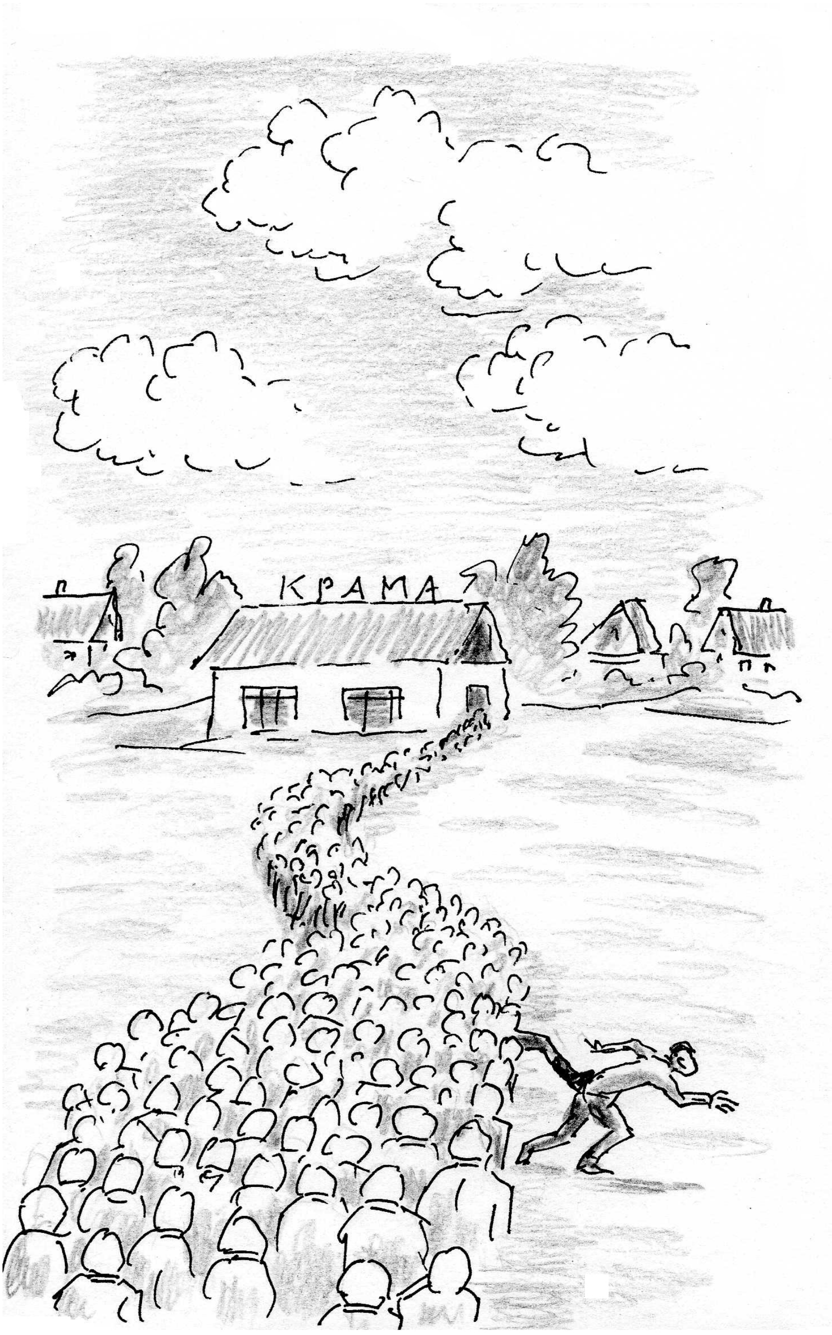
— Гэй, мужык! — звярнуўся я рашуча,—
Што даюць? Адпалыкні язык.
— Бачыш вунь людзей якая куча,
Значыць, дэфіцыт.— Сказаў мужык.

Раіць тая, што перада мною:
— Што там, вы б разведалі… Смялей!
А людзей стаіць — сцяна сцяною,
Больш, чым у вядомы Маўзалей.

Я сабраўся з духам — і наперад,
З боем прадзіраўся — не дыхнуць.
Ўсё на свае вочы там праверу —
Лепш убачыць раз, чым сто пачуць.

То грудзьмі уперад я, то бокам,
У рабоце — рукі, ногі, лоб.
Я штурхаю, лезу крок за крокам
Праз вялікай шчыльнасці натоўп.

І мяне ў адказ штурхаюць людзі,
То адзін піхнецца, то другі.
Раптам нехта хваць мяне за грудзі:
— Ты куды нахабна без чаргі?

КРАМА

Тут чарга напружана узвыла:
— Бач, знайшоўся разумней за ўсіх!
Даць яму па шыі! Лепш у рыла!
Па пячонцы садані! Пад дых!

Я стаю пад лаянкай, пад потам,
Быццам не ў жыцці, а ў страшным сне.
— Я ж хацеў убачыць толькі, што там!
Варта мне ў хвасце стаяць ці не.

— Вось і прэч у хвост свой, потрах суччы!
Тут чаргі не хвост, а галава.
Выпхнулі з чаргі мяне рашуча,
Ў крыўдзе, ў сіняках, без рукава.

Я пайшоў — і як цяпер праверу,
Што там прадаваў гандлёвы збыт.
Кажуць, туалетную паперу,
Сацыялістычны дэфіцыт.

Ды ну іх да д’ябла!

Што трэба зрабіць
На жыццёвым вяку?
Дзіця нарадзіць,
Пасадзіць, кажуць, дрэва,
Дом зладзіць,
Схадзіць патаемна «налева»,
Прышпорыць Пегаса
На поўным скаку.

Дабро неабходна рабіць
Для людзей,
Духоўным быць,
Не мацюкацца,
Не красці,
Прыкідвацца,
Быццам жывецца у шчасці,
І гэтае шчасце
Нам дорыць хакей.

Часцей неабходна
Прамочваць свой рот,
Піць чарку штодзённую,
Грэць пупавіну.
Адолець цыстэрну,
Хаця б палавіну
Пад хмельныя песні
Пра шумны чарот.

Не, дзеці — абуза,
Яны не па мне.
Кватэра ў мяне, дом не трэба.
А дрэва?

О! Лепш замест дрэва
Я скокну налева.
Пегаса аднойчы
Прысніў я у сне,
І мулка было
На яго мне спіне.

Дабро для людзей я рабіў
І не раз
Не краў,
Ды галодны па свеце бадзяўся,
«Мерсікаў», «пардоніў» і не мацюкаўся.
І што?
Толькі кпіны я чуў у адказ.

Ды ну іх да д’ябла,
Хто вучыць мяне,
Хто мне пра дзяцей
Ды пра дрэвы гародзіць.
А вось пра цыстэрну
Падумаць не шкодзіць,
Ну хоць пра палову —
Чаму бы і не!

О Божа мілы!

Хачу ляцець, але бяскрылы,
Іду, а ногі — хрусь ды трэсь.
Сагнуся — лопаюцца жылы,
Жонка пад бок, крычу: — Адлезь!

П’ю цераз сілу, ем бяззуба,
Забыўся пра начны загул.
Ці буду жыць, ці мо дам дуба —
То цвёрды, то дзіцячы «стул».

Усюды ные, муліць, коліць,
Стаміўся ад жыцця-брыды…
Вось гэтак мой сусед скуголіць,
Ён за мяне больш малады.

Прыкінуў я: — О Божа мілы!
Каб толькі не спазніцца! Каб!
Пакуль яшчэ крыху ёсць сілы,
Кульну гарэлкі і — да баб.

З м е с т

Вершы 2019–2020

Аўтарскія рускамоўныя вершы 2019–2020

Паэмы 2019–2020

Гумар 2019–2020

Літаратурна-мастацкае выданне

ДАВІДОВІЧ Сяргей Фёдаравіч

ЗБОР ТВОРАЎ

Том 12

Вершы
Паэмы

Адказны за выпуск *Зміцер Колас*

Малюнкі *С. Ф. Давідовіча*
Фота *Л. С. Тайноўскага*

Мастацкае афармленне серыі *С.Ф. Давідовіча*
Тэхнічны рэдактар *Л.А. Талстухіна*

Падпісана да друку 10.02.2020. Фармат 84×108 $^{1}/_{32}$. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Друк лічбавы. Ум. друк. арк. 21,84.
Ул.-выд. арк. 16,67. Наклад 50 экз. Заказ №10.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: індывідуальны прадпрымальнік
Зміцер Колас. Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца,
вытворцы, распаўсюдніка друкаваных выданняў.
№ 1/291 ад 17.04.2014.
Пр. Незалежнасці, 105-14, 220114, Мінск.